

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ФОНД «ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ — 5:
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА
(ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, МАТЕМАТИКА, КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ,
ТЕОЛОГИЯ, ЭТИКА)

Transcendental Turn in Contemporary Philosophy — 5:
Transcendental method and modern science
(natural sciences, mathematics, cognitive sciences, theology, ethics)

Тезисы международного научного семинара
Abstracts of the International Workshop
Москва, 23—25 апреля 2020г.

ГАУГН-ПРЕСС
2020

Организационный комитет семинара:

В.А. Лекторский, д. филос. н., проф., акад. РАН (Москва, ГАУГН, Институт философии РАН). С.Л. Катречко, к. филос. н., доц. (Москва, ГАУГН, Фонд «Центр гуманитарных исследований»). В.Н. Белов, д. филос. н., проф. (Москва, РУДН). А.А. Шиян, к. филос. н., доц. (Москва, РГГУ).

Н.Н. Емельянова, к. полит. н. (Москва, ГАУГН)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-011-20157 «Научные мероприятия»)

Авторы:

Артеменко Н.А., Балановский В.В., Белоусов М.А., Бердаус С.В., Белов В.Н., Витехтина Л.Д., Болотов И.В., Воробьева А.А., Громько Н.В., Громько Ю.В., Данилкина Н.В. (N. Danilkina), Дворкин И.С., Докучаев И.И., Дрожжкая Е. В., Евстигнеев М.Д., Ерошенко А.А., Жуков В.Н., Загидуллин Ж.К., Зайцев И.Н., Иванов А. Е., Калинин Л.А., Катречко С.Л., Клементьев Б.С., Кожокару Н.И., Козарезова О.О., К. Колька (С. Kolka), Комаров С.В., Коначева С.А., Корнилаев Л. Ю., Крюков А.Н., Кузнецова Н.И., Куликов С.Б., Кускова С.М., Лебедева А. В., Лепилова А.И., Литвин Т.В., Логинов А.В., Логиновская Ю.В., Лошаков Р.А., Лызлов А.В., Маслова А.В., Махлин В. Л., Мёдова А. А., Мирошниченко М. Д., Мишагин П. А., Михайлов И.Ф., Михайлов Я.К., Мухутдинов О.М., Мисникова Т.А., Невважай И.Д., Нестерук А.В., Я. Ни (Yicai Ni), К. Оноф (Ch. Onof), Ст. Пальмквист (S.Palmqvist), Паткуль А.В., Перепечина А.С., А. Петрас (A.Pietras), Подобуева Е.В., Поляков А.А., Попов Д.Н., Попова В.С., Пржиленский В.И., Ровбо М.В., Савинцев В.И., Самохвалова В.К., Свердлов А.М., Сотников В.Р., Сторчеус Н.В., Счастливец Е.А., Терентьева Т.А., Тегуев Л.И., Филатов В.П., Л. Форджионе (L. Forgione), Фролов А.В., Фролова Е.А., Дж. Фэйрхерст (J. Fairhurst), Р. Ханна (R. Hanna), Д. Хоган (D. Hogan), Шиян А.А., А. Шнелль (A. Schnell), В. Чиботару (V. Cibotaru).

Ответственные редакторы:

к. филос. н., доц. С. Л. Катречко; к. филос. н., доц. А. А. Шиян

Рецензенты

акад. РАН, проф., доктор философских наук В.А. Лекторский, член-корр. РАН, проф., доктор философских наук В.В. Васильев

Т 65 Трансцендентальный поворот в современной философии (5): трансцендентальный метод и современная наука (естествознание, математика, когнитивные науки, теология, этика): тезисы 5-го международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии» (Москва, 23–25 апреля 2020 г.) / Отв. ред. С.Л. Катречко, А.А. Шиян. — М.: Изд-во ГАУГН–Пресс, Фонд ЦГИ, 2020. — 208 с. — ISBN 978-5-6042181-7-4

В сборнике представлены тезисы 5-го ежегодного московского международного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальный метод и современная наука», посвященного обсуждению трансцендентального метода как методологического–теоретического базиса трансцендентальной философии в ее кантовском, неокантовском и феноменологическом модусах, а также прикладных трансцендентальных исследований в различных областях научного знания (философия науки (естествознание, математика, гуманитарное знание), когнитивная наука, теория сознания, философия языка, теология, этика, эстетика, социальные исследования и право). Издание ориентировано на исследователей, интересующихся философскими проблемами эпистемологии, философии и методологии науки, философии сознания, философии языка, философии религии (теологии) и социума.

This volume presents the abstracts of the 5th annual Moscow international workshop «*Transcendental Turn in Contemporary Philosophy: the transcendental method and modern sciences*», devoted to the discussion of the transcendental method as a methodological and theoretical basis of transcendental philosophy in its Kantian, neo-Kantian and phenomenological modes, as well as applied transcendental modes in various fields of scientific knowledge (philosophy of science (natural sciences, mathematics, humanitarian knowledge), cognitive research, theory of mind, philosophy of language, theology, ethics, aesthetics, social studies and law). The publication is aimed at researchers interested in the philosophical problems of epistemology (cognition theory), philosophy and methodology of science, philosophy of consciousness, philosophy of language, philosophy of religion and society.

УДК 1/14 (091)

ББК 87.2+87.1

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ, договор №2796-12/2016К от 14.12.2016).

The information about published articles is given to the system of Russian science citation index (contract №2796-12/2016K; 14.12.2016).

Все статьи рецензируются и публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакторов может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

© Авторы, 2020

© ГАУГН, 2020

© Фонд «Центр гуманитарных исследований», 2020

Содержание

Content

Оглавление (Table of contents)	3–7
О московских трансцендентальных семинарах (<i>On Moscow transcendental workshop</i>)	9
Раздел 1. <i>Кантовский проект трансцендентальной философии</i> Kant's Project of Transcendental Philosophy	13
Раздел 2. <i>Кантовский трансцендентализм</i> Kant's transcendentalism	28
Раздел 3. <i>Трансцендентальный метод и наука</i> Transcendental method and Science	44
Раздел 4. <i>Трансцендентальная концепция субъекта (сознания)</i> Transcendental Theory of the Subject (Consciousness)	57
Раздел 5. <i>Феноменологический метод и наука</i> Phenomenological method and Science	74
Раздел 6. <i>Феноменология и проблема мира</i> Phenomenology and problems of the World	86
Раздел 7. <i>Трансцендентальный и его развитие неокантианстве</i> Transcendental Method and its Development in Neo-kantianism	100
Раздел 8. <i>Трансцендентальный метод и эпистемология: научное знание и условия его возможности</i> Transcendental Method and Epistemology: Scientific Knowledge and Conditions of its Possibility	122
Раздел 9. <i>Трансцендентализм и его применение в теологии и этике</i> Transcendental Method and its Applications in Theology and Ethics	139
Раздел 10. <i>Рецепции трансцендентализма. Прикладные трансценден- тальные исследования</i> Receptions of Transcendentalism. Applied Transcendental Studies	155
Раздел 11. <i>Приложения</i> Appendixes; Reference materials; Information	174

О московских трансцендентальных семинарах	11
Раздел 1. Кантовский проект трансцендентальной философии	
<i>Катречко С. Л.</i> Кантовский проект трансцендентальной философии . . .	13
<i>Schnell A.</i> Überlegungen zur transzendentalen Phänomenologie heute . . .	15
<i>Калинников А. А. И.</i> Кант о трансцендентальном идеализме и трансцендентализме критическом	16
<i>Pietras A.</i> What does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? On the essence of the transcendental method . . .	18
<i>Невважай И. Д.</i> Трансцендентальное versus принципа тождества	19
<i>Махлин В. Л.</i> “Перевернутая предпосылка”: Социально-онтологическая трансформация трансцендентализма в философии конца Нового времени	21
<i>Шиян А. А.</i> Трансцендентальная феноменология Гуссерля как дескриптивная метафизика	24
<i>Воробьева А. А.</i> Влияние кантовского трансцендентализма на объектно-ориентированную онтологию Грэма Хармана	26
Раздел 2. Трансцендентализм Канта	
<i>Hanna R.</i> Sensibility First: How To Interpret Kant’s Theoretical and Practical Philosophy	28
<i>Комаров С. В.</i> Онтологическое истолкование постулатов эмпирического мышления	30
<i>Onof Ch.</i> On the Third Antinomy and the nature of Transcendental Idealism	32
<i>Лошаков Р. А.</i> Доказательство «третьей аналогии опыта» в «Критике чистого разума» Канта: между возможным опытом и возможностью опыта	33
<i>Мухутдинов О. М.</i> Конституция предмета познания в трансцендентальной логике Канта	35
<i>Болотов И. В.</i> Две истории разума И. Канта	37
<i>Поляков А. А.</i> Роль И. Н. Тетенса в создании первого издания Критики чистого разума	38
<i>Сотников В. Р.</i> Категории модальности: Кант vs. Гегель	40
<i>Счастливецва Е. А.</i> Трансцендентальная схема пространства и времени в философии Канта	41
Раздел 3. Трансцендентальный метод и наука	
<i>Катречко С.Л.</i> Трансцендентальный метод Канта как методология современного научного познания (вступительное слово)	44
<i>Palmquist S.</i> Prolegomena to Any Future Mathematics? Kant’s Influence on Post-Kantian Scientific Revolutions	45
<i>Нестерук А. В.</i> Научная деятельность и структура физической реальности в перспективе философской феноменологии	47

<i>Пржиленский В. И.</i> Методическая индукция как средство конструирования реальности в философии науки позднего Гуссерля	49
<i>Hogan D.</i> Kant and the Character of Mathematical Inference	51
<i>Евстигнеев М. Д.</i> Что значит для математики давать реальные определения своих понятий?	52
<i>Михайлов Я. К.</i> Рождение феноменологии из духа математики	54
Раздел 4. Трансцендентальная концепция субъекта (сознания)	
<i>Forgione L.</i> Kant and the pre-reflective self-consciousness	57
<i>Мирошниченко М. Д.</i> «Наука Другого»: способна ли кардиофеноменология разрешить трудную проблему сознания?	60
<i>Ровбо М. В.</i> Э. фон Гартман о «падении» трансцендентального субъекта в философии И. Канта	62
<i>Балановский В. В.</i> Бессознательное как достаточное основание: Кант о тёмных представлениях	64
<i>Громыко Н. В., Громыко Ю. В.</i> Знание о сознании и современные театральные контексты его возможности	66
<i>Битехтина Л. Д.</i> Антропологические зарисовки: дар и призвание (по мотивам «Кантианские вариации» М. К. Мамардашвили)	69
<i>Логиновская Ю. В.</i> От Канта к Попперу: развитие идей о человеке в контексте проблемы идентичности	70
Раздел 5. Феноменологический метод и наука	
<i>Попов Д. Н.</i> Систематизация направлений феноменологической философии науки	74
<i>Докучаев И. И.</i> Феноменология как строгая наука и проблема демаркации философии и науки	76
<i>Белоусов М. А.</i> Гуссерль vs Галилей: перевернутая критика натурализма	78
<i>Бердаус С. В.</i> Проблема обоснования знания в феноменологии с точки зрения современной эпистемологии.	80
<i>Чиботару А. Л.</i> Проект универсальной грамматики с феноменологической точки зрения	82
<i>Kolka C.</i> Husserls Strukturentwurf in Bezug auf die Grammatik des Deutschen	84
Раздел 6. Феноменология и проблема мира	
<i>Крюков А. Н.</i> Природа как physis, жизнь как Lebenswelt (Клаус Хельд о феноменологической проблематике кантианских основоположений)	86
<i>Терентьева Т. А.</i> Факт как объективная реальность и понятие фактичности в трансцендентальной феноменологии	88
<i>Паткуль А. Б., Фролов А. В.</i> Мир как источник возможного	90
<i>Артеменко Н. А.</i> Трансформация понятия мира у раннего Хайдеггера.	92

<i>Дрожецкая Е. В.</i> Проблема соотношения феноменологической и эстетической установки в работах Э. Гуссерля	94
<i>Свердликов А. М.</i> Алетейя и Абсолют: сопоставление критики трансцендентализма у позднего Хайдеггера и в немецком идеализме	96
<i>Yicai N.</i> Schelling and Husserl on the Concept of Passive Synthesis	98
Раздел 7. Трансцендентальный метод и его развитие в неокантианстве	
<i>Белов В. Н.</i> Философия религии Когена и Наторпа: споры и разногласия	100
<i>Дворкин И. С.</i> Коген, Хайдеггер и научная революция Нового времени	102
<i>Жуков В. Н.</i> Кантианство и неокантианство в социологии права Германии и России конца XIX — начала XX в.	103
<i>Фролова Е. А.</i> Феномен правового сознания в теории Б.А. Кистяковского	105
<i>Тетюев Л. И.</i> Неокантианство и актуальность критического метода Канта в современной философии	106
<i>Клементьев Б. С.</i> Этика Германа Когена: от нравственного априори к этическому социализму	108
<i>Корнилаев Л. Ю.</i> Трансформация трансцендентализма в поздней философии П. Наторпа	110
<i>Попова В. С. А.И.</i> Введенский о времени в связи с проблемой свободы воли	112
<i>Сторчеус Н. В.</i> Критика антропологии русского неокантианства представителями религиозного направления русской философско-педагогической антропологии	114
<i>Лебедева А. В.</i> Эстетика А.В. Вейдемана	116
<i>Перепечина А. С.</i> Теория познания Германа Когена в оценке современных исследователей	118
<i>Иванов А. Е.</i> Марксистская критика неокантианства — юридический аспект	120
Раздел 8. Трансцендентальный метод и эпистемология: научное знание и условия его возможности	
<i>Катречко С. Л.</i> Возможно ли познание вещей самих по себе (Кант, Гуссерль, Гибсон)?	122
<i>Кузнецова Н.И.</i> Знание с точки зрения теории социальных эстафет	124
<i>Загидуллин Ж. К.</i> Цифровизация науки и переосмысление понятий эпистемологии	126
<i>Филатов В. П.</i> Народная психология как вид знания	129
<i>Самохвалова В. К.</i> От риторических вопросов к эпистемологическим проблемам: о становлении гносеологии Г.В. Лейбница	130
<i>Шиян А.А.</i> Понимание познания и знания в трансцендентализме начала XX века	132

<i>Логинов А. В.</i> «Как возможно знание» в философии М. Шелера	135
<i>Куликов С. Б.</i> Этнос науки и его критика на базе идей Гуссерля и Витгенштейна	137
Раздел 9. Трансцендентальный метод и его применение в теологии и этике	
<i>Коначева С. А.</i> Автономная и теонимная смерть: интерпретация конечности в трансцендентальной теологии Карла Ранера	139
<i>Литвин Т. В.</i> Трансцендентальный метод в современных дискуссиях о научном статусе теологии	141
<i>Зайцев И. Н.</i> Теология против мифологизации науки	142
<i>Козарезова О. О.</i> Антиномизм троического богословия о. Павла Флоренского и трансцендентальная диалектика И. Канта	145
<i>Мишагин П. А.</i> Свобода как свободная причинность в единстве трансцендентального и практического аспектов	147
<i>Лепилова А. И.</i> Путь к свободе через прекрасное: Шиллер против Канта	150
<i>Fairhurst J.</i> 'Ethics is Transcendental' (Tractatus Logico-Philosophicus, 6.421)	152
<i>Кожокару Н. И.</i> Категорический императив Канта в медицинской деонтологии	153
Раздел 10. Рецепции трансцендентализма. Прикладные трансцендентальные исследования	
<i>Михайлов И. Ф.</i> Кант и социальные онтологии	155
<i>Кускова С. М.</i> Трансцендентальный подход к социальному познанию	157
<i>Лызлов А. В.</i> Язык как условие возможности познания в философии И.Г. Гамана	159
<i>Мёдова А. А.</i> Трансцендентальный метод в музыкальных исследованиях	160
<i>Danilkina N.</i> Humanity as the transcendental subject of science: Bulgakov vs Kant	163
<i>Маслова А.В.</i> Проблема эстетического в трансцендентальной философии Иммануила Канта	164
<i>Ерошенко А. А.</i> «Положение времени и способ отношения к истории в трансцендентальной парадигме И. Канта»	166
<i>Мясникова Т. А.</i> «Кантовское разграничение трансцендентальных и рассудочных понятий как ключ к пониманию взаимосвязи морали и вкуса»	168
<i>Подобуева Е. В.</i> Анализ «Черного квадрата» К. Малевича в контексте феноменологического метода восприятия прекрасного Ж.-Л. Марiona	170
<i>Савинцев В. И.</i> Пространство и время как «априорные истины» в философских исканиях Д.Н. Цертелева	172

Приложения (справочные материалы; информация об авторах)

Аннотации (Annotations/Abstracts; in English)	174
Наши авторы (Authors)	193
Authors (in English)	199
Content (in English)	205

О московских трансцендентальных семинарах

Кантовская трансцендентальная философия предполагает [трансцендентальный] *сдвиг* от изучения предметов к анализу априорных условий возможности их познания (*Критика чистого разума*; [A11—2], [B25]). Этим полагается новая методологическая стратегия (или *трансцендентальная перспектива*), которую Кант именует «измененным методом мышления» (КЧР, ВХVIII, ВХХII), в соответствии с которой, если мы спрашиваем о возможности познания *a priori*, то исходим не из вещи, а из *трансцендентальных* условий [A 106], которые делают ее предметом [возможного] познания. Тем самым Кант совершает «коперниканский переворот» в метафизике и предопределяет *трансцендентальный* поворот в современной философии.

Целью московских семинаров (конференций) «Трансцендентальный поворот в современной философии», является изучение как наследия самого Канта, задающего трансцендентальную парадигму и стиль философствования, так и современной трансцендентальной философской традиции (прежде всего, неокантианства феноменологии). Каждый из таких семинаров предполагает тематическое обсуждение определенных аспектов и проблем трансцендентализма.

Предтечей данных семинаров выступил круглый стол «Возможна ли современная трансцендентальная философия?» на VII Российском философском конгрессе (г. Уфа, 09.10.2015)¹. Была организована видеозапись данного круглого стола (см. *YouTube* <https://youtu.be/PK13HDntpZc>), а по результатам его работы издан сборник материалов².

22—23 апреля 2016 г. был проведен первый тематический семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии: метафизика, теория опыта, теория сознания (?)», приуроченный ко дню рождения И. Канта (22.04.1724 г.; см. его программу: <https://phil.hse.ru/trans> и сборник тезисов: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29024766> и обзор³). Задачей семинара было обсуждение *трансцендентального поворота* в философии, в лице трех основных трансцендентальных философских традиций: кантианства и неокантианства (континентальная

1 См. обзор данного «круглого стола» в «Кантовском сборнике» (2016, вып. 1 (55); https://journals.kantiana.ru/kant_collection/3096/8708/).

2 См. электронный журнал «Радио.ru» №16(2016); (см. второе (переработанное) издание данного сборника: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30030483>).

3 См.: Катречко С.Л. Обзор международных семинаров «Трансцендентальный поворот в современной философии», проведенных в апреле 2016 и 2017 гг. // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2018, Т.22, № 1, с.125—130.

традиция), аналитического кантианства и трансцендентальной феноменологии. «Вопросительное» название семинара выражает общую проблематику обсуждения, а именно: что представляет собой трансцендентальный поворот в философии; это — новая метафизика, теория опыта/опытного познания (что соответствует современной философии науки) или теория сознания? Предметной темой первого заседания семинара было второе «переоткрытие» Канта во второй пол. XX в., прежде всего в рамках аналитической философской традиции (П. Стросон, У. Селларс, Дж. Беннет, Г. Берд, Г. Эллисон и др.), и обсуждение основополагающего кантовского концепта вещи—самой—по—себе, «без которой нельзя войти в кантовскую философию» (Фр. Якоби). Второе заседание семинара, которое проводилось совместно с петербургскими коллегами в виде телемоста, было посвящено феноменологии как одному из модусов трансцендентальной философии. Записи докладов участников семинара и итогового «круглого стола» размещены на *YouTube* (см.: <https://youtu.be/Zf9P8poNPIY> и др.). По результатам работы семинара—2016 был издан сборник статей (<https://elibrary.ru/item.asp?id=29024766>), а тексты докладов ведущих спикеров семинара—2016 опубликованы (в русском переводе) в «Кантовском сборнике» (2017).

27—29 апреля 2017 г. был проведен второй семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии—2: кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус» (см. программу семинара (<https://phil.hse.ru/plc/trans2017>), тезисы докладов⁴ и его обзор⁵). Его задачей было обсуждение специфики трансцендентального идеализма, природы кантовского концепта *явления* в рамках основополагающей для трансцендентализма концептуальной [трансцендентальной] триады: вещь-сама-по-себе (*Ding an sich*) — явление (*Erscheinung*) — представление (*Vorstellung*). Первое заседание, посвященное основной теме семинара было проведено в формате круглого стола. С основными докладами выступили С. Катречко и Н. Штанг (N. Stang). Предметной темой второго заседания была «Проблема феномена/явление у Канта, Гуссерля и их последователей». Основными докладчиками выступили проф. Н. Мотрошилова и В. Молчанов. Важной составляющей семинара было обсуждение поднятой проф. Н. Мотрошиловой темы необходимости терминологической работы над основными понятиями «Критики чистого разума» в частности, различение та-

4 См. архив семинара: <https://phil.hse.ru/plc/arch> (программа: <https://phil.hse.ru/data/2017/04/24/1168733185/Program-final-rus.pdf>; тезисы: <https://phil.hse.ru/data/2017/04/21/1168818300/27.04.2017.docx> (27.04.2017) и <https://phil.hse.ru/data/2017/04/21/1168823731/29.04.2017.docx> (29.04.2017)).

5 См.: Катречко С.Л. Обзор международного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии (2)» (Москва, 27—29 апреля 2017 г.) // Кантовский сборник, 2018, Т.37(1), с.88—93 (https://journals.kantiana.ru/kant_collection/3819/10486/). См. также обзор семинара (в рамках обзора VIII международной конференции «Способы мысли, пути говорения») <https://philosophy.hse.ru/article/view/6882/7455>.

ких понятий как «объект» (нем. *das Objekt*) и «предмет» (нем. *der Gegenstand*)⁶. По результатам работы семинара—2017 был издан сборник статей (<https://elibrary.ru/item.asp?id=30560011>).

19—22 апреля 2018 г. состоялся третий семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии—3: природа (специфика) трансцендентальной философии» (см. его программу: <https://gaugn.ru/en-us/faculties/philosophy/seminar> и сборник тезисов: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35240888>). Его задачей было обсуждение кантовской *идеи* трансцендентальной философии [A1] и развитие кантианского трансцендентального проекта в современной (пост-кантовской) философии: современном трансцендентализме (как развитии собственно трансцендентализма Канта), неокантианстве, феноменологии и др.⁷

Как уже было отмечено выше, краеугольным для трансцендентализма выступает кантовское различие «вещь сама по себе vs явление» (ср. с приведенной выше *трансцендентальной триадой* «вещь-сама-по-себе — явление — представление»). Эта дифференциация смещает границу между объективным и субъективным, что предполагает развитие как новой метафизики (= кантовский *трансцендентальный идеализм*), так и новой теории сознания, а предложенный Кантом трансцендентальный сдвиг от изучения предметов к изучению «способа познания» задает новый модус эпистемологии. Вместе с тем трансцендентализм выступает в качестве методологии как для естествознания и математики («Критика чистого разума»), так и для гуманитарных наук, а также и [трансцендентальной] теологии. Данное различие предопределило основные темы обсуждения четвертого трансцендентального семинара—2019 «Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания», который состоялся 18 — 20 апреля 2019 г. (см. его программу⁸ и сборник тезисов⁹ и сборник материалов¹⁰) (= см. **обзоры** трансцендентальных семинаров 2017—2019 гг.)¹¹).

6 Заметим, что данные термины (*объект* и *предмет*) не различаются, например, в английском языке (*object*), что затрудняет «правильное» понимание кантовской концепции трансцендентализма в англоязычной среде.

7 См. обзор трансцендентального семинара—2018: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41494844>

8 См. <https://gaugn.ru/ru-ru/faculties/philosophy/seminar> + <https://gaugn.ru/ru-ru/faculties/philosophy/seminar/program2019>

9 См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39452678> + <https://gaugn.ru/Portals/0/download/2019/tesis.pdf>

10 См.: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41494716> + https://gaugn.ru/Portals/0/download/2019/transcendental_articles.pdf

11 См. обзор трансцендентального семинара—2019: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41494845>

Мухутдинов О. М., Шиян А. А. Международный научный семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии — 4: трансцендентальная метафизика,

С 23 по 25 апреля 2020 г. будет проходить пятый по счету ежегодный московский семинар «*Трансцендентальный поворот в современной философии (5): трансцендентальный метод и современная наука*» (см. его программу: <https://gaugn.ru/ru-ru/faculties/philosophy/seminar2020>). Он будет посвящен восходящему к Канту *трансцендентальному методу* (в трех своих ипостасях: кантовской, неокантовской и феноменологической) и его применению в современных научных исследованиях. Более специальной темой семинара будет обсуждение перспектив развития пост-кантовских модусов трансцендентальной философии: современных феноменологических и постмодернистских проектов (О. Финк, Л. Тенгели, М. Ришир, Э. Деррида, Г. Харман), проекта дескриптивной метафизики П. Стросона.

Катречко С.Л.

эпистемология и философия науки, теология и философия сознания» (18—20 апреля 2019 года, Москва, Россия) // *Горизонт*, Том 8 (2), 2019. ISSN 2311-6986 (Online), ISSN 2226-5260 (Print). С. 707—724. http://www.horizon.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1738&lang=ru

Катречко С. Л., Державина Н. Ф., Шиян А. А. Кантовский трансцендентализм в современных философских дискуссиях. Обзор международного научного семинара «Трансцендентальный поворот в современной философии — 3» // *Кантовский сборник*, 2019, том 38 № 2. ISSN 0207-6918. 0,5 п.л. С. 103—111. на русск. И англ. языках. https://journals.kantiana.ru/kant_collection/4326/12797/

Катречко С.Л., Невважай И.Д. Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания // *Вестник РУДН, Серия «Философия»*, 2019 Vol. 23 No. 4, С. 548—555. <http://journals.rudn.ru/philosophy/article/viewFile/22620/17685>

Раздел 1

КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ *

УДК 1/14 (101); ББК 87.2 + 87.1

*Катречко С. Л.
(Москва, Россия)*

Аннотация. Специфика кантовского трансцендентализма задается — методологическим и метафизическим — *трансцендентальными сдвигами*. Методологический трансцендентальный сдвиг, постулируемый в дефиниции ТФ [В25], связан с переходом от изучения предметов к исследованию априорных (трансцендентальных) условий их познания (*дескриптивная метафизика*). В основе *метафизического* трансцендентального сдвига, который связан с кантовским *коперниканским переворотом*, лежит его различение «вещь—сама—по—себе (*предмет*) vs. явление (*предмет опыта*)» (*метафизика опыта/явлений*).

Ключевые слова: *трансцендентальная философия, трансцендентальный сдвиг, дескриптивная метафизика, метафизика явлений (опыта)*.

Одна из задач, которую я перед собой поставил, приступая к изучению кантовского трансцендентализма — выявить его ключевое «звено» («исходную интуицию», по Бергсону) или компактное смысловое ядро, позволяющее выразить «главную идею трансцендентальной философии» [A1]. По мере своего освоения Канта, начиная с организации в 2009 г. форума по «Современному трансцендентализму» (<https://transcendental.ucoz.ru/forum/8-1-1-16-1258924970>), я предпринял несколько попыток написания таких программных («манифестных») текстов¹.

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19—011—00925).

¹ Первый полноценный текст *Манифеста* появился в 2011 г. (<https://transcendental.ucoz.ru/forum/8-1-619-16-1321236028>), в 2015 г. я написал важный для меня текст о

На сегодняшний день смысловое ядро кантовского трансцендентализма можно представить следующей последовательностью, где каждый последующий пункт является продолжением и развитием предыдущего: 1. эпистемологический поворот Нового времени (как общая предпосылка кантовского трансцендентализма); 2. формулировка (в письме к Г. Герцу от 21.02.1772) главной проблемы трансцендентализма («главной тайны метафизики») — семантической проблемы соответствия предметов и представлений, которая позже переформулируется Кантом в «главный [синтаксический] вопрос трансцендентальной философии» (*Пролегомены*) о возможности синтетических суждений априори; 3. [методологический] *трансцендентальный сдвиг* от предметов к изучению нашего априорного способа познания, заданный Кантом в его дефиниции трансцендентальной философии [B25] (как общая методология трансцендентализма (включая, в том числе, и *трансцендентальную аргументацию*); ср. с *дескриптивной метафизикой* (П. Стросон); 4. кантовский *коперниканский переворот* (или «измененный метод мышления [в метафизике]» [BXXVIII]) как решение проблемы соответствия за счет введения априорного вектора познания; 5. *метафизический трансцендентальный сдвиг*, который проявляется в двух своих (взаимосвязанных) модусах: а) как «сдвиг» пространства и времени из предметной (объективной) области в область априорных форм чувственности (= кантовский *трансцендентальный идеализм*); б) как различение «вещь—сама—по—себе vs. явление (предмет опыта)», или введение Кантом *трансцендентальной триады* «предмет (=вещь—сама—по—себе) — явление (предмет опыта) — представление», в рамках которой вводимый концепт '*явление*' опосредует отношение между предметом и представлением, решая, тем самым, проблему соответствия.

Таким образом, специфика *трансцендентальной метафизики* состоит в том, что, с одной стороны, она полагает существование реальных предметов, или [эмпирических] вещей самих по себе [B306], и поэтому трансцендентализм совместим с «эмпирическим реализмом» [A370—1], а, с другой стороны, она постулирует *скромность* в познании самих вещей, поскольку реальные предметы даются нам не сами по себе, а как *предметы опыта* (явления). Тем самым Кант развивает не трансцендентную *метафизику предметов*, а трансцендентальную *метафизику явлений (метафизику возможного опыта)*, в основе которой лежит, восходящий к геометрам и естествоиспытателям, *измененный* [трансцендентальный] *метод мышления* [BXXVIII; BXXII].

При этом можно выделить два модуса трансцендентализма. *Слабый* модус трансцендентализма (=методологический трансцендентальный сдвиг) связан

понимании кантовского концепта *трансцендентальный* (<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30105015>), а в 2018 г. был написан текст «*О кантовской идее трансцендентальной философии*» (<https://elibrary.ru/item.asp?id=35291698>).

с изучением нашего априорного способа познания и выявлением трансцендентальных условий возможности опыта. Он мыслится Кантом как «простая аналитика нашего рассудка» [В303], т.е. как *дескриптивная метафизика*. Сильный модус трансцендентализма (=метафизический трансцендентальный сдвиг) связан с кантовским различием «вещь—сама—по—себе vs. явление» (*трансцендентальный идеализм*) и вытекающих из этого (по—)следствий, т.е. развитием *метафизики явлений*.

ÜBERLEGUNGEN ZUR TRANSZENDENTALEN PHÄNOMENOLOGIE HEUTE

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Schnell A.
Wuppertal, Deutschland

Аннотация. Что такое трансцендентальная феноменология? Трансцендентальный идеализм у Канта, Фихте и Гуссерля. Основные моменты «трансцендентального конструирования» у О. Финка и трансцендентальной матрицы смыслообразования М. Ришира.

Ключевые слова. Трансцендентальная феноменология, трансцендентальная конструкция, трансцендентальное смыслообразование, Гуссерль, Финк, Ришир.

Qu'est-ce que la phénoménologie *transcendantale* ? En quoi pourrait consister une « phénoménologie spéculative » ? Distinction entre phénoménologie transcendantale et phénoménologie réaliste. Précurseurs: Fink et Richir. Fink: établit dans la 6ème MC l'essence de l'idéalisme transcendantal. Par contraste, l'idéalisme transcendantal chez Kant, Fichte et Husserl. L'idéalisme transcendantal pour Fink. Fink: 3 points: « comprendre constitutif » ; « construction phénoménologique » ; pré-être. Richir : également 3 points: le phénoménologique et la *Sinnbildung*; matrice transcendantale de la phénoménalisation; l'architectonique (comme annonce de la processualité auto-réflexive de la *Sinnbildung*). Considérations ontologiques, méthodologiques et spéculatives.

Ontologiques: pré-être et *Sinnbildung*. Méthodologiques : induction transcendantale et construction phénoménologique. Spéculatives : matrice générative de la *Sinnbildung*

Размышления о трансцендентальной феноменологии сегодня

Шнелль А.

Вупперталь, Германия

Что такое трансцендентальная феноменология? В чем заключается «спекулятивная феноменология»? Различие между трансцендентальной феноменологией и реалистической феноменологией. Предшественники: Финк и Ришир. Финк устанавливает в 6-ой Картезианской медитации сущность трансцендентального идеализма, отличая его от трансцендентального идеализма Канта, Фихте и Гуссерля. Трансцендентальный идеализм для Финка включает три момента: «конститутивное понимание», «феноменологическую конструкцию» и пред-бытие. Для Ришира — также три момента: феноменологическое смыслообразование, трансцендентальную матрицу феноменализма, архитектонику (как анонсирование саморефлективного процесса смыслообразования). Онтологические, методологические и спекулятивные соображения. Онтологические: пред-бытие и смыслообразование. Методологические: трансцендентальная индукция и феноменологическая конструкция. Спекулятивные: генеративная матрица смыслообразования.

И. КАНТ О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ИДЕАЛИЗМЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМЕ КРИТИЧЕСКОМ

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Калинников Л. А.
(Калининград, Россия)

Аннотация. И. Кант был обеспокоен появлением нового вида философии — трансцендентального идеализма. Примерами этого может служить система И.Г. Фихте, философия Г.К. Лихтенберг. Система Ф. Шеллинга. Трансцендентальный субъект идеализма является объектом для себя и является логическим кругом. Только формальная логика, но не субстанциональная трансцендентальная логика Канта может быть использована ею. На самом деле трансцендентальный идеализм идентичен трансцендентному.

Ключевые слова. *трансцендентализм Канта, трансцендентальный идеализм, трансцендентизм, идеально-предельная система, принцип относительности философии и науки, антропологизм, критика и доктрина.*

Реформатор мировой философии полагал, что сумел вывести метафизику на ее столбовую дорожку, показав, как могут быть разрешены все фундаментальные противоречия, разделяющие ее на множество течений и систем и приводящие в итоге к полному бесплодию философии, — как могут быть разрешены противоречия между идеализмом и материализмом, догматизмом и скептицизмом, эмпиризмом и рационализмом. Философия явно двигалась в направлении трансцендентализма, показателем чего может служить хотя и эклектическая система Б. Спинозы.

Однако мировое сообщество философов не спешило воспользоваться открывшимися возможностями мало того, созданная Кантом система вызвала появление нового и значительно более опасного течения — *трансцендентального идеализма*. Вслед за системой И.Г. Фихте последовали содержащие аналогичные идеи системы Г.К. Лихтенберга, Ф.В.Й. Шеллинга, etc.

Идеалистически понимаемый трансцендентализм, избегая солипсизма берклианского типа, маскирует нарушение принципов формальной логики, которые человеческий разум обязан соблюдать всегда и везде. Однако трансцендентальный идеализм покоится на логическом круге, поскольку трансцендентальный субъект идеализма сам из самого себя рождает свой предмет, прекрасным примером чего является трансцендентальное Я Фихте. Если субъект одновременно сам для себя и свой объект, то ничего иного, кроме того, что изначально в субъекте постулировано, из него извлечь невозможно. В нем все его содержание дано изначально абсолютно: чему-то новому, иному, просто откуда взяться.

Абсолютная простота трансцендентально-идеалистического субъекта допускает применение только формальной логики, но не содержательной трансцендентальной логики Канта. Поэтому идеализм пользуется законом достаточного основания, не отличая его от закона всеобщего детерминизма. Ведь согласно еще «Новому освещению первых принципов метафизического познания» (1755) надо строго отличать основание достаточное (как основание истины) от определяющего основания (как основания существования).

Логика требует рассматривать тождественными идеализмы трансцендентальный и трансцендентный.

WHAT DOES IT MEAN TO BE EMPIRICAL REALIST AND TRANSCENDENTAL IDEALIST AT THE SAME TIME? ON THE ESSENCE OF THE TRANSCENDENTAL METHOD

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Pietras A.
Katowice, Poland*

Abstract: The aim of my speech is to explore the question what does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? I claim that this issue is crucial in order to understand the very essence of, projected by Kant and developed in post-Kantian German philosophy, transcendental method. I will argue that according to my interpretation, which I consider as an effect of interpretation of the evolution of German transcendental philosophy, Kant is neither representationalist nor constructivist and his methodological approach is strictly related to what can be called relational ontology of human mind.

Keywords: *transcendental method, transcendental idealism, empirical realism, representationalism, constructivism, relational ontology of mind, Kant*

The aim of my speech is to explore the question what does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? I claim that this issue is crucial in order to understand the very essence of, projected by Kant and developed in post-Kantian German philosophy, transcendental method. Moreover, I maintain that all Kant's dualisms: dualism of the source of cognition (intuition and thinking or sensibility and understanding), dualism of the two reasons (theoretical and practical), dualism of *Erscheinung* and *Ding an sich* can be understood only by understanding this core of Kant's philosophy. However, both in the history of philosophy and in the contemporary Kant's interpretations this issue did not be made explicit enough. In my analysis I deal with Kant's own formulation of the meaning of transcendental method as well as with the interpretation of this method within German tradition of transcendental philosophy, in particularly within Marburg (Herman Cohen, Paul Natorp, Ernst Cassirer) and Southwest German neo-Kantianism (Wilhelm Windelband, Henrich Rickert, Emil Lask) neo-Kantianism, Nicolai Hartmann's post-neo-Kantianism and Hans Wagner neo-neo-Kantianism. I will argue that according to my interpretation, which I consider as an effect of interpretation of the evolution of German transcendental philosophy from Kant to Hans Wagner, Kant is neither representationalist nor constructivist and his methodological approach is strictly related to what we can call relational ontology of human mind.

Трансцендентальное versus принципа тождества*

УДК 101.2 ББК 87.2 + 87.1

*Неважай И. Д.
Саратов, Россия*

Аннотация. Описательная метафизика — это возможный путь развития трансцендентальной философии, признающий критику ключевой идеи классической метафизики, согласно которой универсальное начало следует рассматривать как существо самоидентификации. Превращение любого объекта в знак — это акт осознания различия между наблюдаемым и наблюдающим. Эта трансформация является проявлением действия того начала, которое мы называем трансцендентным.

Ключевые слова. *дескриптивная метафизика, принцип тождества, семиотика трансцендентального*

Дескриптивная метафизика есть возможный путь развития современной трансцендентальной философии, учитывающий критику ключевой идеи классической метафизики, согласно которой универсальное начало должно мыслиться как себестождественное бытие.

Кант открыл трансцендентальное Я как первооснову человеческого познания и сознания. В традициях классической метафизики Кант мыслил трансцендентальное Я как себестождественное бытие. Вместе с тем, предпринятая Кантом попытка описания трансцендентального Я показала, что это описание оказывается противоречивым. Кант показал, что трансцендентальное Я не может быть определено ни как феномен, ни как ноумен. Далее, согласно Канту характеристикой трансцендентального является спонтанность. Спонтанность актов сознания, самосознания является, согласно Канту, основой и условием возможности существования априорных представлений. Спонтанность есть особый вид человеческого существования, она является источником законодательства в сфере разума. Трансцендентальное существование по сути оказывается свободным, спонтанным, непредметным актом. Оно как безусловное начало не есть что-то всегда пребывающее, наличное в мире, но держится за счет самого себя как акта, поступка. Описать этот поступок как всеобщее (трансцендентальное) в человеческой природе и есть, на мой взгляд, задача дескриптивной метафизики.

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19—011—00925).

Удивительным образом данное выше описание трансцендентального Я совпадает с пониманием различия (*differance*) Ж. Деррида. Неклассическая философия не отрицает метафизическую идею первоначала, но понимает последнее совершенно по-новому: подлинное начало есть различие, которое не является чем-то наличным, данным, тождественным себе. Неклассически понимаемое различие, которое Ж. Деррида обозначает термином *differance*, есть различающее различие. Оно не может быть предметно фиксировано как нечто данное «вот это». Эту загадочную инстанцию *differance* Деррида стремился конкретизировать, указывая на аналогию в функционировании *differance* и языка. *Differance* функционирует так же, как язык, описанный структурной лингвистикой, в которой знак и значение (референт) существуют не изолированно друг от друга. Знак определяет различие между означающим и означаемым. В связи с этим обратил внимание на высказанную Н. Луманом гипотезу, что введенное математиком Джорджем Спенсером Брауном понятие «формы» [1] можно интерпретировать как знак [2, с. 76—78]. На одной стороне «формы» находится обозначающее, а на другой — обозначаемое. Знак — это граница, различающая означающее и означаемое. Дж. Спенсер Браун писал, что пространство обретает определенность, становится размеченным, когда внутри него проведена граница [1, р. 1]. Таким образом, кажется интуитивно ясным, что спонтанно созданное благодаря субъекту означивание есть акт различения обозначаемого и обозначающего, благодаря которому мир структурируется и обретает определенность. Описанный акт связан с действием сознания, которое состоит в различении наблюдателя и наблюдаемого, субъекта и объекта. Превращение какого-то объекта в знак есть акт осознания различия наблюдаемого и наблюдающего. Это превращение есть проявление действия того начала, которое мы называем трансцендентальным. Возникновение знака и, соответственно, сознания есть действие различения, есть результат, который находит потом выражение в процессе производства значений, т. е. знаний.

Литература:

1. Spencer Brown, G. *Laws of form*. N. Y.: E.R. Dutton, 1979. 141 p.
2. Луман, Н. Введение в системную теорию / Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: ЛОГОС, 2007. 360 с.

“Перевернутая предпосылка”: социально-онтологическая трансформация трансцендентализма в философии конца Нового времени

УДК 11, ББК 87.1

*Махлин В. Л.
Москва, Россия*

Аннотация. В докладе ставится вопрос о трансформации научной философии в XX в., связанной с критикой неокантианства в исторической ситуации «удара грома» Первой мировой войны и в последующие десятилетия. Сущность этой трансформации, как представляется, заключалась в радикальном переосмыслении (не отрицании!) кантовского и неокантианского трансцендентализма, именно переинтерпретации идеи априоризма и «условий возможности», вообще «теоретизма» западноевропейской научно-философской традиции в особенности Нового времени в плоскости бытийно-исторических предпосылок познания, как и его предмета

Ключевые слова. *смена парадигмы, онтология, Новое время, отношение, мир жизни, Другой.*

1. Все кардинальные «повороты», или «смены парадигмы», в философии XX в., начиная со «столетнего десятилетия» [Замятин, 1924, с. 101], или «героического десятилетия» [Адорно 1949, с. 45] (1914—1923), были — таков мой тезис, — так или иначе мотивированы переходом от абстрактно-систематического («гносеологического») мышления к бытийно-историческому мышлению, от автономной логики науки и культуры к логике самого бытия (Seinsdenken), к конкретно-историческим (событийным) феноменам действительности (реальности) в ее «исторической фактичности» [Бахтин 1921/22, с. 29], или «герменевтической фактичности» [Heidegger 1923, S.] В этом смысле, надо полагать, Г.-Г. Гадамер в своем опоздавшем почти на весь советский век обращении к «К русским читателям» определил магистральную революцию в философии прошлого столетия как «переход от мира науки к миру жизни» в самом научном познании [Гадамер 1991, с. 7].

2. Этот «переход» совершился не по «формальным», а по «материальным» основаниям, но не в марксистском понимании последних — что затрудняет уже в наше время подход к «новому мышлению» (das Neue Denken), как это называлось в 1920-е годы в Германии ([Розенцвейг 1925], [Гадамер 1971, с. 86—87]), причем как со стороны исследователей марксистской ориентации, «дрейфующих», после краха идеалов исторического материализма, к неокантианству с

его идеалом «научности», так и со стороны авторов, тяготеющих к так называемой религиозной философии с ее идеалом «духовности»; обе позиции правы в своем отталкивании от посттрансценденталистского мышления, и вот почему. Историко-философский парадокс преобразования гносеологических предпосылок в бытийно-исторические — как в направлении «субъекта», так и в направлении «объекта» познания, — заключался, по всей вероятности, в том, что неокантианство, «инонаучно» (бытийно-исторически) опиравшееся на либерально-гуманистическую веру XIX в. в «прогресс», «науку», «культуру» и т.п., хотя и, в известном смысле, «погибло в материальных битвах первой мировой войны», [Гадамер 1967, с. 100], но, тем не менее, «переход от мира науки к миру жизни» в XX в. был еще более радикальным выходом за пределы *метафизики*, чем тот, которого придерживались сами неокантианцы.

3. Посттрансценденталистский «перелом в мышлении» (Umbruch des Denkens) осуществлялся (с опорой на Дильтея, Ницше и др.) в направлении нового — не столько «диалектического», сколько «диалогического» (или «герменевтического») — принципа познания: «В начале есть отношение» (Am Anfang ist die Beziehung) [Бубер 1923, с. 25]. Соответственно, центр тяжести философского исследования переместился на бытийно-историческую «фактичность» мира жизни — по ту сторону самой оппозиции рационализма и эмпиризма Нового времени, — на «первую философию» в не античном, не средневековом и не «современном» понимании и применении ее. Научным идеалом стало не построение *системы*, но прояснение систематических взаимосвязей («структур») в пределах того или иного (посюстороннего) событийного горизонта мира жизни — экзистенциально-онтологического «существования здесь» (Dasein), «единственной» личности, поколения, эпохи и т.п. Переориентация с теории познания на онтологию означала не только и не просто отказ от приоритета «метода» («Не победа науки является отличительной чертой нашего XIX века, но победа научного метода над наукой» [Ницше, с. 218]), — дело шло о фундаментальной трансформации философии и научного мышления вообще. М. Хайдеггер писал К. Ясперсу в самый момент «героического десятилетия»: «Требуется критика всей прежней онтологии, самых ее корней в греческой философии, особенно у Аристотеля, чья онтология (хотя само это понятие не годится) у Канта и Гегеля жива ничуть не меньше, чем у какого-нибудь средневекового схоласта» [Переписка, с. 73]. Речь шла, таким образом, о преобразовании самой *истории философии* — поворот, в результате которого концепт Нового времени «философия истории» оказался неадекватным реальной истории и реальной философии и сменился продуктивным и незавершимым взаимоотношением между систематической и исторической философией: «Для истории философии, ставшей историчной для самой себя, всякая бывшая философия — тоже своя история» [Михайлов 1991, с. 461], — так определит на исходе прошлого столетия

А.В. Михайлов идею радикальной герменевтической «историзации» самой истории философии/

4. Сказанным определяется (но, конечно, не исчерпывается и еще менее проясняется) посттрансценденталистский поворот-переход в философии. Такие позднейшие формулировки этого события, как: “точка диалектического оборачивания 19-го века” [Апель 1954, с. 14], “перевернутая предпосылка” (трансцендентально-философской традиции) [Гадамер 1960, с. 308], “Прощание с Декартом” [О. Розеншток-Хюсси 1936], или “полное переворачивание взаимоотношений между пониманием и бытием” [Рикер 1969, с. 38], — эти и множество других формулировок только наводят, но не приводят к пониманию сути дела. Если традиционная, “когитальная” философия Нового времени исходила из предпосылки бесконечных возможностей разума и человеческого бытия, то посттрансценденталистская и постметафизическая философия “Конца Нового времени” [Гвардини, 1950], наоборот, берет за основание продуктивную “конечность” бытия, и сознания, и мышления. Если философия Нового времени исходит из веры в трансцендентальную общезначимость познания и «сознания вообще», то философия XX в., ориентированная на познание «относительности», т.е. отнесенности всякого идеального смысла к времени и месту «существования здесь», вводит в философское и научно-гуманитарное мышление концепт «Другого» (*Der Andere*) как своего рода «принцип дополнительности» (см., напр.: [Theunissen 1965]). Это не отказ от идеи “условий возможности”, но отказ от абстрактно-рационалистической редукции-предрассудка Нового времени и Просвещения, предпосылки, которая ставит мышление и научный разум *над* бытием и историей. Осознание “фактичности” социально-исторического бытия, или, на языке позднего Гуссерля, “абсолютной историчности” [Гуссерль 1935, с. 327] всех возможных смыслов прошлого, настоящего и будущего, в философии конца Нового времени означало открытие «действительного рационализма» самого мира жизни [Гуссерль 1935, с. 327, 323]; этим ставится продуктивная граница утопической «свободе» и сознания, и познания. Продуктивная «конечность» (*Endlichkeit*) разума, постулированная еще Кантом, позволяет в какой-то мере по-новому ориентировать мышление, познание и “экзистенцию” в границах сегодняшней современности — после Конца Нового времени в прошлом столетии.

Литература:

1. Адорно Т.В. Философия новой музыки (1949). М., «Логос», 2001.
2. Апель К.-О. Трансформация философии. М., «Логос», 2001.
3. Бахтин М.М. К философии поступка (1921/22) // Он же. Собр. соч., т.1. М., «Языки славянской культуры», 2003. С.7—68.

4. Бубер М. Я и Ты (1923) // Он же. Два образа веры. М., «Республика», 1995. С. 16—84.
5. Гадамер Г.-Г. К русским читателям // Он же. Актуальность прекрасного. М., «Искусство», 1991. С. 7—8.
6. Гадамер Г.-Г. Неспособность к разговору (1971) // Он же. Актуальность прекрасного. Цит.изд. С. 82—92.
7. Гадамер Г.-Г. Введение к работе Хайдеггера «Исток художественного творения» // Он же. Цит.изд. С. 100—115.
8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод (1960). М., «Прогресс», 1988.
9. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия (1935/1954) // Культурология. XX век. М., «Юрист», 1995. С. 297—327.
10. Гвардини Р. Конец нового времени // «Вопросы философии», 1990, №1.
11. Замятин Е.И. О сегодняшнем и о современном (1924) // Он же. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., «Наследие», 1991. С. 101—114.
12. Михайлов А.В. Терминологические исследования А.Ф.Лосева и историзация нашего знания // Он же. Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006. С.459—470.
13. Ницше Ф. Воля к власти. М., “Reel-book”, 1994.
14. Рикер П. Конфликт интерпретаций (1969). М., «Кучково поле», 2002.
15. Розенцток-Хюсси О. Прощание с Декартом (1936) // Вопросы философии, 1997, №8. С. 139—147.
16. Хайдеггер М. — Ясперс К. Переписка 1920—1963.
17. Heidegger M. *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)* (SS 1923). Frankfurt am Main 1988.
18. *Theunissen M. Der Andere. Studien zur Sozialontologie der Gegenwart.* Berlin 1965.

Трансцендентальная феноменология Гуссерля как дескриптивная метафизика*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Шиян А. А.
Москва, Россия

Аннотация. В тексте рассматривается трансцендентальная феноменология Гуссерля с точки зрения кантовского проекта описательной метафизики. С этой целью философия Гуссерля рассматривается как теория познания, исследование мышления о мире и описание нашего опыта в отношении мира.

Ключевые слова. *Описательная метафизика, трансцендентальная феноменология, сознание, познание, опыт.*

Тезисы посвящены рассмотрению развития в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля кантовского проекта дескриптивной метафизики. Во многом, следуя П. Строссону, кантовский проект дескриптивной метафизики берется в трех аспектах: как учение об априорном познании, как изучение мышления о мире и как описание опыта мира.

Как известно, центральное место в гуссерлевских исследованиях занимает проблематика сознания. Соответственно, рассмотрение феноменологии с точки зрения проекта дескриптивной метафизики неизбежно заставляет нас обратиться к феноменологическим штудиям сознания. В гуссерлевских исследованиях сознания можно найти развитие кантовского проекта дескриптивной метафизики во всех трех вышеотмеченных аспектах.

Сознание Гуссерль рассматривает как познающее, и одной из предпосылок познания, с феноменологической точки зрения, является данность предмета познания в опыте восприятия. Во многих своих текстах, особенно позднего периода, Гуссерль отождествляет сознание и мышление, поэтому описание мышления о мире, с точки зрения феноменологии, является анализом нашего сознания, особенно восприятия мира. И, наконец, сознание изучается Гуссерлем через реальный повседневный опыт, доступный рефлексивному анализу. Это означает, что метафизика опыта мира в феноменологии Гуссерля реализуется в качестве описания опыта сознания мира.

Однако гуссерлевское развитие кантовского проекта дескриптивной метафизики выходит за рамки исследования сознания. Это можно наблюдать в отношении всех трех аспектов этого проекта. В рамках трансцендентальной феноменологии к условиям возможности познания нужно отнести (помимо данности в восприятии предмета познания) также априорные формы логических суждений, в которых выражается знание, обусловленность познания с содержательной стороны самим предметом познания и принципы, которым подчиняется познание и знание. Мышление о мире не ограничивается, с точки зрения Гуссерля, только сознанием мира, оно происходит в форме суждений, которые имеют априорную структуру, обоснование которой проводится в «Опыте и суждении» [1] и в «Формальной и трансцендентальной логике» [2]. Опыт мира у Гуссерля также не сводится исключительно к опыту сознания, а включает в себя также телесный опыт, опыт повседневного обращения с вещами, опыт коммуникации, опыт совместной деятельности и т. п.

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19—011—00925).

Рассмотрение трансцендентальной феноменологии Гуссерля с точки зрения кантовского проекта дескриптивной метафизики позволяет актуализовать трансцендентальную феноменологию Гуссерля в современном контексте.

Литература.

1. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1992.
2. *Husserl E.* Formale and transzendente Logik. *Versuch einer Kritik der logischen Vernunft* // Husserliana XVII, Herausgegeben von Paul Janssen. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1974.

Влияние кантовского трансцендентализма на объектно-ориентированную онтологию Грэма Хармана

УДК: 111.8, 141.3

А. А. Воробьева
Москва, Россия

Аннотация. В связи с проблемами трансцендентализма Канта автор рассматривает особенности хармановской интерпретации кантовской «вещи в себе» и роль этого понятия в структуре четверного объекта. Здесь мы анализируем сходство с различными трансцендентными понятиями, такими как «сенсорное разнообразие» и «трансцендентальный объект».

Ключевые слова: *Кант, трансцендентализм, Грэм Харман, вещь-сама-по-себе, четвероякий объект спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология*

В данной работе анализируется влияние кантовского «коперниканского переворота» на современную философию и ее попытка пересмотра корреляционистских положений в спекулятивном реализме. Центральное место в исследовании занимает объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана, как философия принципиально отличная по своим фундаментальным онтологическим основаниям от движения спекулятивных реалистов. Если для Квентина Мейясу или Рэя Брассье целью является открытие прямого доступа к реальности, то Харман настаивает на необходимости недостижимого для восприятия пласта действительности[1, с.137]. По этой причине концепт «вещь-сама-по-себе» играет огромную роль в конструировании хармановской системы, а

именно структуры четвероякого объекта. В этой связи дается отчет в важности понимания особенностей трактовки «вещи-самой-по-себе» самим Грэмом Харманом и ее положения в многоуровневом строении объекта. Поэтому одним из аспектов исследования становится описание четвероякой структуры, то есть чувственных качеств, чувственного объекта, реальных качеств и реального объекта, а также специфики их функционирования. Также в работе рассматриваются сходства теории познания Канта с положениями объектно-ориентированной онтологии. На основе схемы «предмет (вещь-сама-по-себе) — явление-представление» [2, с. 73] исследуются этапы взаимодействия восприятия с внешним миром. Выделяется этап непосредственного чувственного восприятия в опыте, как многообразия «чувственных качеств» в терминологии Хармана или «чувственного многообразия» у Канта [2, с. 77], а также делается вывод о концептуальном сходстве данных понятий. Изучение функций чувственно-объекта, как целостности для восприятия, укорененной в чувственности, но не ограничивающейся ей, приводит к выводу о его частичном сходстве с понятиями «вещи вообще» или «трансцендентального предмета». Однако наличие связи чувственного объекта с реальными качествами как эйдосом порождает идею о большей приемлемости описания чувственного объекта через концепт «трансцендентального предмета», как с одной стороны «субстрата чувственности», а с другой ноумена, то есть понятийной определенности. Далее приводится трактовка Хармана «вещи-самой-по-себе» через введение реального объекта, который представляет недоступную для восприятия плоскость существования. Тем не менее и несмотря на изъятость из непосредственного опыта, реальный объект дает о себе знать через связь с чувственными качествами [1, с. 57], что свидетельствует о неполной его изолированности, как и «вещи-самой-по-себе» Канта. На этом основании делается вывод о значительном влиянии кантовского трансцендентализма на объектно-ориентированную онтологию и концептуальном сходстве некоторых понятий, даже при отсутствии их прямого упоминания самим Харманом.

Литература:

1. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера /пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин.-Пермь: Гиле Пресс,2015.»
2. Катречко С.Л. Специфика кантовского трансцендентализма и концепт «вещь-сама-по-себе» //Кантовский сборник.2017. Т. 36, №4. С. 68—87

Раздел 2

Трансцендентализм Канта

Sensibility First: How to Interpret Kant’s Theoretical and Practical Philosophy

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Hanna R.
Independent philosopher, USA

Abstract: In the practical realm just as in the theoretical realm, everything comes down to human sensibility as an equally empirical and non-empirical primitive starting point that constitutively motivates, intentionally pervades, and intentionally structures our innately-specified yet also “human, all-too-human” capacities for theoretical and practical rationality, all the way up. Kantian non-conceptualism says that according to Kant, the faculty of human intuition or *Anschauung*, that is, human inner and outer sense perception, together with the faculty of imagination or *Einbildungskraft*, jointly constitute this sensible starting point for objective cognition and theoretical reason; and Kantian non-intellectualism says that according to Kant, human affect, desire, and moral emotion—in a word, the human heart—jointly constitute this sensible starting point for free agency and practical reason. If I’m correct about all this, then the result is a sharply non-classical and unorthodox, hence “shocking,” nevertheless fully unified and textually defensible Sensibility First approach to Kant’s Proto-Critical philosophy (i.e., from 1768 to 1772), Critical philosophy (i.e., from 1781 to 1787) and Post-Critical philosophy (i.e., from the late 1780s to the late 1790s) that encompasses the theoretical philosophy and the practical philosophy alike.

Keywords: *Kant, Kant’s Critical philosophy, sensibility, Kantian non-conceptualism, Kantian non-intellectualism, Kant’s theoretical philosophy, Kant’s practical philosophy*

Like Heidegger’s radical and equally “shocking” interpretation of the first Critique in the late 1920s, the Sensibility First approach thoroughly rejects a conceptualist and intellectualist reading of the Critical (or, for that matter either Proto-Critical or Post-Critical [Hanna 2018e]) philosophy. But unlike Heidegger’s interpretation, the Sensibility First approach does not, in Michael Friedman’s words, “seek to [turn] Kant’s original problematic entirely on its head” (Friedman 2000: 61). On the contrary and instead, the Sensibility First approach seeks to

turn classical, orthodox Kant-scholarship entirely on its head by establishing a new interpretation of the Critical philosophy as a whole that fully retains the fundamental distinction between sensibility and understanding—thereby fully retaining the irreducibility of both basic mental faculties or powers of the rational human mind either to one another or to any other faculty or power of the rational human mind—yet also asserts the theoretical and practical primacy and priority of the sensible and non-intellectual (and more generally, essentially embodied [Hanna and Maiese 2009]) powers over the discursive and intellectual (and more generally, embodiment-neutral) powers. By the “essential embodiment” of a human capacity or power, I mean that it’s necessarily and completely located and realized in the living, finite human animal; and by the “embodiment-neutrality” of a human capacity or power, I mean that it’s neither necessarily nor completely located or realized in the living, finite human animal, and possibly altogether distinct from our “human, all-too-human” animal life and finitude. In short, the Sensibility First approach says that human rationality flows from the groundedness of our discursive, intellectual, and embodiment-neutral powers in our sensible, non-intellectual, and essentially embodied powers, without in any way reducing the former to the latter. And not only that: I also believe that the Sensibility First approach to the Critical philosophy as a whole is independently defensible in a contemporary context. So in this way, looking towards the philosophy of the future, I hope finally to win “the Kant wars” (Hanna 2019a) and bring about a lasting philosophical peace on the battlefield of late modern philosophy (i.e., from 1781 to this morning at 6 am) by showing that those apparently forever-divided forking streams of classical neo-Kantian philosophy—Analytic philosophy and existential phenomenology—actually have a “common root” in a comprehensive contemporary Kantian doctrine that I call *rational anthropology* (Hanna 2018a, 2018b, 2018c, 2018d, 2015). By contrast, although in *Being and Time* and the existentially- and phenomenologically-motivated writings prior to it, Heidegger rightly emphasized our finitude, our caring, and our “being-with” or sociality (Hanna 2019b), he nevertheless wrongly overlooked our essential embodiment and also what Michelle Maiese and I call *the mind-body politic* (Maiese and Hanna 2019); and more generally, in part for tragic political reasons (Sluga 1993), he was altogether unable to achieve a conception of philosophy that could overcome the divisions between neo-Kantianism, Analytic philosophy, and existential phenomenology. But where Heidegger altogether failed, rational anthropology can succeed (Hanna 2019a, 2017).

References

1. Hanna, R. (2015), *Cognition, Content, and the A Priori: A Study in the Philosophy of Mind and Knowledge* (THE RATIONAL HUMAN CONDITION, Vol. 5). Oxford: Oxford Univ. Press.

2. Hanna, R. (2017), “Life-Changing Metaphysics: Rational Anthropology and its Kantian Methodology,” in G. D’Oro and S. Overgaard (eds.), *The Cambridge Companion to Philosophical Methodology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 201-226.
3. Hanna, R. (2018a) *Preface and General Introduction, Supplementary Essays, and General Bibliography* (THE RATIONAL HUMAN CONDITION, Vol. 1). New York: Nova Science.
4. Hanna, R. (2018b), *Deep Freedom and Real Persons: A Study in Metaphysics* (THE RATIONAL HUMAN CONDITION, Vol. 2). New York: Nova Science.
5. Hanna, R. (2018c), *Kantian Ethics and Human Existence: A Study in Moral Philosophy* (THE RATIONAL HUMAN CONDITION, Vol. 3). New York: Nova Science.
6. Hanna, R. (2018d), *Kant, Agnosticism, and Anarchism: A Theological-Political Treatise* (THE RATIONAL HUMAN CONDITION, vol. 4). New York: Nova Science
7. Hanna, R. (2018e) “How to Mind the Gaps: On Oliver Thorndyke’s Kant’s Transition Project and Late Philosophy,” *Critique* (2018), available online at URL: <<https://virtualcritique.wordpress.com/2018/09/05/review-oliver-thorndykes-kants-transition-project-and-late-philosophy/>>.
8. Hanna, R. (2019a), “How To Win The Kant Wars” (September 2019 version), available online at URL: <https://www.academia.edu/40041320/How_To_Win_The_Kant_Wars_September_2019_version_>.
9. Hanna, R. (2019b), “Our Sociable Sociality: The Emancipatory Politics of Everyday Life” (September 2019 version), available online at URL: <https://www.academia.edu/40264049/Our_Sociable_Sociality_The_Emancipatory_Politics_of_Everyday_Life_September_2019_version_>.
10. Hanna, R. and Maiese, M. (2009), *Embodied Minds in Action*, Oxford: Oxford Univ. Press.
11. Maiese, M. and Hanna, R. (2019), *The Mind-Body Politic*. London: Palgrave Macmillan.
12. Sluga, H. (1993), *Heidegger’s Crisis: Philosophy and Politics in Nazi Germany*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Онтологическое истолкование постулатов эмпирического мышления

УДК1/14(091), 111.81; ББК 87.3(4)51 +87.159

*Комаров С.В.
Пермь, Россия*

Аннотация. Рассматривается онтологическая интерпретация кантовских постулатов эмпирического мышления. Опыт Канта понимается как выход из внутреннего во внешний опыт, в котором постулаты эмпирического мышления представляют само су-

щество субъекта познания. В явлении дается не только предмет познания, но и раскрывается бытие как таковое. Понимание онтологического значения опыта Канта является аргументом против обвинения кантовской философии в «корреляционизме» со стороны новейших онтологий.

Ключевые слова. *трансцендентальный поворот, явление, бытие, аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта, постулаты эмпирического мышления, идеализм, спекулятивный реализм.*

Трансцендентальный поворот Канта от изучения предметов к изучению нашего способа познания был направлен против догматической метафизики. Этот поворот привел к упрекам кантовской философии в скептицизме и субъективном идеализме. Между тем, учреждение критической философии связано именно с исследованием способов доступа к *самому бытию*, и является «пролегоменами» к метафизике. Понимание этого требует онтологического истолкования кантовского опыта, в котором особую роль играют постулаты эмпирического мышления.

Постулаты эмпирического мышления резюмируют всю аналитику основоположений рассудка у Канта. Именно в эмпирическом явлении рассудок предстает не как система априорных идей, но как живой интеллект. Сами по себе категории рассудка только определяют предмет возможного опыта. И только основоположения рассудка констатируют само эмпирическое явление, а именно: проекцию рассудка на чувственность. Поэтому только в эмпирическом опыте рассудок получает свое не виртуальное, но действительное выражение, поскольку в одном лишь понятии предмета нельзя найти признак его существования. Поэтому аксиомы созерцания открывают форму явления, антиципации восприятий — форму его объективного содержания, а аналогии опыта — наличный предмет опыта. Но только постулаты эмпирического мышления презентуют в наличном явлении само бытие: его возможность, необходимость и действительность.

Иначе говоря, в основоположениях рассудка зафиксирована последовательность осуществления нас самих в мире: аксиомы и антиципации констатируют осуществление субъективности как внешнего чувства, аналогии как внешнего опыта, а постулаты как выхода к самому нашему бытию как таковому. Другими словами, необходимо понимать кантовское явление как реальный выход из внутреннего во внешнее чувство, на границу самого существования. Тогда эмпирический опыт оказывается не только явлением внешней вещи, но и проявлением самого субъекта опыта: через явление наличного предмета явлено само наше присутствие как реальных существ в мире. Явление как здесь-бытие (*das Dasein*) суть присутствие нас самих (*das Sein*). Это значит, что постулаты

эмпирического мышления и есть, собственно, способы доступа к самому бытию [1, 358—359].

Такое онтологическое истолкование кантовского опыта отнюдь не тождественно хайдеггеровской бытийной *ελοχῆ*. Оно имеет совсем другие следствия. 1). В этом и заключается смысл кантовского опровержения идеализма: в каждом эмпирическом явлении высвечивается само бытие. 2). Существовать (*existiert*) — значит, прежде всего, быть выраженным во внешнем чувстве, поскольку только через внешнее созерцание возможно достижение непрерывности существования. И мышление необходимого бытия (в явлении) есть условие собственного присутствия. Отсюда вытекает вся кантовская императивность мышления в «Критике практического разума», поскольку воля к мысли становится настоящим условием нашего присутствия в мире. 3). Отсюда вытекает и опровержение онтологического доказательства Бога, поскольку бытие не предидируется субъекту, но выражается самим актом мысли.

Наконец, 4). такое онтологическое и экзистенциальное понимание кантовского опыта выступает контраргументом против новейшего спекулятивного реализма, который пытается саму фактичность нашего опыта мыслить конечным способом [2]. Между тем, если понять контингентность явления не как логическое (спекулятивное) отношение («корреляцию»), то оно обнаруживается как прямое движение к действительно существу.

Литература:

1. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб., «Алетейя», 2007. — 736с.
2. The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / edited by Levi Braiant, Nick Srnicek and Graham Harman. re.Press Melbourne, 2011. — pp. 430.

On the Third Antinomy and the nature of Transcendental Idealism

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Onof Ch.
Birkbeck College, London

Abstract. Kant's solution to the general cosmological problem of the Third Antinomy involves transferring the free will/determinism solution to a general setting. Kant makes two claims about transcendental idealism: the grounding of appearances in reality in-itself,

and the dual-aspect of objects. These lead to a grounding claim of empirical causality in a non-natural causality, a claim that has a covert regulative status.

Keywords: *transcendental idealism; third antinomy; regulative principle.*

The discussion of the Third Antinomy in the Kant literature chiefly revolves around understanding how it is meant to address the problem of reconciling the possibility of transcendental freedom for human agents with causal determinism. This focus on the problem of human freedom is understandable given the importance of this issue for Kant's practical philosophy. The cosmological setting of the antinomial conflict should however not be overlooked. In this paper, I examine Kant's solution to the general problem of reconciling the demand of reason for completeness of causal series with the law of the understanding according to which there must be a further cause for any event in this series.

While the Thesis defends a creationist notion of a first cause of nature, this is not an option for a critical resolution of the antinomial conflict since it refers to a first time which is not objectively determinable. The key to resolving the general problem is rather Kant's observation that there are only two ways in which we can think of causality, as causality of nature or of freedom. This enables us to transfer the solution of the problem of human freedom to the general cosmological context.

In the development of Kant's solution, two important claims are made about transcendental idealism: the first is a claim of grounding of appearances in reality in-itself, and the second is a dual-aspect claim. The resulting solution identifies a hypothesis corresponding to the demand of reason for the unconditioned under the category of causality. This defines the regulative claim of the grounding of all empirical causality in a non-natural causality that constitutes the intelligible aspect of objects of sense. This is therefore how should think of the relation between things in themselves and appearances.

Доказательство «третьей аналогии опыта» в «Критике чистого разума» Канта: между возможным опытом и возможностью опыта.

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Лошаков Р. А.
Стокгольм, Швеция*

Аннотация: в докладе показано, что доказательство «третьей аналогии опыта», данное Кантом в «Критике чистого разума», не может быть представлено в аналитической

форме. Прежде всего, не существует непосредственного аналитического перехода от совокупности восприятий, данных в различные моменты времени, и локализованных в различных точках пространства, к требуемому доказательством одновременности восприятия. Равным образом, невозможно перейти от рассудочного понятия взаимодействия к реальному взаимодействию тел во времени и пространстве.

Ключевые слова: аналогия опыта, диахрония, одновременность, взаимодействие.

В докладе рассматривается доказательство «третьей аналогии опыта», являющейся постулатом полного взаимодействия, данное Кантом в «Критике чистого разума. Важность третьей аналогии заключается в том, в отличие от первых двух аналогий, она касается не только времени, но и пространства, поскольку, согласно Канту, о полном взаимодействии субстанций *в пространстве* можно говорить только полагая их *одновременное* существование. При этом, поскольку доказательство этой аналогии сталкивается с такими различиями, которые не могут быть сведены в аналитический ряд и пройдены непрерывным дискурсивным движением мысли, то именно здесь обнаруживаются границы трансцендентальной философии. Прежде всего, невозможен аналитический переход от последовательности восприятий объектов во времени к восприятию их как одновременно существующих в пространстве, в силу того, что одновременность не складывается из последовательности различных моментов времени. Здесь мы имеем дело с *диахронией*, т.е. невозможностью *полной синхронизации*. Пытаясь избежать этой апории, Кант прибегает к «рассудочному понятию» взаимодействия, в котором чередование объектов во времени становится чередованием их определений. Однако рассудочное понятие взаимодействия остается только логическим взаимоопределением субъектов, а не реальным взаимодействием субстанций. Реальное же взаимодействие имеет место не в логическом пространстве понятий, а в физическом пространстве сил, в которое невозможно перейти путем логической дедукции. Переход от рассудочного понятия взаимодействия к реальному взаимодействию объектов в пространстве и времени оказывается столь же невозможен как и переход от чередования восприятия объектов во времени к одновременности их восприятия. Более того, «динамическое общение» субстанций вводит понятие *силы*. В свою очередь, сила, как реальный фактор взаимодействия, является ноуменом, и не может быть отнесена к явлениям, образующим содержание возможного опыта. Так, сосуществование в пространстве Земли и Луны может быть объяснено при помощи закона всемирного тяготения. Однако сила тяготения, связывающая физические тела в пространстве и времени, не может быть сама развернута в пространстве и времени как априорных условиях любого созерцания.

Таким образом, доказательство «третьей аналогии опыта» содержит в себе две апории, которые соответственно можно определить как «эстетическую» и

«динамическую». Первая апория фиксирует невозможность перехода от чередования объектов во времени к одновременности их существования в пространстве, тогда как другая — невозможность выделения в составе возможного опыта силы как фактора реального взаимодействия.

Конституция предмета познания в трансцендентальной логике Канта*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Мухутдинов О. М.
Екатеринбург, Россия*

Аннотация. Основной проблемой трансцендентальных дедукций является проблема конституции объекта познания. Объект познания выступает коррелятом трансцендентального единства самосознания. Объект знания понимается как чистая форма трансцендентального единства чистого синтеза времени.

Ключевые слова. *Объект познания, феномен, вещь-сама-по-себе, трансцендентальная логика, опыт.*

Сущность трансцендентального метода заключается в том, что познание отвлекается от предмета и занимается исследованием условий возможности конституции предмета познания. «Условия возможности опыта вообще суть вместе с тем условия возможности предметов опыта» [1, 234]. Под условиями возможности опыта понимаются априорные принципы познания: чистое созерцание и его формы; чистый априорный синтез способности воображения (способности возводить многообразное содержание чистого созерцания в образ одного представления); категории, источником происхождения которых Кант называет рассудок. Поскольку основной темой трансцендентальной логики является проблема возможности синтетических суждений *a priori*, т. е. проблема выявления принципов синтетического единства содержания чистого созерцания, постольку возникает вопрос: что следует понимать под предметом познания? Определение понятия предмета познания позволяет, в свою очередь, ответить на вопрос о том, каким образом предмет должен сообразоваться с принципами познания (чистыми формами созерцания и чистыми рассудочными понятиями)

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19–011–00925).

и тем самым понять, почему рассудок можно рассматривать в качестве способности давать правила мышления предмета.

Предметом чувственного познания Кант называет явление. Явление — это «неопределенный предмет эмпирического созерцания» [1, 127]. Явления — это предметы опыта, которые не являются предметами математического естествознания [2, 101]. Трансцендентный коррелят явлений — «вещь как она есть сама по себе» (Ding-an-sich) — является предметом интеллектуального созерцания. Явления и «вещи как они есть» — это одни и те же предметы, взятые в различном отношении. Для конечного чувственного познания природа является взаимосвязью явлений по законам рассудка, для бесконечного интеллектуального созерцания абсолютной сущности та же природа в акте творения существует в качестве «вещи как она есть».

Двусмысленность понятия явления заключается в том, что оно является предметом чувственного созерцания и вместе с тем — представлением о предмете познания. Под предметом познания Кант понимает «нечто вообще = X». Предмет познания в этом случае рассматривается в качестве трансцендентально-логического коррелята в отношении к трансцендентальному единству апперцепции «Я мыслю». Это понятие трансцендентального предмета содержит онтологическое представление о предметности предмета вообще (die Gegenständlichkeit des Gegenstandes).

Коррелятивное отношение трансцендентального единства апперцепции и понятия предмета познания можно выразить в следующих определениях:

1. Чистый рассудок есть единство апперцепции в отношении чистого синтеза времени.
2. Категории рассудка суть единства чистого синтеза времени.
3. Предмет познания в трансцендентальном смысле есть трансцендентальное единство чистого синтеза времени.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6-ти тт. Т. 3, М., 1964.
2. Heidegger M. Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. Marburger Vorlesung, Wintersemester 1927/28 // Heidegger M. GA, Bd. 25. Vittorio Klostermann, Frankfurt a. M., 1987.

Две истории разума И. Канта

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Болотов И.В.
Москва, Россия

Аннотация. Предлагаемые тезисы посвящены обсуждению истории у И. Канта. Этот вопрос ставится с точки зрения единства кантовской философии от известных критиков до антропологии. Автор представляет попытку раскрыть внутреннюю логику кантианского проекта, которая, несмотря на заявленный им априорный статус, приводит к тематизации историчности в двух разных направлениях. Эти два пути «истории разума» находятся в центре внимания автора.

Ключевые слова. *Ключевые слова: И. Кант, история разума, антропология с прагматической точки зрения, философия истории*

В 1798 г. увидела свет последняя прижизненная работа Канта — «Антропология с прагматической точки зрения». Текст начинается с разъяснения предмета и границ упомянутой науки. В фокусе антропологии, согласно Канту, человек не с точки зрения его физической природы, а с позиции того, «...что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам» [1, 138]. Приведенных строк достаточно, чтобы усмотреть в антропологии, несмотря на ее спорный статус, продолжение системы, которую Кант возводил со времени первой Критики. По каким-то причинам, она не может быть завершена, не вовлекаясь в сферу учения о человеке. Кант аргументирует это тем, что отдельные знания о мире отрывочны и являются средствами, значимыми лишь в отношении к человеку, т.е. все они в итоге должны быть применены к нему. Система такова, что развивается по направлению к человеку, и только «...знание его родовых признаков как одаренного разумом земного существа заслуживает прежде всего наименования знания мира» [1, 139].

«Знания о вещах мира», как следует со слов Канта, недостаточно: оно еще должно быть применено к миру. Поскольку же только человек существует не для чего-то иного, но ради себя самого — т.е. служит себе принципом (от лат. *principium*: начало или основа) и своей конечной целью, — именно в познании им самого себя — в науке о человеке — познается мир.

Таким образом, между тремя критиками и антропологией существует смычка: критика заключается в том, что разум разбирается в себе; что означает — обосновывает разные способы своего применения, за счет чего проводится демаркация их границ. Последовательное выполнение этой процедуры требует

показать то общее, что разделяет как разумное познание, так и разумное действие. Вот почему лишь с включением в систему вопроса о человеке, разум наконец узнает сам себя — живую теоретическую и практическую нужду.

В ходе критики разум, конечно, препарируется: одна его сторона обособляется от другой, выделяется несколько начал. Фактически же все элементы разума действуют всегда сообща и должны, в связи с этим, уходить в некий «общий корень» [2, В863]. Антропология представляет возможность подобного согласования, поскольку ее интересует мир в целом — общее вещам наряду с поступками, — но не гарантирует его. По существу, разуму не присуща самоождевленность: знаменитые антиномии, посвященные как раз проблеме мира, засвидетельствовали пребывание разума в цезуре между обусловленностью и свободой. Как мы помним, только две динамические антиномии поддаются распутыванию, и их решение заключается в допущении двух отличных друг от друга способов движения. Таким образом, если критическая философия развивается в сторону вопроса о человеке, без которого разум не будет полностью раскритикован, и в нем усматривается ничто иное как мир, данная логика сталкивается с историей. В своем выступлении я постараюсь проследить две линии в кантовском корпусе, по которым Кант намечает понимание истории как истории самого разума.

Литература:

1. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. — 495 с.
2. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. — 741 с.

Роль И. Н. Тетенса в создании первого издания Критики чистого разума

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Поляков А. А.
Москва, России*

Аннотация. В нашей речи мы хотим подчеркнуть, что понимание системного подхода Тетенса к «Эркеннтис проблеме» может помочь нам лучше понять субъективную часть первого издания дедукции. Мы сконцентрируемся на параллельных моментах в аргументации Канта и Тетенса и покажем, что связь между их работами вовсе не кажется неестественной.

Ключевые слова. Дедукция категорий, первое издание «Критики чистого разума», Тетенс, рациональная психология, немецкий идеализм.

Целью нашего доклада является реконструкция влияния немецкого современника И. Канта И. Н. Тетенса на формирование первого издания дедукции категорий. За последние десять лет была приложена масса усилий для опровержения прившегося исторического стереотипа о Тетенсе как о «немецком Локке». Роль его интеллектуального наследия была реактуализирована и многие современные кантоведы перестали привлекать только *Versuche* при анализе влияния Тетенса на формирование интеллектуального наследия Канта. Мы сконцентрируемся на специфической стороне возможного влияния, а именно на систематизме к которому вызывает всеобщая спекулятивная философия И.Н. Тетенса.

Знания обыденного рассудка являются почвой, которая подлежит обработке в спекулятивной философии; если удастся достичь культуры в соответствии с желанием математических метафизиков, как это уже довольно хорошо удалось в некоторых частях, тогда обработка и знание разума, приготовленное — а это название не содержит никакого истинного упрека — в соответствии со школьно-ученым искусством, должны столь сильно отличаться от того неразвитого знания обыденного рассудка, как сегодняшняя астрономия отстоит от древнего знания о небе, которое встречается еще в сочинениях Сенеки [1, с. 56].

По предположению Тетенса периода работы «*О всеобщей спекулятивной философии*» консистентность нашего знания о предметах опыта кроется либо в изучении их природы соответственно тому как они представляются нам в опыте либо изучение их в рамках нашего сознания с акцентом на их консистентность друг с другом. Если в первом случае мы имеем дело с вопросом схожим с вопросом «*объективной дедукции*» первого издания критики, то Во втором случае помимо «*common sense*» нам помогает установление базовой психологии человека на которой впоследствии и базируется удостоверение трансцендентальной философии Тетенса в том, что предметы нашего опыта правильно коррелируют друг с другом и образуют собой консистентную систему и следовательно играют схожую роль «*субъективной дедукции*» первого издания критики. Мы покажем, что понимание системы аргументации Тетенса во втором случае может сыграть ключевую роль в понимании «*субъективной дедукции*» ее роли и значения для всего проекта критики лежащего в первом ее издании.

Литература

1. И. Н. Тетенс О всеобщей спекулятивной философии / Введение, пер. и прим. А.Н. Круглова, предисловие Н. Хинске // И. Н. Тетенс. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

Категории модальности: Кант vs. Гегель

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Сотников В. Р.
Москва, Россия*

Аннотация. В кантовской философии категории модальности представляют собой специфическое отношение конкретной чувственной интуиции к структурам субъективного мышления. Такой подход основан на четком разделении форм мышления и ощущения. В противоположность этому, Гегель рассматривает модальность в контексте умозрительного мышления и абсолюта, угрожающего всему проекту трансцендентализма, отвергая такие неразрешенные двойственности. Эта конкретная работа посвящена формулированию проблемы модальных отношений, каждое решение которой имеет свои специфические метафизические последствия.

Ключевые слова. *Кант, Гегель, категории, модальность.*

Учение о категориях, выдвинутое И. Кантом в «Критике чистого разума», — и, в частности, учение о категориях модальности опирается на определенное представление о формах чувственности познающего субъекта. Таким образом, категории модальности в такой интерпретации являются отношением определенного во времени чувственного созерцания к формальным условиям мышления. Хотя категории модальности многократно переинтерпретировались в различных формах послекантовского трансцендентализма, рассматриваемый случай является парадигмальным, поскольку именно здесь зафиксировано коренное различие, лежащее в основе всех программ трансцендентальной философии, — а именно различие формы и содержания, форм мышления и материи ощущения, выражаясь кантовским языком. Такому пониманию категорий модальности радикально противопоставлена интерпретация этих категорий, данная Гегелем в рамках второго тома «Науки логики»: в частности, посредством переосмысления именно этих понятий Гегель если и не демонстрирует фундаментальную недостаточность трансцендентализма, то ставит многие различия, лежащие в его основе, под вопрос: такие коренные для кантовской философии, как *a priori* и *a posteriori*, мышление и ощущение, форма и материя теряют свое значение. Гегелевское рассмотрение категорий вообще (и категорий модальности в частности) базируется, во-первых, на достижении специфи-

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

ческой точки рассмотрения предмета, где сам предмет анализируется в форме мышления; во-вторых, на синтетическом совмещении феноменологического и метафизического способов мышления, представленных в двух его главных произведениях, «Феноменологии духа» и «Науки логики». Таков результат помещения категорий модальности в контекст анализа абсолютного как тождества бытия и сущности, непосредственности и рефлексии. Целью данной работы является реконструкция и сопоставление аргументаций каждой из двух позиций, дабы в ясной и отчетливой форме сформулировать проблематику модального отношения, то или иное решение которой имеет существенные метафизические следствия.

Трансцендентальная схема пространства и времени в философии Канта

УДК 1(091) ББК 87.2 + 87.1

*Счастливецва Е. А.
Киров, Россия*

Аннотация. В тезисах раскрывается, что объективное единство сознания, или трансцендентальное единство апперцепции (активный субъект), как понятие об объекте, следует отличать от субъективного единства сознания как чистых форм пассивного субъекта. Пассивный субъект — это пространство со всеми, но очень взаимосвязанными, разнообразными субъектами. Трансцендентальный синтез силы воображения заключается в действиях пассивного субъекта, который, как мы вправе сказать, является внутренним смыслом (временем).

Ключевые слова. *Трансцендентальная схема, пространство, время, Кант, пассивный субъект, активный субъект.*

Кант дифференцирует пространство и время — с одной стороны, — это форма чувственности, а с другой стороны, — категория рассудка — понятия, для которых он применяет трансцендентальную дедукцию. Чистое созерцание и мышление доставляют нам некоторую форму для упорядочивания материи, познаваемой из чувств [1, с. 117]. В другом месте он употребляет созерцание (но не чистое) в противовес мышлению как источник чувственного познания [1, с. 99]. В геометрии понятие пространства применимо, по мнению Канта, лишь к внешнему чувственно воспринимаемому миру, поэтому пространство

есть чистая форма его созерцания, в которой всякое геометрическое познание как основанное на априорном созерцании имеет форму очевидности.

Основное положение о синтетическом единстве, пишет Кант, есть высший принцип всякого применения рассудка [1, с. 129]. Следовательно, объективным условием всякого познания является синтетическое единство сознания. Не только я сам нуждаюсь в этом единстве для познания объекта, но и всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединялось бы в сознании [см.: 1, с. 131]. Именно поэтому трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятии об объекте, поэтому его и называют объективным, и его следует отличать от субъективного единства сознания, представляющего собой определение внутреннего чувства [см.: 1, с. 132], то есть времени (см.: 2, с. 58).

Именно на основе кантовской философии Гуссерль исследует анализ «формирования» предметного единства в сознании [см.: 3, с. 228]. Внутреннее единство сознания представлено в форме созерцания. Все представления, описываемые субъектом, есть формальные условия внутреннего смысла (чувственности), которому подвержено и время. Оно представляет собой некую схему для рассудочных понятий и одновременно разнообразных суждений. Именно через категориальную схему времени исполняется возможность категориального становления. Через категориальное становление чистого пространства происходит становление и геометрического пространства, и его созерцания как внутренней чувственности. Такое понимание мы находим в третьем разделе «Систематического представления всех синтетических суждений». Формальное восприятие пространства имеет аналог в априорных формах времени, в возможности априорного постижения субъектом реальности. Пространство нуждается в объективной реальности вещей, а достижение истины объясняется априорной необходимостью пространственных представлений, направляемых различными категориями. Содержание же временной организации представлений основывается на пространственной интуиции, ведь субъект пространства нуждается в категории причинности, в последовательном расположении вещей. Так, суггестивное изменение времени через протяженность линий получает образ геометрических фигур [1, с. 118]. Таким образом, пространство и время взаимно дополняют друг друга. «Все созерцания имеют экстенсивную (количественную — *E.C.*) величину», — читаем мы в основном абзаце «Принципы аксиом созерцания», поэтому основные условия всех геометрических и механических знаний пролегают также в виде схематизированных, априорных пространственных представлений.

Категориальные высказывания, содержащие пространственно-временные отношения, всегда есть чистые формы созерцаний, поэтому пространство, на-

ряду со временем, есть условие возможности всякого опыта. Время выступает и как форма внутреннего чувства [2, с. 58]. Чувства (аффекты) образуют внутренний смысл в пассивном субъекте через пространственные модификации, манифестации. Эти чувства не всегда даны нам в форме представлений времени. «Пассивный субъект» есть причинная (ursprunglichen Passivität) необходимость, связывающая «чистые априорные пространства» наподобие мыслей разнообразных интуиций активного субъекта. Пассивный субъект и есть пространство со всеми, но весьма связанными между собой разнообразными субъектами. Трансцендентальный синтез силы воображения заключается в действиях пассивного субъекта, который, как мы вправе сказать, является внутренним смыслом (временем).

Литература

1. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1994.
2. Литвин Т.В. Время, восприятие, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля. СПб., 2013. — 207 с.
3. Мотрошилова Н.В. Работы разных лет: избранные статьи и эссе. М., 2005.

Раздел 3

Трансцендентальный метод и наука

Трансцендентальный метод Канта как методология современного научного познания (вступительное слово)

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Катречко С. Л.
Москва, Россия

Под *трансцендентальным* Кант понимает исследование, «занимающееся вообще не столько предметами, сколько *видами нашего познания* предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori* [В 25; выделено нами. — К.С.]. Этим задается новая трансцендентальная стратегия исследования, или кантовский «измененный метод мышления» [ВXVIII], в соответствии с которой если мы спрашиваем о возможности познания *a priori*, то исходим не из предмета, а из [*трансцендентальных*] условий, которые делают его объектом познания. При этом Кант соотносит трансцендентальный метод со своим «коперниканским переворотом» [ВXXII прим.], который мыслится им как «попытка изменить прежний способ исследования в метафизике [= теории опыта], а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров [Евклид] и естествоиспытателей [Галилей, Ньютон]» ([ВXXII]; вставки мои. — К.С.).

Вместе с тем, если обратиться к дефиниции из [В25], то можно говорить не только о новой *трансцендентальной* метафизике вообще, но и о [*трансцендентальной*] *метафизике [возможного] опыта* как изучении отдельных *видов* познания, прежде всего физики и математики, взаимодействие которых образуют основу современного естествознания. Тем самым кантовская *теория опыта* является первой и парадигмальной в истории новоевропейской мысли концепцией *философии и методологии науки*. По сути, современная философия науки во многом использует и развивает основополагающие интуиции и ходы кантовского трансцендентализма. Так кантовская *трансцендентальная аргументация* (как способ введения и обоснования теоретических положений) лежит в основе дедуктивно—номологической модели научного объяснения Гемпеля — Поппера, а кантовский тезис «*мы a priori познаем о вещах лишь то,*

что вложено в них нами самими» (ВХVIII]; герп. коперниканский переворот) позволяет считать Канта родоначальником (предшественником) современного эпистемологического конструктивизма.

Априорный способ нашего познания представляет собой, по Канту, систему познавательных способностей, «двумя основными стволами... [которой являются] чувственность и рассудок» [В29]. Тем самым наше (по)знание имеет *интуитивно-дискурсивный* характер и представляет собой синтез чувственных созерцаний (интуиций) и рассудочных понятий, а специфика соответствующих *видов познания* задается той или иной конфигурацией познавательных способностей. Так *естествознание* начинается с *чувственного созерцания* (= *эксперимент*), которое затем осмысливается посредством *рассудочных понятий* (рассудок распознает в чувственном образе соответствующее понятие посредством способности суждения, или *схематизма*), а математику Кант мыслит как «*познание посредством конструирования понятий*» [В741], что предполагает соотнесение (= ‘конструирование’) первоначально вводимых чистых понятий рассудка с «общезначимыми созерцаниями», каковыми выступают кантовские *схемы*.

Понятно, что в своем трансцендентальном анализе Кант был частично ограничен наукой своего времени, однако предложенный им трансцендентальный подход (метод) обладает большим эвристическим (метафизическим) потенциалом и может (должен) быть использован при анализе современного, в том числе и гуманитарного, (по—)знания.

PROLEGOMENA TO ANY FUTURE MATHEMATICS? KANT'S INFLUENCE ON POST-KANTIAN SCIENTIFIC REVOLUTIONS

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Palmquist S. R.
Hong Kong, China*

Abstract. Kant's 1783 *Prolegomena* identifies the proper path for the future of science. While his main concern is to show how metaphysics can be scientific by embracing a moral foundation, Kant also distinguishes between sciences based on synthetic a priori precepts that reside in the human mind and those based on probabilistic reasoning as *guided* by the ideas of reason. This paved the way for post-Kantian scientific revolutions in mathematics as well as in physics and other sciences.

Keywords: *Kant, Prolegomena, mathematics, transcendental deduction, scientific revolutions*

The main purpose of Kant’s 1783 book, *Prolegomena to Each and Every Future Metaphysics that will be able to Emerge as a Science*, was to provide a simplified overview of the main arguments of his 1781 masterpiece, *Critique of Pure Reason*, so that students and teachers could more readily appreciate the ground-breaking implications of his transcendental idealism for metaphysics. In the process of repackaging his theoretical system by replacing the *Critique*’s (allegedly) “synthetic method” with what he now describes as an “analytic method”, Kant not only clarifies the crucial role of the ideas of reason (God, freedom, and immortality) in the overall project, but he also perplexes many readers by seemingly skipping over the core of the original argument—i.e., the all-important role of the transcendental deduction of the categories.

In the process of working through the details of this main theme, Kant also develops a new theory of the nature of science in general, and of mathematics in particular, that has gone largely unnoticed. Before explaining how *metaphysics* can now (in the wake of the first *Critique*) become a system of science by examining the practical implications of the ideas of reason in the moral realm—a future prediction that he himself attempted to fulfill just a few years later, in his second *Critique*—Kant first explains how and in what sense mathematics (especially Euclidean geometry) and natural science (especially Newtonian physics) have already established themselves as sciences. In short, Euclid and Newton (and any other purveyor of genuine science) introduced synthetic a priori precepts which, being imbedded in the formal structure of the human mind, are absolutely necessary for attaining any empirical knowledge whatsoever. What space and time (as forms of intuition) do for mathematics and what the table of categories (as forms of conception) do for natural science, the ideas of reason must do for metaphysics.

The problem is that, whereas mathematics and other genuine (a priori) sciences generate determinate knowledge based on the *limits* of sensibility and/or understanding, metaphysics—thanks to reason’s ideas—serves only as a *boundary* for reason’s application. A (perhaps unintended?) side-effect of this argument is that, by distinguishing the a priori grounding of science (which is fundamentally philosophical) from empirical science (which is not), Kant paved the way for a new conception of a *future* science (including logic and math) that will not have the kind of absolute necessity attributed to Euclidean geometry and Newtonian physics, but will instead employ probabilistic hypotheses: reason’s ideas thereby serve as regulative tools to decipher realms of experience that transcend the phenomenal world, by being either too small or too large for human beings to experience directly. The future science prefigured in *Prolegomena*, whether by design or by

accident, turns out to be the science of various post-Kantian revolutions that have subsequently redefined many features of the natural world as we now think of it.

References:

1. Stephen R. Palmquist, "The Kantian Grounding of Einstein's Worldview," Parts I and II, *Polish Journal of Philosophy* IV. 1 (Spring 2010), pp. 45—64, and V.1 (Spring 2011), pp.97—116.

Научная деятельность и структура физической реальности в перспективе философской феноменологии

УДК: 113.2-172, 124.3, 125, 141.201, 523.11, 524

Нестерук А. В.

Портсмут, Англия; Санкт-Петербург, Россия

Аннотция. В статье исследуются трансцендентальные ограничители на возможность познания в физике и космологии. Показано, что главным фактором является требование возможности экспликации вселенной в условиях воплощенного субъекта. Смысл объективности реальности состоит в указании конкретного процесса ее конституированная как исторически и социально структурированного способа наблюдения и теоретического моделирования.

Ключевые слова: *дискурс, мир, наблюдатели, объективность, реальность, сознание, феноменализация, физика, реальность, мир.*

Развитие физики в XX веке показало, что представление физических явлений в феноменальности объектов достижима только в некоторых случаях. Квантовая механика, теория относительности и космология дают примеры того, что природа суждений о физической реальности зависит от эпистемологической конституции субъекта наблюдения. Теория становится не пассивным рефлексированием над опытом, а сам опыт оказывается зависимым от теории, т.е. сознательной деятельности субъекта. При этом остается вопрос об онтологическом или феноменологическом статусе конструкторов теоретической физики, признавая, что язык математики остается неизбежным компонентом теории. По сути можно говорить о расширении системы реальности в процессе взаимного взаимодействия теории и практики. Речь идет о раскрытии мира

по мере развивающихся методов познания. Физика оказывается способом расширения восприятия мира, когда телесная функция передается техническим устройствам, построенным в соответствии с теоретическими моделями. Но структура опыта при этом принципиально не меняется: в расширенном опыте по-прежнему дается лишь то, что манифестировано, то есть феномен. Речь идет о феноменах, манифестация которых становится возможной вследствие развития абстрактных теоретических методов и, соответственно, технических средств наблюдения. Такие феномены не могут быть рассмотрены вне мирового горизонта субъекта познания, на фоне которого происходит частная манифестация феномена.

Поскольку используемые физикой математические методы оказываются эффективными не только эпистемологически, но и практически, теоретические модели способны привести к разработке новых экспериментальных процедур и их технических воплощений, расширяющих класс возможных феноменов. Представление таких феноменов делает возможным доступ к тем аспектам мира, которые закрыты для восприятия. Но эти аспекты присущи целостному миру и они включены в процесс, в котором мир раскрывает себя. Например, точная настройка значения некоторых физических констант и космологических параметров, необходимая для существования атомов, планетных систем и жизни во вселенной является примером теоретического представления глобальных свойств вселенной, которые *не* фиксируются в непосредственном восприятии феномена жизни и не являются следствием наблюдения. Проблематичность такой точной настройки возникает вследствие теоретического суммирования разрозненных фактов из космологии, квантовой физики, химии и биологии. Соответственно «хрупкость» нашего положения во вселенной, как впрочем и случайная фактичность структурных физических констант во вселенной становится фактом физической действительности вследствие развития теории. Феноменализация точной настройки параметров вселенной происходит как следствие человеческой деятельности, как осознание человеком нетривиальности не только своего места во вселенной, но и самого факта существования последней и человека. Дискурс представления оказывается не описывающим онтологическую реальность, рассматриваемую как она есть сама по себе, а дискурсом явленности, обналичивания мира, т.е. дискурсом феноменализации. Излагаемая точка зрения настаивает на том, что дискурс физики, претерпевая осознание своих возможностей и своей ограниченности, становится все более дискурсом конституции феноменов, т.е. трансцендентальным дискурсом.

Методическая индукция как средство конструирования реальности в философии науки позднего Гуссерля

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Пржиленский В. И.
Москва, Россия*

Аннотация. В докладе обсуждается оригинальная версия философского и научного конструктивизма, предложенная Эдмундом Гуссерлем в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии». Дан анализ этой версии в контексте использования конструктивистской установки в современных исследованиях в области истории и философии науки. Подробно рассматриваются эвристические возможности концепции методологической индукции в проекте рациональной реконструкции истории науки.

Ключевые слова. *Методическая индукция, трансцендентализм конструктивизм, конструирование реальности, философия науки, феноменология*

В работе Эдмунда Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» среди прочих тем разбирается тема действительного смысла метода Галилея, который, по мнению автора, мог бы прояснить причины неспособности философии и современных частных наук исполнить свое призвание. И если все прежние описания метода Галилея были исполнены либо в жанре инструкции, либо в жанре онтологической, эпистемологической или даже прагматико-экономической апологии, поставленный Гуссерлем вопрос о смысле этого метода, хотя и был очень феноменологическим, в контексте сложившейся в истории и философии науки традиции выглядел достаточно радикальным. [1]

Поиски смысла метода Галилея приводят Гуссерля к понятию методической индукции, которая, в отличие от обычной индукции, превращается в метод конструирования иной реальности. Шаг за шагом он реконструирует переход от «совокупного донаучного опыта» к представлению «известных чувственных качеств» посредством их редукции к величинам и мерным единицам. Такая «косвенная квантификация» становится возможной не благодаря обычной калибровке, под которой понимается подстройка показаний выходной величины измерительного инструмента путем согласования их с эталонной величиной. Гуссерль обращает внимание на гипотезу Галилея о двусторонней идеализации мира, основанной на универсальной точной каузальности, предшествующей всякой индукции особых каузальностей и руководящей любыми частными индукциями. Эта методическая индукция отличается от обычной индукции тем,

что она руководствуется научным методом, в результате чего формируется/конструируется особый мир, который называется преданным.

В той версии конструктивизма, которая обосновывается в трансцендентальной феноменологии, важное значение имеет рассмотрение теоретизирования как одного из видов практики. Гуссерль специально подчеркивает, что среди других практик она стоит особняком и никем до него не рассматривалась в этом своем качестве. Действительно, теория традиционно представлялась и представляется как антипод практики, а не как ее разновидность. Если же следовать мысли Гуссерля, то у теории есть свои особые профессиональные методы, не описанные в учебниках по методологии научного познания. Более того, за практикой стоит и свой особый вид искусства, включающий в себя умение строить теории, а также способность находить и закреплять истины, обладающие новым смыслом, не имеющим прямого отношения к донаучному и дотеоретическому опыту.

Наука, подвергнутая трансцендентальной редукции становится видом опыта, в ходе которого конституируется мир, реальность, идеальность и др., что приводит к отмене традиционного смыслообразования и переходу к анализу теоретизирования как конститутивной деятельности. Следующая за трансцендентальной редукцией редукция эйдетическая, ведущая от фактов к сущностям, позволяет увидеть в процессе теоретизирования чисто техническое действие, например, методическую индукцию, как это было в случае Галилея. Сегодня подавляющая часть дискуссий о конструктивизме и реализме остается дискуссиями об онтологическом статусе научных понятий и теоретических конструкций. Между тем, сам механизм образования этих понятий и построения этих конструкций по-прежнему рассматривается по схемам научно-технического моделирования, балансирующих между метафорами «открытие» и «творчество».

Литература:

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. Спб.: Владимир Даль, 2004.

Kant and the Character of Mathematical Inference

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Hogan D.
New Jersey, USA

Annotation. The paper addresses Kant's seemingly inconsistent characterizations of mathematical inference. Recognition of Kant's application of a notion of analysis to intuitions, as well as to concepts, resolves apparent inconsistencies in his descriptions of mathematical inference. The findings lead to a deeper understanding of Kant's relation to eighteenth century theories of inference.

Keywords: *I.Kant; G.W.Leibniz; C.A.Crusius; logical inference; mathematical inference; analysis; analytic-synthetic distinction; intuition; 18th century logic.*

Kant's critical philosophy attaches great importance to the supposed synthetic character of mathematical judgment. Had Hume grasped this character, Kant argues, the good company into which metaphysics would have been brought as another species of synthetic a priori cognition would have secured it against 'scornful mistreatment' (Prolegomena, Ak. 4:273). Notwithstanding this significance for his broader project, Kant's reasons for upholding the synthetic character of mathematical judgment have been sharply contested. On one reading, the Kantian doctrine rests on a view that strict logical proof methods do not suffice to represent mathematical inference. On a competing reading, it rests solely on his thesis that mathematics proceeds from extra-logical premises.

A major historical dispute on this issue first broke out during the reevaluation of Kant's philosophy of mathematics in the wake of groundbreaking nineteenth century work in logic and foundations of mathematics. Russell and Couturat were among early proponents of the view that Kant conceives of mathematics as requiring extra-logical proof methods. Both presented Kant's epistemology as a central target of new developments in logic and mathematics aiming at rigorous representation of mathematical proof in a formal calculus. Cassirer soon joined the fray insisting on a very different reading of Kant's position. It is quite misguided, Cassirer insisted, to read Kant's doctrine of the synthetic character of mathematics as opposed to the axiomatic spirit, or as intended to deny the strict logical character of mathematical proof; in fact, it rests solely on Kant's view that mathematics rests on extra-logical premises. For Cassirer, the doctrine is inseparable from Kant's conception of the

relation of mathematics to experience, and it remains fully defensible in the face of new logical developments.

Both factions in this classical dispute could marshal very striking textual evidence in favor of their interpretations, and both have consequently been well represented in subsequent scholarship. The factions have been forced to sharply divergent conclusions concerning the basic meaning of Kant's theory of mathematics, its role in the critical philosophy, its relation to predecessors including Leibniz and Locke, as well as to subsequent logical developments.

The aim of this paper is to resolve the longstanding textual and conceptual puzzles sustaining controversy on this foundational point. I offer a new argument that Kant does indeed recognize mathematical inference as essentially dependent on extra-conceptual resources. How is this to be squared with his notorious description of mathematical inference as 'proceeding in accordance with the Principle of Contradiction' (B14)? I argue that the B14 formulation is intended to distance Kant's mature theory of inference from the anti-formalism of C. A. Crusius, a contemporary whose thought offered a major stimulus for the development of the critical epistemology of pure intuition.

Что значит для математики давать реальные определения своих понятий?*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Евстигнеев М. Д.
Москва, Россия*

Аннотация. В этом выступлении я приведу реконструкцию теории определения Канта. Кант утверждает, что математика дает реальные определения. Это означает, что эти определения показывают возможность вещи. Я предоставляю анализ понятия Канта о возможности и продемонстрирую значение теории величин Канта для его теории математических определений.

Ключевые слова. *Философия математики, теория дефиниций, Кант, теория величин.*

В *учении о методе* в "Критике чистого разума" Кант, проводя различие между методами философии и математики, указывает, что математика является синтетической дисциплиной, которая дает реальные определения своих

понятий, в то время как философия является аналитической и может приводить лишь номинальные определения (A727/B755). Давать реальную дефиницию значить так определять понятие, чтобы это определение демонстрировало возможность вещи, понятие которой определяется.

Кант использует понятие возможности в двух различных контекстах. Он пишет о логической (номинальной) возможности, которая гарантируется *законом противоречия*. В этом случае, то, понятие чего не содержит в себе противоречия — возможно. Кант замечает, что фигура, заключенная двумя прямыми линиями логически возможна, однако, невозможна в ином ключе (A220-1/B267-8). Это приводит ко второму контексту. Упомянутая фигура невозможна в *реальном* смысле. Таким образом, если математика — это единственная дисциплина, дающая реальные дефиниции, а последнее, в свою очередь, должно демонстрировать реальную возможность вещи, то возможность в математике должна покоиться на чем-то более требовательном, нежели закон противоречия. Этим и является созерцание: что приводит к знаменитому диктуму, что математика осуществляет синтетическое познание *a priori*.

Вышеприведенное рассуждение ведет к двум ключевым вопросам, на которые я и планирую ответить в своем докладе: 1) что такое реальная возможность в кантовской критической философии; 2) что позволяет математике определять реальную возможность вещи.

Одно из ключевых понятий “Критики чистого разума” — это понятие *возможного опыта*. Кант противопоставляет его простой логической возможности. Он пишет, что “то, что согласно с формальными условиями опыта (если иметь в виду созерцание и понятия), возможно” (A218/B265) — соответственно, эта возможность покоится на не-концептуальном основании (на основании того, что мы имеем определенные формы созерцания — пространство и время). Реально возможно то, что согласуется с формальными условиями опыта и, если математика дает реальные определения, они должны находиться в согласии с условиями возможности опыта. Это рассуждение позволяет перейти ко второму вопросу.

Если математика осуществляет познание *a priori*, то это познание по определению не зависит от опыта. Оно до сих пор может согласовываться с его формальными условиями, но этим, кажется, не гарантируется валидное применения математики к опыту. Опыт не включает в себе идеальных математических объектов и, соответственно, требуется дополнительное объяснение того, как

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19—011—00925).

В работе использованы также результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

математика к опыту применяется. На это возражение Кант отвечает следующим образом: математика — это наука о величинах, а поскольку все созерцания суть экстенсивные величины, то объективная значимость математики для возможного опыта гарантируется. Что, правда, требует объяснения того, каким образом математика определяет свои предметы.

Кант утверждает, что математика осуществляет схематическую конструкцию своих понятий. Что значит, что она не производит свой предмет, а, скорее, дает правило, согласно которому можно определять величины. Это правило является априорным, а не эмпирическим, так как у нас есть чистые созерцания пространства и времени. Таким образом, кантовский проект в философии математики рассматривает математическое суждение не в качестве суждений об абстрактных объектах, а некоторый вид функционализма, который позволяет обосновать как априорность, так и применимость математики к опыту.

Рождение феноменологии из духа математики

УДК: 165.62 ББК: 87.25

Михайлов Я. К.
Москва, Россия

Аннотация. Доклад посвящен описанию историко-биографических обстоятельств появления феноменологии из ранних математических штудий Гуссерля в контексте идей немецкой алгебраико-аналитической традиции (Риман, Кантор, Гильберт).

Ключевые слова. *Феноменология, интуиция, математика, теория множеств, эпистемология*

Доклад посвящен 1) вопросу происхождения феноменологии из направляющих Гуссерля проблем оснований математики и 2) применимости феноменологических разработок в философии и эпистемологии математики. Вопрос о том, какую роль интуиция играет в математике, делает Гуссерля потенциально значимым участником дебатов между формализмом и интуиционизмом. Связь феноменологии и интуиционизма уже была в установлена при жизни Гуссерля в работе Г. Вейля «Континуум», и особенно скрупулезно в работе «Математическое существование» (1927) Оскара Бекера, написанной по мотивам VI-й книги 2-го тома «Логических исследований» (1901); именно в этом разделе подробно разрабатывается фундаментальное понятие «категориальной интуиции» (*kategoriale Anschauung*).

Кроме того, для обоснования интуиционизма используют зрелую, трансцендентальную версию феноменологии, озаглавленную выходом «Идей I» в 1913 году. Примечательно, что Гуссерль связан с ключевыми фигурами кризиса оснований математики — Фреге, Кантором, Гильбертом, Брауэром, Гёделем. Он был коллегой как Кантора (с 1886 по 1901 год, период его работы в Галле), так и Гильберта (с 1901 по 1915 год, период работы в Гёттингене), поэтому не остается сомнений в том, что он был вовлечен в большую «перестройку» математики на рубеже веков как и в том, что сам замысел феноменологии вдохновлен намерением Гуссерля обеспечить математику должным основанием [1]. Достаточно вспомнить, что первая книга Гуссерля, «Философия арифметики», посвящена психологическому обоснованию понятия числа. Дальнейшее развитие математики по пути усложнения структурных отношений повлияло на интерес Гуссерля к понятию «идеального», которое сыграло важную роль в его окончательном отказе от психологизма и последующей его критике [2].

Клэр Хилл, переводившая и исследовавшая в течение нескольких десятилетий ранние рукописи Гуссерля, приводит крайне любопытные свидетельства о его математической компетенции [4]. К примеру, *бесконечные множества*, корни отрицательных чисел, дроби, иррациональные числа он называл «воображаемыми» и испытывал особые трудности с пониманием топологических многообразий [4: 190]. Из подобных характеристик (относящихся к периоду сотрудничества Гуссерля с Кантором в Галле, то есть до 1900 года) можно заключить, что он не совсем понимал, почему математика *принимает мнимые объекты в качестве реальных*, что поставило под вопрос сначала понятие «числа» (чему он посвятил свою габилитационную работу «Философия арифметики»), а затем сами понятия «реальности» и «опыта» как таковые. По-видимому, это стало причиной поисков Гуссерлем философских оснований существования математических объектов, поисков, вышедших за пределы математики к исследованию опыта сознания *вообще* и построению «дескриптивной психологии», постепенной превратившейся в феноменологию. Сильнейшее влияние работ и взглядов Кантора на раннего Гуссерля проанализировано в [5]; там же приведено важное наблюдение о преемственности между определением понятия «множества», данным Кантором, и понятием «эйдетической сущности» из I тома «Логических исследований» Гуссерля.

Образец *строгой науки* для Гуссерля — это математика, усвоенная им во время учебы в Галле у Вейерштрасса. Хартимо М. рассматривает феноменологию математики Гуссерля и его исследовательский этос как продолжение программы Вейерштрасса, с опорой на структуралистскую перспективу аксиоматического метода. Больше того, методология и эпистемология «Логических исследований», по признанию самого Гуссерля, стала результатом попыток найти философское обоснование математики [3: 107—108].

Литература:

1. *Hartimo M.* Mathematical roots of phenomenology: Husserl and the concept of number // *History and Philosophy of Logic*. 2006. Vol. 27. № 4. P. 319—337.
2. *Hartimo M.* From geometry to phenomenology // *Synthese*. 2008. Vol. 162. № 2. P. 225—233.
3. *Hartimo M.* The Development of Mathematics and the Birth of Phenomenology // *Phenomenology and Mathematics*. Dordrecht: Springer, 2010. P. 107—121.
4. *Hill C.O.* Husserl and Cantor // *Essays on Husserl's Logic and Philosophy of Mathematics* / Ed. by S. Centrone. Dordrecht: Springer Netherlands, 2017. P. 169—196.
5. Мотрошилова Н. В. Г. Кантор и Э. Гуссерль: взаимодействие идей // *HORIZON. Феноменологические исследования*. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/g-kantor-i-e-gusserl-vzaimodeystvie-idey> (дата обращения: 21.02.2020).

Раздел 4

Трансцендентальная концепция субъекта (сознания)

Kant and the pre-reflective self-consciousness

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

*Forgione L.
Базиликата, Италия*

Abstract. The aim of this talk is to focus on certain characterizations of “I think” and the “transcendental apperception” in an attempt to verify a connection with certain characterizations of the so-called pre-reflective self-consciousness introduced by the phenomenological literature. According to this account, every self-ascription of any property implies a more fundamental form of self-consciousness, i.e., a kind of immediate familiarity with oneself. This pre-reflective self-consciousness is a non-relational, non-identificational form of self-consciousness and concerns an immediate acquaintance of the subject with itself.

Keywords. *Kant; I think; transcendental apperception; self-consciousness; pre-reflective self-consciousness*

One way of thinking about self-consciousness is to think of it in terms of a form of object: the subject takes itself as an intentional object of perception or reflection. For instance, Locke offers one of the plainest formulations of the reflexive model of self-consciousness in his conception of self-consciousness. In particular, Locke addresses the issue of the reflexive and representational model which follows the structure of perceptual consciousness and, more generally, of a model of knowledge built on the subject—object scheme: The awareness of an object is always mediated by the object’s representation, implying a representing subject and a represented object. In the shift from consciousness to self-consciousness, the model structure remains unaltered, whereas the subject and the object of consciousness coincide: The subject of the representation represents itself, which entails its inward withdrawal. The subject is objectified and, in the process, splits into two poles.

The point concerns the fact that it’s not possible to explain how self-consciousness is achievable, if we conceive of self-consciousness as a relation between a subject and an object. First of all, as has been pointed out by members of the *Heidelberg*

School (Tugendhat, 1979)—comprising authors such as Dieter Henrich, Manfred Frank, and Ulrich Pothast—who in turn took their inspiration from Fichte, this model either is circular or leads into a regress.

In a nutshell, the question can also be articulated on the basis of Zahavi’s argument (1999, 16): 1) awareness is a relationship between a subject (*qua* experiencing) and an object (*qua* experienced); 2) if the subject is to be aware of itself, it must take itself as an object; 3) if the subject is aware of an object, it is not aware of itself; thus, 4) real self-awareness is impossible. Therefore, for Zahavi, if awareness is a relationship between a subject and an object, self-awareness is impossible: “The subject of experience can never truly be its own object, insofar as this would imply both a negation of its subjectivity, as well as a violation of the principle of identity”.

This entails holding the antireflexive character of self-consciousness, which Sturma (1985) and Ameriks (1995, 1997, 2000) — although under different circumstances — have used to argue against Henrich’s (1966) Fichtian interpretation of Kantian apperception based on the *Reflexion Theory* (cf. Schulting 2017b). Actually, Kant does not encounter the paradoxical consequences triggered by the self-consciousness reflexive model: In fact, not only does Kant not seem to address any reflexive model at all but, as Henrich himself (1976) put it in different contexts—as it will be also argued here, at least to some extent—the *I think* self-reference at the basis of the self-conscious capacity does not involve any kind of identification component. While it cannot constitute a *de re* thought, it assumes the implicit form of every thought.

The necessity for a pre-reflective self-consciousness has been pointed out by the phenomenological literature (Zahavi, 2005). According to their account, every self-ascription of any property implies a more fundamental form of self-consciousness, i.e. a kind of immediate familiarity with oneself. This pre-reflective self-consciousness is a non-relational, non-identificational form of self-consciousness and concerns an immediate acquaintance of the subject with itself, which can be explicated as a complete non-differentiability of subject and object in self-consciousness (Frank, 1991).

According to Zahavi, an explicit reflective self-consciousness is the basic self-consciousness which has been analyzed previously and depends on a pre-reflective self-awareness: The phenomenologists do not always agree on important questions, but the idea that the experiential dimension always involves such an implicit pre-reflective self-awareness is quite unanimous. Husserl (1959, 189, 412) holds that consciousness always involves a self-appearance (*Für-sich-selbst-erscheinens*), while Merleau-Ponty (1945, 488) maintains that consciousness is always given to itself: consciousness coincides with this self-givenness. For Sartre the pre-reflective self-consciousness constitutes the very mode of being of the experience since it represents a structural feature of all conscious experience: “This self-consciousness we ought to consider not as a new consciousness, but as *the only mode of exist-*

tence which is possible for a consciousness of something” (Sartre 1943, 20). It seems clear that this pre-reflective self-consciousness is based on a particular kind of first-personal “givenness” or a sense of “mineness,”: “the fact that the experiences are characterized by a first-personal givenness that immediately reveals them as one’s own” (Zahavi, 2005, p. 124).

As we will see, Kant points to two forms of self-consciousness: The inner sense, or empirical apperception, grounded in a sensory form of self-awareness, and transcendental apperception. Through the notion of inner sense, Kant allows for an introspective account of self-awareness; nonetheless, the point of this talk is to show that an utterly sophisticated notion of basic self-consciousness, which contains a pre-reflective self-consciousness as first level, is provided for by the notion of transcendental apperception. The doctrine of apperception is not to be confused with an introspective psychological approach as it is a formal model for the thinking activity.

References

1. Allison, H. E. (2004), *Kant’s Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense*. Revised and Enlarged Edition. New Haven/London: Yale University Press.
2. Ameriks, K. (1995), “From Kant to Frank: The Ineliminable Subject”, in K. Ameriks, D. Sturma (eds.), *The Modern Subject: Conceptions of the Self in Classical German Philosophy*. Albany: SUNY Press, pp. 217—30.
3. Ameriks, K. (1997), “Kant and the Self: A Retrospective”, in D. Klemm, G. Zöller (eds.), *Figuring the Self: Subject, Absolute, and Others in Classical German Philosophy*. Albany: SUNY Press, pp. 55—72.
4. Ameriks, K. (2000), *Kant’s Theory of Mind*. Second Edition. Oxford: Oxford University Press.
5. Ameriks, K. (2004), “Apperzeption und Subjekt: Kants Lehre vom Ich”, in D. H. Heide- mann, K. Engelhard (eds.), *Warum Kant heute? Systematische Bedeutung und Rezeption seiner Philosophie in der Gegenwart*. Berlin: de Gruyter, pp. 76—99. Repr. in Ameriks (2006), pp. 51—66
6. Frank, M. (1991a), *Selbstbewusstseinstheorien von Fichte bis Sartre*. Berlin: Suhrkamp.
7. Frank, M. (2004), “Fragments of a History of the Theory of Self-Consciousness from Kant to Kierkegaard”. In *Critical Horizons* 5 (1): 53—136.
8. Freundlieb, D. (2003), *Dieter Henrich and Contemporary Philosophy: The Return to Subjectivity*. Aldershot: Ashgate
9. Gallagher, S. and Zahavi, D. (2019), “Phenomenological Approaches to Self-Consciousness”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2019 Edition), E. N. Zalta (ed.), URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/self-consciousness-phenomenological/>>.

10. Henrich, D. (1966), "Fichtes ursprüngliche Einsicht", in D. Henrich, H. Wagner (hrsg. v.), *Subjektivität und Metaphysik. Festschrift für Wolfgang Cramer*. Frankfurt am Main: Klostermann; English Trans. "Fichte's Original Insight", in D. E. Christensen (ed.), *Contemporary German Philosophy*. Vol I. University Park: The Pennsylvania State University Press (1982), pp. 15—53.
11. Henrich, D. (1976), *Identität und Objektivität: Eine Untersuchung über Kants transzendente Deduktion*. Heidelberg: Winter.
12. Henrich, D. (1982), *Selbstverhältnisse: Gedanken und Auslegungen zu den Grundlagen der klassischen deutschen Philosophie*. Stuttgart: Reclam.
13. Husserl, E. (1959), *Erste Philosophie II 1923—24*, Husserliana VIII. Den Haag: Martinus Nijhoff
14. Locke, J. (1690), *Essay Concerning Human Understanding*, ed. P. H. Nidditch. Oxford: Clarendon Press
15. Matthews, G. B. (1992), *Thought's Ego in Augustine and Descartes*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
16. Merleau-Ponty, M., (1945), *Phénoménologie de la perception*, Paris: Éditions Gallimard
17. Rosefeldt, T. (2003), "Kant's Self: Real Entity and Logical Identity", in H. J. Glock (ed.), *Strawson and Kant*. Oxford: Oxford University Press
18. Sartre, J.-P., (1943), *L'Être et le néant*, Paris: Tel Gallimard.
19. Tugendhat, E. (1979), *Selbstbewusstsein und Selbstbestimmung*. Berlin: Suhrkamp.
20. Zahavi, D. (1999), *Self-Awareness and Alterity: A Phenomenological Investigation*. Evanston: Northwestern University Press.
21. Zahavi, D. (2005), *Subjectivity and selfhood: Investigating the first-person perspective*. Cambridge, MA: MIT Press.

«Наука Другого»: способна ли кардиофеноменология разрешить трудную проблему сознания?

УДК 159.922

*Мирошниченко М. Д.
Москва, Россия*

Аннотация. Доклад посвящен критическому анализу проекта кардиофеноменологии Нагали Дебра, который она представляет как практическое «разрешение» трудной проблемы сознания. Вместо нейроцентристской модели, акцентирующей внимание на интеллекте, она развивает кардиоцентристскую модель, основанную на эмоциональном и аффективном познании. С помощью этого она разрабатывает «психофеноменологию»,

реализующую методологию второго лица в дизайне когнитивных экспериментов. Для Депра эмпатия и довербальная коммуникация становятся основанием высших когнитивных функций, и должны исследоваться как предсознательные источники человеческого сознания, распределенные на множестве уровней соматической организации. В своем докладе я намерен оценить методологическую релевантность кардиофеноменологических исследований для когнитивной науки и дать ответ на вопрос, способен ли проект Депра «разрешить» трудную проблему сознания.

Ключевые слова: кардиофеноменология, методология второго лица, эмпатия, трудная проблема сознания

Мой доклад будет посвящен критическому рассмотрению проекта кардиофеноменологии Натали Депра, которую она развивает в качестве трансцендентального «разрешения» (dissolution) трудной проблемы сознания.

Депра утверждает, что различные позиции в дискуссии о натурализации феноменологии должны сойтись в том, что когнитивная наука и феноменология производятся обществом одушевленных, воплощенных существ. Потому когнитивно-научное исследование сознания от третьего лица и его феноменологическое рассмотрение от первого лица должны быть объединены в рамках развиваемого ею проекта *альтерологии* — «науки Другого». *Альтерология*, с ее акцентом на измерении второго лица и интересубъективном генезисе научного знания, становится фундаментом для «разрешения» трудной проблемы сознания, и, далее, закладывается в основание дизайна «психофеноменологических» экспериментов, исследующих аффективное измерение проживаемого времени, а также депривацию эмоциональных реакций у пациентов с депрессией [2].

Важной для Депра является идея *эмпатии*, которую она понимает в ключе теории «вчувствования», которую она дополняет данными психологии развития и нейропсихологическими разработками в сфере исследования истоков человеческой коммуникации. При этом она расширяет область применения эмпатии и утверждает, что «социальная» когнитивная наука («нейронаука второго лица», социальное познание, предиктивное кодирование [4]) основана на том, что пытаются объяснить — на взаимопонимании субъектов, вовлеченных в символический институт научного знания.

В связи с этим Депра обращается к программе *энактивизма* в когнитивной науке и дополняет его акцент на телесном измерении психомоторной активности акцентом на его «кардиологическом» аспекте. Имеется в виду, что поскольку человеческое сознание «по природе» является социальным, а первичный контакт социализации индивида возникает во взаимодействии с родителем/воспитателем в раннем детстве [1], познавательная деятельность любого уровня сложности оказывается «охваченной» эмоционально-аффективными реакциями на других. Итак, проект кардиофеноменологии нацелен на раскрытие реляционной динамики интересубъективной коммуникации, понимаемой как довербальное телесное сопряжение «самости» и «других».

«Сердце» здесь оказывается одновременно и метафорой, и объяснительным приемом. Благодаря функционированию нервно-рефлекторной регуляции кровообращение в организме человека подчинено «регламенту», обеспечивающему циркуляцию питательных веществ и вывод продуктов метаболизма. Это позволяет поддерживать гомеостаз

внутренней и внешней среды. Соответственно, эти процессы имеют вегетативный характер, т.е. не подконтрольны интенциональному сознанию.

В опыте я имею дело с последствиями этих процессов — так, когда мое сердце начинает стучать чаще, я испытываю волнение или тревогу. Переживание определенного эмоционально-аффективного состояния есть результат феноменализации субперсональных процессов соматовегетативного характера, их осознания. Аналогично двойному режиму доступа к телу — *Leib* и *Körper* — Депра вводит два режима доступа к аффективности — *Herz* и *Gemüt*, где первое отсылает к физическому сердцу как органу кровообращения, а второе — к «внутренней» части моего тела, посредством которой я проживаю свои эмоциональные состояния [3].

Итак, в своем докладе я задаю следующие вопросы:

Насколько корректно с методологической точки зрения введение измерения второго лица в эмпирические исследования сознания?

Правильно ли трактовать феноменологию как элемент дизайна психологических экспериментов?

Удается ли кардиофеноменологии «разрешить» трудную проблему сознания?

Литература

1. Стерн Д.Н. Межличностный мир ребенка. Взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006.
2. Depraz N. Empathy and Second-Person Methodology // *Continental Philosophy Review*. 2012. Vol. 45. P. 457—459.
3. Depraz N. The Rainbow of Emotions: At the Crossroads of Neurobiology and Phenomenology // *Continental Philosophy Review*. 2008. Vol. 41. P. 237—259.
4. Schilbach L. et al. Toward a second-person neuroscience // *Behavioral and brain sciences*. 2013. Vol. 36. №. 4. P. 393—414.

Э. фон Гартман о «падении» трансцендентального субъекта в философии И. Канта

УДК 1(091):[165.65+165.24]; ББК 87.2 + 87.1

Ровбо М. В.
Минск, Беларусь

Аннотация. В докладе реконструируется аргументация Э. Гартмана, согласно которой Кант уничтожил трансцендентальный субъект и привел критику к абсолютному иллюзионизму, в котором не только объекты внешнего мира, но и самость становятся иллюзией, а акт репрезентации теряет свою основу.

Ключевые слова: трансцендентальный субъект, критицизм, абсолютный иллюзионизм, трансцендентальный объект, ноумен, субстанция, единство сознания.

Немецкий философ Эдуард фон Гартман, критически рассматривая в сочинении «*Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus*» теоретическую философию И. Канта, формулирует тезис, что кантовский трансцендентальный субъект выступает частным случаем трансцендентального объекта, или того пустого нечего, что стоит за являющимся во внешнем или же во внутреннем чувстве и придает ему реальность. Э. Гартман при этом отождествляет трансцендентальный субъект (объект) и ноумен, выдерживая дихотомию являющегося и его трансцендентального субъекта (объекта) на разграничении феноменального и ноуменального. Вместе с тем Гартман замечает, что таким образом понимаемый трансцендентальный субъект не согласуется с кантовской критикой рациональной психологии. Обращаясь к кантовскому учению о паралогизмах, Э. Гартман акцентирует внимание на двух моментах.

Во-первых, Кант отказывается считать Я субстанцией. Во внутреннем созерцании Я знает себя только как явление. Критика допускает, что на уровне явлений можно говорить о субстанции, а именно о схематизированной категории субстанции, — так называемой *substantia phaenomenon*. Согласно первой аналогии опыта понятием *substantia phaenomenon* называется устойчивое в явлении, хотя бы и трактовалась такая субстанция лишь как совокупность отношений. Вместе с тем явления себе самому лишены даже такой субстанциализации, как *substantia phaenomenon*, поскольку, как констатируется в «Критике чистого разума», во внутреннем созерцании нет ничего постоянного [1, 525—527].

Второй момент касается Я как сознания, которое сопутствует всем понятиям, благодаря чему они мыслятся в единстве. Я здесь выступает лишь формой представления вообще, пустой и бессодержательной. Как отмечает Э. Гартман, для И. Канта «нет ничего более неправильного, чем гипостазировать единую форму сознания, <...> ибо эта форма сама по себе не имеет никакого самостоятельного существования, а только в пределах своего содержания (объектов) и через него» [2, 33]. Рациональная психология же принимала единство сознания, заявляющее себя в опыте, за самостоятельный предмет. Механизм появления заблуждения реализовывался через абстрагирование (от всякого опыта) и гипостазирование (преподносит мыслящее Я как отдельно существующий объект).

В кантовской критике психологии Э. Гартман видит уничтожение (*das Fallen*) трансцендентального субъекта, отказ от ноуменальной стороны Я. Фактически в ходе такой критики Кант ликвидирует не только сам предмет психологии, но и возможность какой-либо науки о самости. «Сфера сознания оказы-

вается без окон, будучи обреченным на самое строгое одиночное заключение без движения» [2, 41].

Трактовка трансцендентального субъекта Э. Гартманом достаточно оригинальна, и вместе с тем могут быть высказаны сомнения как в отождествлении им трансцендентального субъекта и ноумена субъекта, так и в ограничении познавательной способностью области того, что можно назвать модальной метафизикой И. Канта (N. Stang).

Литература:

1. Кант, И. Критика чистого разума : в 2 ч. // Соч. на нем. и русск. яз. : в 4 т. / под ред. Б. Бушлинга, Н. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. Т. 2. Ч. 2. 936 с.
2. Hartmann, E. Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus // Ausgewählte Werke : in 13 Bd. Leipzig: Wilhelm Friedrich, 1889. Bd. 1. 128 s.

Бессознательное как достаточное основание:

Кант о тёмных представлениях*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Балановский В. В.
Калининград, Россия

Аннотация. Автор, анализируя «Попытку ввести концепцию отрицательных величин в философию», обосновывает гипотезу о том, что рассуждения Канта о темных или смутных представлениях являются попыткой соблюдения закона достаточного основания. Кант предпринял такой шаг, чтобы уберечь свою систему от интуитивизма.

Ключевые слова: *тёмные или смутные представления, бессознательное, закон достаточного основания.*

1. И. Кант по праву считается одним из родоначальников психологии бессознательного. Безусловно, в своих трудах он, в первую очередь, исследовал структуру и способы функционирования сознания. Но есть работы, в которых Кант показывает, что содержания и проявления нашей психики не исчерпы-

* Данное исследование поддержано грантом Российского научного фонда (проект № 19-78-00093)

ваются только лишь сознанием, и что есть область несравненно большая, чем наши ясные восприятия и представления.

2. Так, в одном из трудов [1] Кант формулирует идею порога восприятия, которую потом более чётко зафиксировал и основательно развил шелленгианец Т. Фехнер. С этой идеи начинается научная психология. Здесь же Кант описывает принцип вытеснения одних содержаний психики другими — теми, на которые в данный момент направлено сознание, способное удерживать только скудный объём данных одновременно [1, с. 67—68]. На этом принципе зиждется психология бессознательного. В этом труде также содержится крайне важное указание на фундаментальное значение «затемняющихся» идей [1, с. 76] — понятия, которое потом получило наименование «смутных» или «тёмных» представлений в последующих трудах Канта, и в котором исследователи, в том числе К.Г. Юнг, усматривают предвосхищение идеи бессознательного. Размышления Канта стали продолжением рефлексии Г.В. Лейбница о малых восприятиях и Х. Вольфа о тёмных мыслях и тёмных представлениях.

3. Кант пишет о высокой интенсивности подпороговых процессов, протекающих в нашей душе, характеризуя их как скрытую в глубине нашего духа деятельность, «которую мы не замечаем, когда она совершается, потому что действий очень много, а каждое из них в отдельности представляется лишь в весьма неясном виде» [1, с. 68]. Неясном потому, что, «чем более ясной и отчётливой становится какая-то определённая идея, тем более затемняются все остальные» [1, с. 76]. Причём вытесненные содержания сознания по Канту не становятся *ничто*, а по-прежнему представляют собой *нечто*, т.е. никуда не пропадают. Именно поэтому он рассматривает каждое исчезновение содержаний сознание как «отрицательное возникновение» [1, с. 67].

Особое значение эта концепция приобретает в свете необходимости соблюдения сформулированного Лейбницем закона достаточного основания. Кант отмечает, что «все виды понятий должны покоиться только на внутренней деятельности нашего духа как на своём основании <...>. Мыслительная способность души должна содержать реальные основания для всех этих [понятий] <...>, и явления возникающих и исчезающих знаний следует ... рассматривать как результат согласованности или противоположности всех моментов этой деятельности» [1, с. 79]. Таким образом, вся эта смутная деятельность души направлена на обеспечение нашего сознания достаточными основаниями для возможности процесса познания.

4. Можно предположить, что тёмные представления в качестве достаточного основания Канту потребовались для того, чтобы защитить его трансцендентализм от необходимости признания возможности интеллектуальной интуиции. Вероятно, Кант так же, как и многие другие мыслители, переживал озарения. Однако дискурсивизм не предполагает инсайтов из ниоткуда — всё должно иметь достаточное основание. Таким основанием становятся тёмные

представления. Это предположение выдержало проверку временем. Так, Юнг, испытавший сильное влияние Канта, придерживался дискурсивизма. Видимо, помогло ему в этом признание наличия бессознательного в качестве достаточного основания проявлений нашей психики. В то же время Н.О. Лосский, чьи представления о структуре личности имеют массу пересечений с взглядами Юнга, отрицал существование бессознательного. Возможно, потому, что он признавал интеллектуальную и мистическую интуицию в качестве достаточного основания, поэтому в постулировании бессознательного не видел необходимости.

Литература:

1. Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. М.: «ЧОРО», 1994. С. 41—84.

Знание о сознании и современные театральные контексты его возможности

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Громыко Ю. В.
Москва, Россия,

Громыко Н. В.
Москва, Россия

Аннотация. Одним из важнейших каналов получения знания об устройстве сознания сегодня является театр. Такой, где сознание выводится на сцену в качестве главного персонажа и где это делается не из любви к постмодернистским вывертам, но из глубинных потребностей современного зрителя, нуждающегося в духовной регенерации. Данное направление развития театрального искусства назовем Театром духовной регенерации. Одной из площадок, где это направление интенсивно развивается, является московский театр «Около Дома Станиславского». В публикации рассматривается метод работы данного театра, который позволяет получать новое знание о сознании.

Ключевые слова. *Сознание, Театр духовной регенерации, знание о сознании, театральные контексты.*

Одним из важнейших каналов получения знания об устройстве сознания сегодня является театр. Прежде всего такой, где сознание выводится на сцену

в качестве главного персонажа и где это делается не из любви к постмодернистским вывертам, но из глубинных потребностей современного зрителя, нуждающегося в духовной регенерации. Мы будем называть данное направление развития театрального искусства Театром духовной регенерации (далее — ТДР). Одной из площадок, где это направление интенсивно развивается, является московский театр «Около Дома Станиславского» (художественный руководитель — Ю.Н. Погребничко).

ТДР — это Театр Сферы Сознания. Человеку кажется, что он свободно воспринимает окружающий его мир. Но это не так: между ним и миром вставлен особый «аппарат» восприятия, интерпретации, переживания и понимания. Этот «аппарат» установления контакта с миром, вбирания мира в себя, его архивирования [1] есть сфера сознания, которая объективируется на сцене ТДР. (Ранее понятие сферы сознания и состояния сознания было введено А.М. Пятигорским и М.К. Мамардашвили [2].)

Работа со сферой сознания существенно трансформирует классические представления об эстетическом действии катарсиса. Задача катарсиса в ТДР состоит в том, чтобы преодолеть три отчуждения: 1) отчуждение поколений — людей, родившихся в СССР, и милениусов, сопровождаемое, с одной стороны, безразличием милениусов к переживаниям и ностальгии старших поколений, с другой стороны, безразличием поколений, родившихся в СССР, к поискам милениусов; 2) безразличие к стране, в которой мы живём; 3) безразличие перед общим коллективным будущим, которое непонятно. Эти три типа отчуждения в разных спектаклях по-разному тематически объективируются и «снимаются» через соотношение трех форм сознания: 1) постперестроечного российского сознания, до конца не оформившегося, находящегося в процессе переделки, 2) советского сознания, все еще живого, и 3) онтологии русского сознания, реконструируемого в мышлении. Центральная проблема в рамках программы ТДР состоит в том, чтобы восстановить русскую коллективную гениальность, находящую свое архетипическое выражение (по Е.Л.Шифферсу [3]) в лице святого, творческого гения (поэта, ученого) и правителя, создав особое пространство предъявления зрителю высоких духовных состояний, их восприятия и оценки зрителем. Эта трехпозиционная матрица является онтологическим задним фоном, главной сценой, на которой развертывается репрезентация советского сознания. Задний фон по закону обратной перспективы является предельной онтологией, определяющий смысл всего происходящего на сцене.

ТДР может рассматриваться как своеобразная форма сократического диалога актеров со зрителем, где действие зрителей отсрочено и пока не выявлено и не представлено. Зритель для того, чтобы поучаствовать в диалоге с актерами и режиссером (пусть даже молча), должен прежде всего почувствовать, в каком пространстве он находится, «впустить в себя» исходно саму эстетику ТДР с ее требованиями к работе зрителя с собственными состояниями сознания

в поле феноменологических зеркал и отражений, указанных выше. Основополагающими чертами данной эстетики являются: 1) символический реализм, 2) метод двойной семиотики, 3) объективация досмысловых состояний сознания, не поддающихся до конца вербальному выражению и воплощению в действии.

Одним из таких досмысловых состояний сознания человека является духовная память. И если человек в силу каких-то обстоятельств оказывается ее лишен (например, в силу мощного вмешательства в нашу жизнь информационных или цифровых технологий, развития индустрии сериалов, нацеленных на снятие последних табу [2] и культивирующих, наоборот, бестиарные состояния), если он не знает, что такое, духовная память, то он — болен. У него дырочное сознание. У него проблемы с идентичностью. Задача вернуть современному зрителю возможность переживания этого состояния как состояния глубоко личностного, в котором открывается бесконечность разных горизонтов припоминания, обнаружения в себе и понимания чужого опыта сознания как своего собственного, сегодня вряд ли еще кому-то, кроме ТДР, подъемна. Ее решение предполагает формирование особой эстетической практики, позволяющей наблюдать за жизнью сознания на сцене, культивировать его высокие состояния в себе и породить знание о них в пространстве актерско-зрительского «метаксю».

Литература:

1. Громько Ю.В. Сознание как архивариус. На пути к психоматике: дисциплине, которая обнаруживает новые интеллектуально-духовные функции // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 184—194.
2. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавады) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т.V, С. 345—376.
3. Филиппов И. В следующих сериях. 55 сериалов, которые стоит посмотреть. 2020. М.: АСТ. 320 с.
4. Шифферс Е.Л. Религиозно-философские произведения. — М.: Русский институт, 2005. — С. 594. — 656 с. — ISBN 5-98379-041-2.

**Антропологические зарисовки: дар и призвание
(по мотивам «Кантианские вариации» М.К. Мамардашвили)**

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Витехтина Л. Д.
Москва, Россия

Аннотация. Древние греки истинной философией считали любовь к мудрости, связанной с нравственным совершенствованием человека. Аристотель ввел другую линию философии как науки и любви к знанию. Фома Аквинат решал задачу соотношения вне религиозного знания и веры. Философии вышла на принципиальный путь полной автономии от религиозного обоснования. Кант вернул философию к моральным и этическим проблемам, осуществляя гносеологический поворот своего времени.

Ключевые слова. *Дар, призвание, самопознание, усилие, вера, знание, мышление, пространство.*

Иммануил Кант выписал у римского поэта Персия следующие строки: «Кем быть тебе велено богом и занимать суждено средь людей положенье какое. Это познай».

Мы обычно мыслим конечным образом и о конкретных предметах, а Кант мыслил особенно, по месту, т.е. находясь в том, о чем мыслил.

М.К. Мамардашвили подтверждает, что известное, которое Кант излагает, которое ему удалось ухватить, — всегда окружено ореолом, несет на себе отсвет неизвестного, какого-то открытого пространства, и только на фоне и в просвете этого пространства оно само и есть известное, и есть кантовская мысль.

Кант как бы предполагает неизвестное и внутри неизвестного пространства формулирует то, что может сформулировать, оставляя тем самым место и нашим мыслям, которые мы можем духовно попытаться измерить с его мыслями, подчиняясь при этом закону понятности (или интеллигибельности).

«Душа (не речь), преисполненная чувства, есть величайшее совершенство», есть чудо и невероятное событие, — так считал Кант. Достижение созерцания и присутствие в местах знания, способность видеть и находится в максимальном умственном напряжении, в состоянии интенсивности восприятия и концентрации мышления обнаруживает Кант у себя. И эта работа включена и лежит в области самой возможности философии, ее средств и философского языка как такового, в размышлении о том, как может быть построен философский язык и что мы вообще можем философствовать.

В работе Канта «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика» оброненная им фраза «Вяжущая сила самопознания» становится в дальнейшем ключевой, концептом.

Мамардашвили замечает, что Кант с удивлением и недоумением смотрит вокруг себя, на людей, которые хотели бы, чтобы Бог был в мире сам собой, независимо от их нравственного усилия и от выполнения ими движения по траектории вяжущей силы самопознания.

Как можно прибегать к образу Бога в смысле такого устройства мира, спрашивает он и продолжает, что ведь «я», движущееся по траектории вяжущей силы самопознания, есть элемент в мире, без которого этого мира не было бы. Мир есть то, что создается после того и в зависимости от того, как каждый выполнит завет: «Кем быть тебе велено богом..... Это познай...».

Это семя, из которого все вырастает и которое содержит все во всем. Семя кантовской мысли несет в себе высвобождение места для нас, меня с моим действием и мышлением. Поэтому Кант и формулирует с самого начала свою задачу, сокращенно обозначенную немецким словом *aufleben*, что в русском переводе звучит как «снять знание, чтобы освободить место для веры».

Aufleben означает еще «приподнять, чтобы рассмотреть», то есть выделить, поднести к глазам и посмотреть. Увидеть в невидимом!

Дар, с которым Кант родился, призвание, которому он следовал, метод, которым решал поставленные задачи — позволили ему осуществить «гносеологический поворот» своего времени в решении вопроса о самой возможности «понятия» или «идеи» Бога.

От Канта к Попперу: развитие идей о человеке в контексте проблемы идентичности

УДК 1 (091) 101.9 ББК 87.3+87.1

Логиновская Ю. В.
Томск, Россия

Аннотация. В работе исследуется влияние идей Канта на взгляды Карла Поппера по проблеме идентичности. Обозначены необходимые аспекты познания и самовоспитания для становления зрелой личности, способной, с точки зрения кантианской философии, стать «законодателем природы и этики». Выявлены конституирующие свойства человеческого «я» в философском воззрении Канта, которые были использованы К. Поппером в концепции самосознающего разума.

Ключевые слова: *познание, идентичность, свобода, ответственность, зрелость, вещь в себе.*

Философские идеи Иммануила Канта повлияли на развитие многих мыслителей. Вклад наследия великого классика в становление философского мировоззрения неоспорим, что подтверждается полемикой и преломлением его идей в трудах современных философов. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать влияние идей Канта на взгляды Карла Поппера по проблеме идентичности. В основу исследования легли материалы лекций К. Поппера, опубликованные в 1963 году в книге «Предположения и опровержения», а также его совместная книга с Дж. Экклзом «Self and Its Brain».

Самое важное, что фигура Канта воплощала для своих современников, по мнению Поппера, это дух Просвещения, освобождение посредством знания, борьбу за обретение духовной свободы и зрелости. Поппер указывает, что ведущей темой жизни Канта стала идея возвышения человека посредством самообразования, которую он подтвердил своей судьбой, поднявшись «из состояния, близкого к нищете, к славе и относительному благополучию» [1, с.306]. Пример опыта непрерывного саморазвития актуален для осуществления в социуме и в наши дни. Поппер рассматривает Канта как защитника Просвещения, приводя в качестве доказательства его слова: «Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого» [2, с.127]. Для самостоятельного рассуждения, по Канту, нужна некая решимость, мужество и воля, чтобы выйти за границы наблюдаемого к безграничности и бесконечности мира. В этом и состоит трансцендентальность человеческого познания. В XXI веке идеи Просвещения в кантовском понимании вновь актуальны, и решимость в том, чтобы осознать и принять собственную недоразвитость («несовершеннолетие») в работу и взять ответственность за качество и глубину своего знания, непрерывно углубляясь в познании.

Рассматривая исторические корни теории идентичности, в книге «Self and Its Brain» Поппер обнаруживает параллели космологических воззрений Канта и Босковича, а также сравнивает теорию бессмертной души Канта с Лейбницем [3, pp. 196, 200]. Для него важен атомистический взгляд на индивидуальность человека, заданный предшественниками. При всём отличии кантовской эпистемологии от подхода Лейбница, их взгляды на вещи в себе как на монады оказываются более близкими, чем мог предположить сам Кант. Идентичность личности, по сути, оказывается вещью в себе, явлением духовного порядка, теоретическое знание которой невозможно представить. Но если у Лейбница индивидуальность — это больше вопрос внешнего вида, чем реальности, то у

Канта, как отмечает Поппер, индивидуальности реальны, а вещи в себе индивидуальны [3, р.201]. По Канту, человеческий разум не способен познать мир вещей в себе, при этом знание достижимо с помощью «чистой интуиции» [2]. В критическом рационализме идея интуитивного источника знаний для науки не прижилась, но в области моральной философии Поппер следует позиции Канта, об автономном законодательном источнике внутри человеческого разума.

Высота, которая Кантом отводится человеку как законодателю природы и законодателю этики, определяется уровнем зрелости сознания и нравственности. Возможность принятия решения даже в отношении авторитетов всегда сопровождается ответственностью и гуманистической позицией: «Относись к каждому человеку как к цели, и никогда только как к средству» [цит. по 1, с.305]. Поппер выражает кантовскую этику кратко: «будь свободен и уважай свободу другого», и в этом он уподобляет Канта Сократу, для которого свобода и самодостаточность человеческого духа стала образом жизни. В концепции самосознающего разума Поппер, следуя кантианским идеям самосовершенствования человека на основе принципа нравственности, приходит к выводу, что личность формируется как продукт своих собственных свободных действий в прошлом [3, р. 472—473]. Ответственность как конституирующее свойство личности не раз упоминается Поппером с отсылкой на Канта [3, pp. 109, 115, 145]. Основной аспект становления человеческого «я» — ответственность за свои свободные решения, по Канту, это необходимое качество внутренне зрелого человека: «Личность — это субъект, ответственный за все свои действия» [2].

Хотя Поппер и не признает себя последователем Канта в вопросах существования «чистого восприятия», «чистого опыта» и сомневается в существовании «чистого Я», он соглашается с ним в необходимости активной работы сознания по непрестанному дознанию природы и её законов, в творческой, преобразующей позиции наблюдателя, теоретика и исследователя [3, р. 111]. Установление порядка и законов природы и этики в кантовском понимании углубляет внутренний мир человека и позволяет реализовать потенциал его сознания. Наш универсум несёт на себе отпечаток нашей мысли, и мы, пусть и отчасти, упорядочиваем его и создаём наше знание: «мы открываем, а открытие есть творчество» [1, с. 304]. В рассмотрении Поппером положений Канта подчёркивается вклад, который великий философ сделал для развития науки как продукта человеческого творчества, а также для создания благоприятной духовной атмосферы, способствующей возникновению теорий Эйнштейна, Бора и других мыслителей.

Итак, основные составляющие человеческой идентичности, которые К. Поппер почерпнул из моральной философии И. Канта для своей концепции самосознающего «я»: уникальность индивидуальности, принцип нравственности, проявляющийся ответственностью за свои решения и действия; способность к непрерывному саморазвитию, активная работа сознания, а также твор-

чество через открытие. Эти глубинные основы человеческой идентичности не теряют своего значения и в наш стремительно меняющийся век.

Литература:

1. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. / К.Р. Поппер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 638 с.
2. Кант И. Сочинения, Т.1. М.: Литература, 1994. — 960 с.
3. Popper K.R., Eccles J.C. The Self and Its Brain. London; New York, Routledge, 1998. — 597 p.

Раздел 5

Феноменологический метод и наука

Систематизация направлений феноменологической философии науки

УДК 1/16 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Попов Д. Н.
Москва, Россия

Аннотация. Несмотря на то, что есть исследования в феноменологии, охватывающие некоторые аспекты философии науки и многообещающие тенденции на стыке феноменологии и отдельных научных областей, в настоящее время не существует системного феноменологического подхода к проблемам философии науки. Попробуем выделить идеи Гуссерля в контексте проблем философии науки и их развития в современном феноменологическом движении.

Ключевые слова: *философия науки, феноменология, редукция, жизненный мир, Гуссерль.*

Феноменологический проект зарождался на основе критики науки и всегда стремился к преобразованию науки. Даже в первом переводе фундаментального труда создателя феноменологии Эдмунда Гуссерля, Логических исследованиях 1901 года, который был сделан в России в 1909 году, в четвертом параграфе «Теоретическое несовершенство одчвльныхх наукъ» мы можем прочитатъ: «Математикъ, физикъ, астрономъ для выполнения наиболѣ значительныхъ своихъ научныхъ работъ также не нуждается въ постиженіи послѣднихъ основъ своей дѣятельности. <...> Мы говоримъ здѣсь не о простой неполнотѣ научнаго познанія истинъ данной области, а о недостаткѣ внутренней ясности и рациональности» [1, 6—7]. Однако несмотря на то, что в феноменологии есть исследования освещающие некоторые стороны философии науки и перспективные направления на стыке феноменологии и науки, на данный момент отсутствует систематизированный феноменологический подход к проблемам философии науки. Возможно, разработки феноменологической философии науки тормозятся некоторыми стереотипами в отношении феноменологии. Попробуем осветить идеи Гуссерля в контексте проблем философии науки и их развитие в современном феноменологическом движении.

Достоверность знания, статус научных объектов связаны с проблемой натурализации и теоретической нагруженности опыта. Гуссерль предлагает инструментарий феноменологической редукции, описание научного опыта через переживания жизненного мира и выявление его структуры. Это отсылает нас не только к популяризации науки, но к истории, социологии, психологии науки и проблеме междисциплинарности. Данная проблема разрабатывается в энактивизме Ф. Варелы, экспериментальной феноменологии Ш. Галлахера в дискуссии с Д. Захави.

В проблеме языка науки в качестве метода описания предлагается феноменологическая дескрипция. Позднее проблему языка феноменологии подробнее исследовал О. Финк в теории оперативных понятий.

В проблеме демаркации науки феноменология уходит от противопоставления фактов и теорий, принятых в верификационизме и фальсификационизме К. Поппера. Однако мы можем использовать на платформе аподиктической очевидности (феноменологической установки) ассерторическую и адекватную очевидности, как подтверждение предполагаемого в переживании. Однако из-за бесконечного горизонта переживания, для формирования научной теории и оценке ее перспектив нам необходимо научное сообщество.

В проблеме конвенционализма феноменология вносит понимание трансцендентальной интерсубъективности, взаимной коррекции, реактивации смысла научных теорий и формирования общего жизненного мира научного сообщества.

В проблеме развития науки, Гуссерля часто интерпретируют как кумулятивиста. Но это трудно сопоставляется с тем, что Гуссерль был осведомлен о многих случившихся революциях в науке. С другой стороны И. Лакатоса также можно назвать кумулятивистом, ведь вся наука в целом имеет свое жесткое метафизическое ядро, в рамках которого она развивается. Гуссерль также описывал это ядро науки через галилеевскую идеализацию и его телеологическое смысловое развитие.

К проблеме развития науки также можно подойти через проблему ее генезиса. С точки зрения феноменологии наука вырастает из донаучных культурных практик. Однако, Гуссерль утверждал, что только на почве европейской культуры возможно развитие науки. Однако направление деколонизальной феноменологии выявляет существующие культурологические особенности в европейской феноменологии. Л. Гордон предлагает более гибкий подход онтологического откладывания для выхода феноменологии и науки на транскультурный уровень. Таким образом исходя из феноменологического подхода к генезису науки для выполнения требования строгости ученый должен осознавать основы своей научной традиции.

Проблема научной этики в феноменологии развивается в направлении эко-феноменологии (Т. Тойдван, Ч. Браун, А.-Т. Тыменецка). В этом направле-

нии ведется разработка со-конституционального отношения природы и человека, ответственность ученого в формировании мировоззрения, непротиворечащего жизненному миру.

Литература

1. Гуссерль, Э. *Логические исследования*. Ч. 1 : Прологомены к чистой логике. 1909 г. СПб. : Книгоизд-во «Образование», 1909. — XV, 224 с.

Феноменология как строгая наука и проблема демаркации философии и науки

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Докучаев И. И.
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Понятие науки в феноменологии рассматривается двумя способами: наука предстает как строгая наука, основанная на усмотрении сущности (философии), и как наука случайных фактов. Таким образом, философия имеет приоритет над наукой. В аналитической философии наука рассматривается как экспериментальная и фальсифицируемая когнитивная практика, а философия — как фальсифицируемая. Таким образом, наука имеет приоритет над философией. Однако обе эти традиции основывают свои высказывания на разных аргументативных основаниях, поэтому невозможно выявить преимущество той или иной точки зрения.

Ключевые слова. *Феноменология, наука, фальсифицируемость, философия, Гуссерль.*

Тема науки и научности в феноменологическом дискурсе (по крайней мере, в его классическом изводе, связанном с именем Эдмунда Гуссерля и его учеников, продолжавших развивать именно классическую феноменологию своего учителя. Речь идет о Людвиге Ландгребе, Клаусе Хельде, Карле Шумане и других философах, не осуществлявших ревизию оснований феноменологической философии и развитие не имеющих к этой теории непосредственного отношений традиций, а только отталкивающихся от каких-то ее принципов и понятий. К числу «ревизионистов» можно отнести даже Ойгена Финка) всегда была центральной. Теме науки и научности посвящены многие фрагменты ключевых

сочинений Эдмунда Гуссерля, а также одна из программных статей — «Философия как строгая наука» [1].

Однако тема науки развивается в работах Гуссерля в двух основных направлениях. Речь идет, с одной стороны, об эвиденциальной науке, а с другой — о науке как конструкции. К первой относится феноменология, все основные принципы и понятия которой оказываются следствием особого рода метода — усмотрения сущности. В основе этого усмотрения, с одной стороны, процедура воздержания от присоединения к суждениям о существовании чего-либо и радикальное сомнение в этом существовании, заставляющее признать что-либо как несомненное и очевидное (у Декарта — несомненно существующее), а с другой стороны — редукция различных типов фактов сознания к эвиденциальным основаниям. Наука как конструкция рассматривается на примере естествознания как результат экспериментально установленных фактов и отношений между ними, который не выдержал процедуру радикального сомнения и не является результатом редукций, то есть не усмотрен как сущность, но получен как абстракция того или иного типа. Между эвиденциальной и конструкционной науками устанавливается отношение иерархии, в котором первая существенно определяет вторую.

Аналитическая философия науки, связанная в первую очередь с неопозитивизмом и постпозитивизмом (Рудольф Карнап и Карл Поппер) выстроили иное отношение между философией и наукой (в феноменологической терминологии: между эвиденциальной и конструкционной наукой) [3]. Демаркация философии и науки определяется тем, что научное положение можно частично верифицировать и оно потенциально фальсифицируемо. Опровержение истинности научного факта может апеллировать как к чувственному опыту, так и к логическому описанию этого опыта. Чувственный опыт — в свою очередь — оказывается ценным тогда, когда он может быть интерсубъективным, его можно обсуждать и критиковать, опираясь на общий контекст обсуждения. Философское высказывание не обладает такой возможностью обсуждения, ибо апеллирует к индивидуальному сознанию. Логическое же описание этого опыта возможно, так что различные противоречия и парадоксы потенциально могли бы быть использованы для опровержения тех или иных философских тезисов, исключая те, которые усмотрены непосредственно, редукционированы к эвиденциальным основаниям сознания. Однако нефальсифицируемый характер большинства тезисов, основывающихся на усмотрении сущности, ставит феноменологию, как и любую философию, в отношении ущербности по сравнению с наукой, превращает их в ненаучное знание (см. об этом более подробно работу И. А. Михайлова [2]).

Таким образом, отношения философии и науки в феноменологической и аналитической традициях описываются как прямо противоположные. Очевидность философии рассматривается как преимущество феноменологами, а экспе-

риментальная фальсифицируемость науки рассматривается как преимущество аналитиками. В этой связи необходимо отметить, что подобный спор не может быть разрешен в чью-либо пользу. Следует отказаться от того, чтобы принять окончательное решение. Итоговая точка зрения не может принять одно из двух этих оснований, поскольку каждое из них имеет собственную аргументативную базу, и эти базы не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Спор о том, наука ли философия, совершенно бессмысленен.

Литература:

1. Гуссерль Э. Феноменология как строгая наука // Избранное. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 185—241.
2. Михайлов И.А. Идея науки в философии Эдмунда Гуссерля. Материалы к выступлению на семинаре «Проблемы рациональной философии» 16 февраля 2016 г. // Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/socsep/120_mihaylov.pdf
3. Поппер К. Логика научного исследования. — М.: Издательство «Республика», 2004. 447 с.

Гуссерль vs Галилей: перевернутая критика натурализма

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Белюсов М.А.
Москва, Россия

Аннотация. В статье «Философия как строгая наука» Гуссерль характеризует натурализм как одну из главных опасностей, угрожающих европейской культуре. Его конститутивная черта заключается в натурализации идей. В ключевой поздней работе, «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», Гуссерль снова связывает культурную миссию феноменологии с преодолением натурализма, однако последний понимается им теперь не как натурализация идей, а как идеализация природы. В статье обосновывается тезис, согласно которому гуссерлевская критика Галилея в Кризисе является перевернутой критикой натурализма, и демонстрируется ее эвристическое значение для феноменологической генеалогии естествознания.

Ключевые слова: натурализм, феноменология, Гуссерль, Галилей, идеализация.

В программной статье «Философия как строгая наука» Гуссерль характеризует натурализм как одну из главных опасностей, угрожающих европейской

культуре [1, с. 191]. Его конститутивную черту Гуссерль усматривает в натурализации идей, т.е. идеального как такового. Натурализация идей идет рука об руку с натурализацией сознания, превращающей последнее в часть *естественнонаучно* описываемой природы [1, с. 192]. Естественнонаучное «происхождение» натурализма фиксируется при этом в самом его определении, с которого Гуссерль начинает свой разбор натуралистической философии: «Натурализм есть явление, возникшее как следствие открытия природы, — природы в смысле пространственно-временного бытия по точным законам природы» [1, с. 192]. Другими словами, натурализм есть следствие не открытия природы как таковой, а лишь природы как того, что в своем существовании определяется *точными законами*, устанавливаемыми как раз естественнонаучным исследованием. Абсолютизация этого открытия подразумевает истолкование всего, что на самом деле не имеет природного существования (сознания, логических законов, идеальных предметностей и проч.), в качестве части природы как единства пространственно-временного бытия по точным законам. Соответственно, одной из ключевых задач феноменологии, формулируемых в «Философии как строгой науке», оказывается преодоление этого опаснейшего смешения идеального и природного посредством анализа структур сознания и познания. Таким образом, уже в 1911 году Гуссерль видит в критике натурализма как философской иллюзии, проистекающей из стремительного роста естественных наук, не просто теоретическую, но и культурную миссию феноменологии. Феноменология должна диагностировать и преодолеть значительную опасность, угрожающую европейской культуре — натурализм в качестве абсолютизации природы, истолкованной в свете точных законов.

Четверть века спустя, в своей ключевой поздней работе, «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», Гуссерль снова тематизирует культурную миссию феноменологии и снова связывает ее с раскрытием и преодолением философской иллюзии, порожденной естественнонаучным открытием природы у *Галилея* [2, с. 84]. Этой иллюзией является «физикалистский объективизм» [2, с. 37], т.е., опять-таки, *натурализм*, для которого в собственном смысле сущим может быть признано только то, что выявляется в качестве такового *точными науками* о природе.

Однако необходимо обратить внимание на принципиальную трансформацию в гуссерлевском толковании натурализма. Теперь его сущность усматривается не в натурализации идей, а в противоположном процессе — идеализации природы [2, с. 74]. Теперь уже не идеальное истолковывается как природное, а природное истолковывается как идеальное, и в этом отождествлении природного с идеальным (а не идеального с природным) и заключается, согласно Гуссерлю, суть кризиса европейских наук [2, с. 74—81].

Именно галилеевский проект математизации, т.е. идеализации самой природы конституирует то, что Гуссерль рассматривает как кризис европейских

наук — разрыв между научным миром идеализаций (объективным миром в качестве математизированной природы) и донаучным, жизненным миром, предшествующим любой идеализации и делающим ее возможной. В статье обосновывается тезис, согласно которому гуссерлевская критика галилеевского проекта является перевернутой критикой натурализма, и демонстрируется ее эвристическое значение для феноменологической генеалогии естествознания.

Литература

1. Гуссерль Э. *Философия как строгая наука* // Гуссерль Э. *Избранные работы*. М., Территория будущего, 2005. С. 185-240.
2. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология* / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб.: Фонд университет, «Владимир Даль», 2004.

Проблема обоснования знания в феноменологии с точки зрения современной эпистемологии

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Бердаус С. В.
Новосибирск, Россия

Аннотация. В этих тезисах я рассмотрю проблему реализации феноменологического метода в экзистенциально-феноменологической психологии. Я предложу шкалу для реализации этого метода: от сложного применения (то есть, как часть проекта *Wissenschaftslehre*) до выборочного. Подчеркну, что в целом экзистенциально-феноменологическая психология занимает промежуточное положение между философией и психологией, что ставит под сомнение положение ее предметно-методологических основ и компетенций.

Ключевые слова. *Феноменологический метод, психология, знание, фундаментализм, Гуссерль.*

В целом проблема обоснования знания составляла большую значимость для Гуссерля, поскольку феноменологический проект формировался как строгая наука, в связи с чем критерию обоснованности отводилось особое место. В высуглении проблема обоснования знания представлена в рамках терминологического и концептуального аппарата современной эпистемологии,

а именно фундаменталистских и когерентистских подходов к обоснованию. В феноменологии можно проследить элементы двух видов фундаментализма: эйдетического и трансцендентального. Однако первый имеет значение в большей степени для дескриптивной феноменологии, а особенность второго является специфический статус, выражающийся в запрете на выведение знания из трансцендентального Его. Эта ситуация «законсервированности» фундамента знания и обоснования породила в исследовательской литературе две тенденции: негативную и позитивную.

Негативная тенденция допускает усмотрение в природе феноменологического знания элементов когерентизма. В качестве наиболее репрезентативного примера проявления негативной тенденции рассмотрена позиция Д. Фоллесдаля, который обосновывает тезис о том, что любые фундаменталистские утверждения основателя феноменологии являются таковыми лишь на поверхности. В действительности Гуссерль занимает прямо противоположную позицию, и эта позиция обнаруживает схожесть с методом «рефлексивного равновесия» (*reflective equilibrium*), предложенного Джоном Ролзом в его работе «Теория справедливости». Согласно рассуждениям Д.Фоллесдаля, если феноменология действительно отвечает требованиям метода рефлексивного равновесия, то она должна обладать рядом соответствующих характеристик: согласованностью (*coherence*), тотальной поправимостью (*total corrigibility*) и расширением принципов обоснования на смежные области (а именно эмпирические науки, математику, логику, этику). Из трех рассмотренных характеристик две (согласованность и расширение принципов обоснования) на основании ряда аргументов можно считать неприменимыми к феноменологии. Относительно такой характеристики, как тотальная поправимость, необходимо отметить, что при определенных условиях она может быть приемлемым и даже необходимым элементом именно фундаментализма.

Действительно, в рамках феноменологии есть определенные невыводные основания подлинного знания — это *ratio*, трансцендентальное *ego*. Оно выступает одновременно и источником, и целью феноменологической редукции, оно в «бесконечном прогрессе стремления достичь ясного как день понимания самого себя» допускает различные формы корректировки или в терминах Фоллесдаля тотальной поправимости. Однако тотальная поправимость выступает лишь обязательным условием прояснения, критики поля субъективности, но никоим образом не отменяет аподиктический и неустрашимый трансцендентальный статус *ego*. С концептуальной точки зрения подобный вид фундаментализма может соответствовать тому, что в западной эпистемологии квалифицируют как умеренный фундаментализм (*modest foundationalism*).

Позитивная тенденция заключается в более глубоком анализе конечных целей и задач феноменологии, которые ставил перед ней Гуссерль. Преодоление угрозы скептицизма осуществляется не посредством создания теории или ком-

плекса логических аргументов, а скорее представляет собой практику постоянной трансцендентальной критики сознания, своего рода методологический фундаментализм.

Проект универсальной грамматики с феноменологической точки зрения

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Чиботару В. Л.

Париж, Франция; Вупперталь, Германия

Аннотация. В данных тезисах рассматривается вклад, который феноменология, точнее, феноменология Гуссерля, может внести к исследовательскому проекту универсальной грамматики, специфичной для современной лингвистики в ее хомском наследии. Идея моего доклада заключается в том, что диалог между феноменологией Гуссерля и современной лингвистикой, может привести к взаимодополняемости этих двух дисциплин для исследования универсальной грамматики, поскольку более поздняя феноменология Гуссерля представляет перспективу генетического исследования происхождения значения грамматических категорий, таких как, например, предмет, которые мы не находим в лингвистике Хомского.

Ключевые слова. *Гуссерль, Хомский, феноменология, грамматика, лингвистика.*

В этом исследовании я изучу вклад, который феноменология, точнее, феноменология Гуссерля, может добавить к исследовательскому проекту универсальной грамматики, специфичной для современной лингвистики. Для этого я сначала проанализирую различия, а также общие черты между феноменологией и лингвистикой для этого исследовательского проекта.

Проект универсальной грамматики характеризует направления исследований современной лингвистики, в ее наследии Ноама Хомского. Согласно этому проекту, речь идет о поиске законов грамматики, которые были бы универсальными для любого человеческого языка. Таким образом, как утверждает Хомский в своей работе «Синтаксические структуры», трансформация более простых синтаксических структур в более сложные структуры является универсальным грамматическим свойством.

Мы находим этот проект такого же типа, хотя в схематичном состоянии, в феноменологии Гуссерля, уже в «Логических исследованиях», в которых Гус-

серль представляет поиск чистой универсальной грамматики как первый необходимый шаг к исследованию чистой логики, которая была бы в основе всей науки. Мы обнаруживаем поразительные параллели между этими двумя исследовательскими проектами, общими для этих двух авторов: во-первых, как и Хомский, Гуссерль настаивает, в частности, в четвертом «Логическом исследовании» на универсальности этой грамматики, которая не специфична для определенного языка или группе определенных языков.

Однако, в отличие от Хомского, Гуссерль приписывает этой грамматике априорный характер, поскольку, по его мнению, она характеризует не только человеческий язык, но и любое единство смысла. Поэтому, с точки зрения Гуссерля, грамматика — это не свод законов, регулирующих человеческий язык, а свод законов, который делает возможным любое единство смысла. По этой же причине его исследование не предполагает тот же самый метод: метод Хомского, который является наукой о языке, является эмпирическим, а метод Гуссерля — феноменологическим, мобилизирующим инструменты надлежащего феноменологического анализа, такого как эйдетическая вариация.

Во-вторых, мы обнаруживаем в феноменологии Гуссерля, точнее в четвертом «Логическом исследовании», концепт, аналогичный концепту трансформации, специфичной для лингвистики Хомского, а именно, концепт модификации. Модификация, как и трансформация в лингвистике Хомского, является фундаментальным грамматическим законом, согласно которому единство смысла, принадлежащий определенной грамматической категории, такой как глагол, может быть номинирован и, таким образом, модифицирован в другую грамматическую категорию, а именно, существительное.

Таким образом, мы видим, что возможен диалог между феноменологией Гуссерля по грамматике и современной лингвистикой в ее хомском наследии. Идея моего доклада заключается в том, что этот диалог может привести к взаимодополняемости этих двух дисциплин для исследования универсальной грамматики, потому что более поздняя феноменология Гуссерля, как она проявляется, например, в его работе «Опыт и суждение», представляет перспективу генетического исследования о происхождении значения грамматических категорий, таких как, например, предмет, которые мы не находим в лингвистике Хомского.

PHÄNOMENOLOGIE UND GRAMMATIK

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Kolka C.

Frankfurt am Main, Germany

Abstract. The German grammar shows an interaction between subjective meaning and objective fact in its time and syntax aspects. Due to its embracing, non-linear syntax and its ‚non-temporarily‘ defined time system the German language is focused on perspectivity.“

Keywords: *German grammar; perspectivity; intersubjectivity.*

Im Fremdsprachenunterricht (Deutsch) wird in der Grammatikvermittlung immer noch nach der *lateinischen Grammatik* („*das Lateinische, das ein gutes Jahrtausend lang im abendländischen Denken eine dominierende Rolle spielte*“) gearbeitet.

Unter den Grammatikentwürfen ab den 1950er-Jahren wurden in Hinsicht auf das Tempussystem neue Interpretationshorizonte erschlossen, die mit der husserlschen Phänomenologie erstaunliche Parallelen aufweisen.

Mit der Frage nach der Grammatik als Kategorien- und Regelwerk für die Ausbildung von korrekten und sinnvollen Sätzen eröffnen wir eine „Tiefendimension“ der Sprache, die unauffällig im Sprachgefühl da ist. Meine Annäherung an die „deutsche Grammatik“ setzt voraus, dass ihr Formeninventar nicht beliebig sein kann. Meine These ist, dass sie eine Entsprechung in der Weltstruktur hat, die Husserl in der Sommersemestervorlesung 1927 als Prägestruktur beschreibt.

Ich beschränke mich in meiner Fragestellung auf die Grammatik des Deutschen und hier auf ausgewählten Aspekte, wie dem Tempussystem und der Syntax. Ich orientiere mich dabei ausschließlich an Grammatikern, die eine Interaktion der Subjekt- und Objektsphäre annehmen und die die Sprache daher nicht von ihrer Gegenstandsfixierung (objektive Gegenstandserkenntnis) her interpretieren, sondern von der Seite der Wahrnehmung her. Das Resultat ist dann die Entdeckung, dass sich die tradierten sechs Tempora des Deutschen (mit der Ausnahme des Präteritum) „zeitlich nicht definieren lassen“, sie haben nichts mehr mit der „zeitlichen Positionierung von Objekten und Ereignissen zu tun“

Es findet eine Annäherung ans Russische (Aspekte) statt, wie ich meine, wenn im Zusammenhang mit „Zeiten“ (im Deutschen) und in Opposition zu tradierten Latein-Grammatik, nachgewiesen wird, dass wir über das „Tempussystem“ im Deutschen Ereignisse als abgeschlossen („erfüllt“) oder vergangen beschreiben.

In ganz ausgezeichneter Weise aber wiederholt die Syntax des Deutschen die Weltstruktur, die Husserl u. a. dem Klassifikationssystem der Universalklassen aller Weltwissenschaften (Hua XXXII) abschaut hat.

Thesen

Es gibt in einigen Grammatikbüchern des Deutschen Bezug auf die husserlsche und heideggerische Phänomenologie (wenn auch selten)

Die Valenzgrammatik versucht eine Neuinterpretation des „Tempussystems“ des Deutschen in Richtung auf das Modale. Futur I ist nur noch am Rande zeitlich aufzufassen. Seine Hauptfunktion ist das Eröffnen des Erwartungshorizonts, der in der Gegenwart beginnt.

Husserl leitet die physikalische Induktion aus der intentionalen Wahrnehmungsanalyse ab. In der transzendenten Einstellung zeigt sich die Induktion in einer doppelten Bewegung als vor- und als rückspringende. In ihr manifestiert sich die chiasmische Weltstruktur, während die positive Wissenschaft nur die vorspringende Induktion kennt und eine nicht rückgebundenen Fortschrittsgedanke ausbildet, der darauf abzielt, alles Seiende in seinem Sein und Sosein mathematisch erschöpfend zu bestimmen. Die Syntax des Deutschen folgt der chiasmischen Grundstruktur.

Раздел 6

Феноменология и мир

Природа как *Physis*, жизнь как *Lebenswelt* (Клаус Хельд о феноменологической проблематике)

УДК 1/14 (091), 165.62; ББК 87.2 + 87.1

Крюков А. Н.
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В своем докладе я критически рассмотрю основные положения книги Клауса Хельда «*Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*». Метод исследования двойственен: с одной стороны историко-философский, с другой — систематический. Интересно предпринять анализ феноменологических интерпретаций самого Хельда о досократиках, Аристотеле, Канте. Основные анализируемые понятия: явление, жизненный мир, природа. При этом особый интерес вызывает анализ обоснованности феноменологического метода рассмотрения как античной мысли, так и Канта у Клауса Хельда.¹

Ключевые слова: феноменология, жизненный мир, *Lebenswelt*, природа, Клаус Хельд, Кант.

Доклад будет выстроен в форме критической рецензии книги Клауса Хельда «*Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*» Peter Lang, 2012. Метод исследования двоякий: с одной стороны предполагается историко-философское исследование самого текста Хельда в его связи с феноменологической традицией, с другой же стороны вулпертальский феноменолог в своей интерпретации классических текстов досократиков, Гераклита, Аристотеля, Канта предлагает несколько содержательных тезисов, которые я и собираюсь проинтерпретировать. Поэтому доклад является как презентацией содержания книги, так и систематической дискуссией по поводу феноменологической проблематики. Анализируемыми темами выступают понятия «жизненного мира» и «природа» в феноменологии и в историко-философском контексте.

* Исследование выполнено в рамках проекта на тему «Феноменологическое понятие мира», поддержанного грантом РФФИ № 18-011-00912А.

Исходный пункт рассуждений немецкого автора состоит в том, что природа как *фюзис* в античном смысле этого слова дана нам как явление. В этом случае мы имеем дело с фундаментальным феноменологическим понятием «явление», который рассматривается в специфичной оптике античной философии и характеризуется как «*Von-selbst-Eintreten-ins-Erscheinen*». Справедлива ли такая трактовка Античности, особенно в свете кантианского термина «явление», это я попытаюсь рассмотреть в своем докладе.

В то же время кантианская трактовка природы отличается коренным образом от античной (Анаксимандр, Гераклит, Аристотель). Природа Нового времени рассматривается Кантом как результат априорного категориального синтеза. Кант выделяет основные принципы понимания природы, такие как измеримость объектов опыта в пространстве и времени, т.е. указывает на те моменты, которые конститутивны для новоевропейского понимания возможности естествознания. Одним из важных поворотных моментов заключается в том, что явление у Канта в отличие от Античности понимается в контексте принципов априорности (пространство и время), а также чувственности.

В докладе будет сделана попытка ответить на следующие вопросы и проанализировать следующие положения:

- В чем заключается специфика понятия «жизненный мир» у Гуссерля, и в чем своеобразие трактовки этого понятия в работах Клауса Хельда?
- Предполагается проанализировать тезиса Хельда о природе как совокупности явлений в античной картине мира;
- Определить своеобразие кантианской трактовки природы в естественно-научной парадигме Канта;
- Провести различие между смыслами понятия «явления» в Античности, в кантианской и феноменологической традициях;
- Проанализировать легитимность применения феноменологического подхода как для анализа античной картины мира, так и кантианского трансцендентализма.

Литература:

1. Held, K. *Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt*. Peter Lang, F.-a.-M., 2012
2. Husserl E. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie* 1. Halbband: Text der 1.—3. Auflage — Nachdruck. (Hua III/1). Hsg. K. Schuhmann. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, 1977.
3. Husserl, E. *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie*, ed. W. Biemel, Bd. IV, 1954.

4. Kant I. Kritik der reinen Vernunft / Hrsg. von G. Mohr, M. Willaschek. Berlin: Akademie Verlag, 1998.
5. Kern I. Husserl und Kant. Den Haag, Martinus Nijhoff, 1964.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. СПб.: Наука, 2008.
7. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / Пер. с нем. Вл. Соловьева. М.: Прогресс, 1993.

Факт как объективная реальность и понятие фактичности в трансцендентальной феноменологии

УДК 11, ББК 87.1

Терентьева Т. А.
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Доклад посвящен анализу двух понятий «фактичности» и «факта» и выявлению различий между ними. Основой для анализа служат текст Гуссерля «Идеи I» и статья Рудольфа Боэма «Scheinbare Wirklichkeit». Понятия «действительность» и «объективная реальность», представленные Боэмом в статье, тесно связаны с предыдущей парой понятий и помогают выстроить единую линию рассуждений, которая приводит к прояснению смысла феноменологического проекта.

Ключевые слова. *Фактичность, факт, трансцендентальная фактичность, эмпирический факт, объективная реальность, действительность.*

Тема фактичности и факта рассматривалась, прежде всего, Гуссерлем в «Идеях I», а также современными феноменологами, такими как С. Микали, Рудольф Боэм, Ласло Тенгели и др.

Во многих текстах по феноменологической тематике понятия фактичности и факта зачастую отождествляются. Однако моя позиция состоит в том, что фактичность и факт — не идентичные понятия. Поэтому я ставлю перед собой задачу проанализировать и выявить различия между ними.

Под фактичностью будем понимать всякое индивидуальное, единичное бытие. Поскольку это бытие единично, то оно случайно. Обычно такое бытие определялось как факт. Однако факт, на мой взгляд, представляет собой сложное образование и не может быть случайным. Поэтому первым отличием между фактичностью и фактом будет наличие или отсутствие случайного бытия.

Если, к примеру, мы рассматриваем материальную фактичность, то мы видим, что она является бытием реально существующего в конкретной пространственно-временной точке. И это является абсолютно случайным. Но фактичности между собой каким-либо образом упорядочиваются. И эта упорядоченность уже не является случайной, но отражает некую необходимую закономерность, которая отсылает нас к сущностному взгляду на фактическое. И мы, не останавливаясь на фактическом, немедленно переходим к сущностному видению.

Здесь мы обнаруживаем некоторую корреляцию между фактическим и сущностным, причем корреляцию аподиктического (или необходимого) характера. Данная корреляция осуществляется в конкретизации или индивидуализации эйдетического закона. Всякая индивидуализация эйдетического, воплощается в конкретном единичном бытии и становится для нас фактом. Поэтому факт в отличие от фактичности есть результат осуществления эйдетической необходимости в конкретном. И так мы определяем эмпирический факт. Отсюда все науки о фактах мы определяем как науки, направленные на выявление необходимой связи между эйдетическим и конкретным, а также направленные на преобразование случайного фактического в устойчивый факт.

Отсюда под эмпирическим фактом мы обычно понимаем объективную реальность, как совокупность свойств вещи, которые проявляются в целом классе подобных вещей при идентичных обстоятельствах. То есть объективная реальность есть то, что с необходимостью должно соотноситься с научными законами. Но объективная реальность не является действительностью (как утверждал Рудольф Боэм). Он говорил, что закон об объективной реальности может оставаться неизменным, хотя действительность постоянно изменяется. Оказывается, воспринимать мы можем только фактическое, единичное. Но именно это фактическое оказывается непознаваемым и определяется не через само себя, но через объективную реальность. Именно в этом, по мнению Гуссерля, была ошибка современных ученых, так как они дистанцировались от «самих вещей». Поэтому призыв Гуссерля заключался в том, чтобы обратить внимание на фактическое, и познать это фактическое с помощью феноменологического метода, девизом которого является исследование не вещи, но того способа, в котором они нам даны, «предметов в их Как».

Направляя свой взгляд на материальную вещь, мы воспринимаем ее через множество оттенков и нюансирований. И лишь совокупность всех оттенков создает обобщенный образ вещи в качестве регулятивной идеи, которая ведет нас в созерцании. Регулятивная идея, данная нам еще в пустых интенциях, подтверждает тот образ вещи, который мы стремимся постичь. И здесь следующим шагом, требующим нашего внимания, будет понятие регулятивной идеи, и того содержания, которое проявляется в образе вещи. Исследование данного вопроса подводит нас к понятию трансцендентальной фактичности.

Литература:

1. *Гуссерль, Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль ; пер. с нем. А. В. Михайлова. — М. : Академический проект, 2009.
2. *Boehm, R.* Scheinbare Wirklichkeit. Zur Idee einer phänomenologischen Philosophie / R. Boehm // Husserl Studies. — 2016. — 32. — S. 101-130.

Мир как источник возможного

УДК 11, ББК 87.1

Паткуль А. Б.
Санкт-Петербург, Россия
Фролов А. В.
Москва, Россия

Аннотация. Цель нашего доклада — реконструировать пути тематизации возможного у Канта, Гуссерля и Хайдеггера. В нашей работе мы обнаруживаем, что у этих мыслителей прослеживается сильная связь между сферой возможного и актуальным опытом мира. Поэтому мы ставим и обсуждаем следующий вопрос: можно ли понять мир как источник возможностей?

Ключевые слова: *мир, возможное, действительное, Кант, Гуссерль, Хайдеггер.*

Целью нашего доклада будет проследить тематизацию возможного у Канта, Гуссерля и Хайдеггера и выявить вероятную преемственность в их подходах к проблеме возможного. При этом возможное будет рассматриваться в связи с опытом действительного мира, поскольку этот опыт никогда не ограничивается действительным, но включает в себя и отсылки к тем или иным возможностям. Перед нами будет стоять вопрос, насколько мир, с разбираемых позиций трансцендентальной философии, является *источником* возможностей.

Согласно кантовской «Аналитике основоположений», возможно «то, что согласно с формальными условиями опыта» [4, 280]. Действительно, в свою очередь, то, что связано с материальными условиями опыта, т.е. с ощущениями. Но сфера возможного, по Канту, не шире сферы действительного. Возможность

* Исследование выполнено в рамках проекта на тему «Феноменологическое понятие мира», поддержанного грантом РФФИ № 18-011-00912А.

вещей не простирается дальше, чем опыт (а именно, возможный опыт). У Канта возможное, наряду с действительным, принадлежит к охватывающему единству опыта, т.к. оно должно соответствовать его формальным условиям; возможное и действительное различные модальности одного и того же опыта.

В то же время, у Канта сохраняется метафизическое представление о совокупности всего возможного, как «совокупности всех предикатов вещей вообще» (*omnitude realitatis*) [4, 504]. Эта идея полноты реальности относится к порядку вещей в себе; благодаря ей «понятие вещи в себе представляется как полностью определенное» [4, 506]. В связи с этим кажется, что в своем учении о трансцендентальном идеале кантовская мысль все еще укоренена в метафизике.

Гуссерль использует понятие возможного применительно к анализу интенциональной жизни сознания. Речь идет о различии между актуальными и потенциальными переживаниями; согласно этому различию, «*в каждой актуальности имплицитно содержатся ее потенциальности*» [2, 83]; каждое актуальное переживание отсылает, с одной стороны, к горизонту будущего как потенциальности еще не свершившихся переживаний, а с другой к «потенциальности воспоминаний», пробуждение которой ведет к некоторому моменту, актуально пережитому в прошлом [2, 82]. Источник потенциальностей здесь — явным образом сознание, а не мир.

Категория возможного используется Гуссерлем и при анализе опыта восприятия: актуально явленная сторона объекта отсылает к возможному восприятию его неявленного аспекта, стороны, которая *может быть* увидена с другой точки зрения, ведь «действительно данное в опыте <...> влечет за собой горизонт возможного опыта относительно одного и того же предмета» [1, 27].

Но помимо анализа возможностей опыта относительно действительного мира, у Гуссерля имеется и отсылка к лейбницеvскому представлению о возможных мирах, а именно в текстах, где мир рассматривается не как действительный, фактический мир (мир как факт), а в качестве эйдоса (см.: [3, 261 ff]).

В случае Хайдеггера мир определяется как экзистенциал; и в качестве такового он представляет собой пространство, предоставляющее Dasein как бытие-в-мире спектр экзистенциальных возможностей. Хайдеггер пишет: «Мир как целость “есть” не сущее, а то идя от чего присутствие дает себе знать, к какому сущему и как оно может относиться» [5, 111]. Такая функция мира обеспечена трансценденцией как фундаментальной онтологической чертой самого Dasein. Осуществление трансцендирования имеет характер наброска. Набросок набрасывает мир, он не творит те или иные возможности, а формирует само пространство возможного.

Литература:

1. *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Grunduntersuchungen zur Genealogie der Logik. Prag: Academia Verlagsbuchhandlung, 1939. 478 S.

2. *Husserl E.* Gesammelte Werke. Bd 1: Cartesianische Meditationen und Pariser Vorträge. 2. Aufl. Haag: Martinus Nijhoff, 1973. 249 S.
3. *Husserl E.* Gesammelte Werke. Bd 41: Zur Lehre vom Wesen und zur Methode der eidetischen Variation. Texte aus dem Nachlass (1891 — 1935). Springer: 2012. 499 S.
4. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
5. *Хайдеггер М.* О существе основания // Философия в поисках онтологии. Сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 5. Самара, 1998. С. 78—130.

Трансформация понятия мира у раннего Хайдеггера*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Артеменко Н. А.
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В докладе мы обратимся к исследованию трансформации понятия мира у М. Хайдеггера, делая акцент на ранних курсах Хайдеггера и отчасти на его проекте фундаментальной онтологии. Особое внимание при этом мы уделим нескольким темам раннего Хайдеггера до фундаментально-онтологического периода, а именно: 1) понятиям мира в лекциях 1919/20 гг. — «Основные проблемы феноменологии»; 2) кроме того, мы рассмотрим несколько ключевых аспектов рукописи М. Хайдеггера «Феноменологические интерпретации Аристотеля», (Natorp-Bericht) 1922 г.; 3) мы обратимся к лекциям 1921/22 гг. «Феноменологические интерпретации Аристотеля. Введение в феноменологическое исследование», поскольку они знаменуют собой начало хайдеггеровского «диалога» с Аристотелем и одновременно попытку более точно сформулировать собственную философскую концепцию.

Ключевые слова. *М. Хайдеггер, Selbstwelt, Mitwelt, Umwelt, Аристотель, герменевтика фактичности.*

В докладе мы обратимся к исследованию трансформации понятия мира у М. Хайдеггера, делая акцент на ранних курсах Хайдеггера и отчасти на его проекте фундаментальной онтологии. Особое внимание при этом планируется уделить нескольким темам раннего Хайдеггера до фундаментально-онтологического периода, а именно: 1) понятиям мира в лекциях 1919/20 гг. [1] — «Основ-

* Исследование выполнено в рамках проекта на тему «Феноменологическое понятие мира», поддержанного грантом РФФИ № 18-011-00912А

ные проблемы феноменологии», а именно, проблеме мирского характера жизни и дифференциации различных миров — *Selbstwelt*, *Mitwelt* и *Umwelt*; 2) кроме того, мы рассмотрим несколько ключевых аспектов рукописи М. Хайдеггера «Феноменологические интерпретации Аристотеля», которую в научной литературе для краткости называют *Natorp-Bericht* (1922 г.) [2]; 3) мы обратимся к лекциям 1921/22 гг. «Феноменологические интерпретации Аристотеля. Введение в феноменологическое исследование» [3], поскольку они знаменуют собой начало хайдеггеровского «диалога» с Аристотелем и одновременно попытку более точно сформулировать собственную философскую концепцию. Следует принять во внимание, что Хайдеггер в период между 1921 и 1924 г. планировал начать работу над книгой, посвященной Аристотелю. Результаты исследования он собирался опубликовать в гуссерлевском ежегоднике, что следует из его переписки с Ясперсом и его учеником Лёвитом. Публикации не последовало. Рабочая гипотеза наша такова: проект «Бытия и времени» — важнейшего философского произведения XX в. — возник из некогда запланированной книги, посвященной Аристотелю, и корнями своими уходит в ранние лекции Хайдеггера. Особенное значение лекций 1921/22 гг. состоит, с одной стороны, в том, что они знаменуют собой начало хайдеггеровского «обращения» к Аристотелю, а с другой стороны, представляют собой первый набросок, в котором предпринимается попытка приведения к некому единству феноменологической тематики «жизни» и экзистенциальной тематики, свойственной раннему Хайдеггеру, единству, включающему в себя как герменевтическую экспликацию фактичности, так и разработку экзистенциальных структур, отчасти имевшую место уже в более ранних лекциях. Лекции зимнего семестра 1921/22 гг. являются новаторскими еще и в том отношении, что они, будучи введением в интерпретацию Аристотеля, «провоцируют» онтологический способ выражения по образцу аристотелевского, что было совершенно чуждо для более ранних лекций Хайдеггера. В этих лекциях термин фактичность (*Faktizität*), который оказывается ключевым для «*Natorp-Bericht*», раскрывается в отдельной структуре смысла, артикулированной согласно следующим смысловым «моментам»: *Gehaltssinn* (содержательный смысл), *Bezugssinn* (смысл отношения), *Vollzugssinn* (смысл исполнения), *Zeitigungssinn* (смысл временения). К слову, *Bezugssinn* (смысл отношения) фактической жизни Хайдеггер в лекциях 1921/22 гг. определяет как заботливость (*das Sorgen*), которая включает в себе три основных «направления»: *Umwelt* («окружный-мир»), *Mitwelt* («совместный-мир»), и *Selbstwelt* («мир-самого-себя»), в которые фактическая жизнь «врастает» и в которых она живет. В соответствии с этими основными «направлениями» заботливости Хайдеггер формулирует три основных категории смысла отношения: 1) *Neigung* — отклонение, которое толкает жизнь в мир; 2) *Abstand* — зазор, который изначально сохраняется между жизнью и мирскими «значимостями» (*Bedeutsamkeiten*), но

который на основании тенденции «устранения зазора», подверженной падению, проецируется при растворении в этих значимостях в совместный-мир, так что он совпадает по форме с мирсовместными «зазорностями» (Abständigkeiten), такими как звание, успех, выгода и т. д.; 3) Abriegelung — загораживание, которое характеризует своеобразный способ, каким фактическая жизнь проявляется по отношению к себе самой специфическую беспечность (Unbekümmertheit), т. к. посредством создания новых значимостей она укрепляет саму себя в этой оплошности и тем самым усиливает ее [3, 89 ff.].

Мы сосредоточимся на трансформации понятия мира начиная с лекций 1919/20 гг. и вплоть до «Бытия и времени» [4], беря в качестве путеводной нити феноменологическую герменевтику фактичности и деструкцию философской традиции раннего Хайдеггера, которая раскрывается в полной мере через герменевтическую интерпретацию Аристотеля.

Литература:

1. Heidegger M. Grundprobleme der Phänomenologie, hrsg. von H.-H. Gander (GA 58), Frankfurt am Main, 1993.
2. Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles (Anzeige der hermeneutischen Situation). Ausarbeitung für die Marburger und die Göttinger Philosophische Fakultät (1922), Anhang zu: Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen ausgewählter Abhandlungen des Aristoteles zur Ontologie und Logik, hrsg. von Günther Neumann (GA 62), Frankfurt am Main, 2005, S. 341—419.
3. Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die phänomenologische Forschung, hrsg. von W. Bröcker und K. Bröcker-Oltmanns. (GA 61), Frankfurt am Main, 1985.
4. Heidegger M. Sein und Zeit, 17. Aufl. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1993.

Проблема соотношения феноменологической и эстетической установки в работах Э. Гуссерля

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Дрожецкая Е. В.
Москва, Россия

Аннотация. Проблема соотношения феноменологической и эстетической установки сознания связана со взглядами Гуссерля на роль воображения (фантазии) в феномено-

логическом методе и его представлением о фикции как о жизненном элементе феноменологии. В докладе исследуется соотношение воображения (фантазии) и модификации нейтральности, связь воображения с эстетической установкой, а также ее сходство и различие с феноменологической установкой сознания.

Ключевые слова. феноменологическая установка, феноменологический метод, эстетическая установка, воображение, фантазия, *Bildobjekt*, *Bildsujet*, модификация нейтральности.

Э. Гуссерль поставил вопрос о соотношении феноменологической и эстетической установки сознания, который по сей день сохраняет свою актуальность. Важную роль в изучении этой проблемы сыграли его размышления о роли воображения (фантазии) в феноменологическом методе. В VI «Логическом исследовании» Гуссерль пишет о стирании различия между восприятием и воображением как способами схватывания предметности в категориальном созерцании универсальных сущностей. Данную мысль он повторяет и в §4 «Идей I», а в § 70 прямо говорит о том, что в феноменологии как эйдетической науке свободное фантазирование в качестве составляющей метода имеет приоритет даже перед восприятием, фикция есть жизненный элемент феноменологии и источник познания «вечных истин».

Несмотря на то, что в «Логических исследованиях» эпохе (феноменологическая редукция) как сущностная составляющая феноменологического метода еще не было зафиксировано терминологически, тем не менее Гуссерль в V «Логическом исследовании» рассматривает важную его черту — «заключение в скобки» бытийных полаганий. Данная черта свойственна модификации нейтральности — варьированию акта сознания по качеству. Гуссерль настаивает на том, что каждому полагающему акту соответствует неполагающий акт той же самой материи, однако модификацию нейтральности, по его мнению, часто смешивают с иными модификациями актов сознания. Поэтому в §§39, 40 V «Логического исследования» Гуссерль проводит различие между модификацией нейтральности, с одной стороны, а с другой стороны — модификацией представляющей объективации и модификацией, ведущей к воображению (репрезентации). Образное схватывание, как он считает, не тождественно схватыванию в неполагающей установке. В §§109—114 «Идей I» Гуссерль вновь различает модификацию нейтральности, но теперь уже с фантазией. Фантазия, по его мнению, является модификацией нейтральности в отношении полагающей реактуализации.

В качестве примера модификации нейтральности Гуссерль приводит модификацию восприятия в нормальную перцептивную образность. В восприятии мы полагаем бытие чернильных пятен и бумаги, тогда как в воображении

схватываем эти же пятна как образ чего-то иного (Bildobjekt). Несмотря на то, что вопрос о бытии Bildobjekt «заключается в скобки», образное сознание как таковое не требует эстетической установки. В «Логических исследованиях» и в «Идеях I» Гуссерль связывает ее с приостановкой полагания в отношении воображаемого объекта — Bildsujet. В письме к Гофмансталу (1907 г.) он также отмечает равно свойственное феноменологической и эстетической установке подвешивание вопроса о бытии предмета. Однако в тексте 15 HUA XXIII (1912 г.) Гуссерль уточняет, что приостановки бытийного полагания для возникновения эстетической установки недостаточно, поскольку сознание может сохранять свою предметно-объективную направленность в модифицированном виде. Уже в тексте 1 HUA XXIII Гуссерль применительно к образному сознанию связал эстетическую установку с переключением внимания с Bildsujet на Bildobjekt. В тексте 15 он развивает эту мысль, связывая эстетическую и феноменологическую установку с различием между предметом и модусом его явленности, в то время как естественная установка к модусу явленности нечувствительна. Однако, в отличие от феноменологической установки, эстетическое сознание есть своего рода оценивающее чувство (эстетического удовольствия либо неудовольствия), и модус явления выступает носителем эстетических характеров чувств. Оживление эстетического чувства достигается путем перехода от жизни в явленности к явлению и обратно. При этом эстетически значимыми могут быть и содержание предмета, и чувства, испытываемые в естественной установке, равно как и сама эта установка. Важно, что мы не живем в бытийном полагании предмета, оно не фундирует эстетическое сознание.

Алетейя и абсолют: сопоставление критики трансцендентализма у позднего хайдеггера и в немецком идеализме

УДК 111.1 + 111.3; ББК 87.1 + 87.3

Свердликов А. М.
Вупперталь, Германия

Аннотация. В докладе будет предпринята попытка сопоставить основные линии критики трансцендентализма в философии Хайдеггера и в философии Гегеля и Шеллинга 1801—1804 годов. Будет показано, что Хайдеггеровский переход от проекта фундаментальной онтологии к мышлению бытия как Алетейя во многом аналогичен переходу от трансцендентального идеализма Фихте и Канта к объективному идеализму Шеллинга и Гегеля. В частности, будет показано, что роль, которую играет понятие Абсолюта в немецком идеализме, соответствует роли Алетейя у позднего Хайдеггера. Основной тезис

доклада будет состоять в том, что философия Хайдеггера может быть прочитана как «феноменологический монизм», что позволяет сблизить ее, с рядом оговорок, с идеалистическим монизмом Шеллинга и Гегеля.

Ключевые слова: *Хайдеггер; Шеллинг; Гегель; трансцендентальная философия; объективный идеализм; монизм; субстанция; Абсолют; Алетейя; субъективный идеализм; феноменология; мир.*

В моем докладе я проведу параллель между двумя проектами критики трансцендентализма: в немецком идеализме 1801—1804 годов и в философии Хайдеггера 1930—1940 годов. Идеалистическая критика трансцендентальной философии Канта основывается на монистической интерпретацией синтетического единства апперцепции и трансцендентальной силы воображения: а именно, в рамках объективного идеализма эти понятия Канта оказываются выражением абсолютного тождества, которое должно рассматриваться как единственная реальность и как единственный предмет философии (что не соответствует кантовскому пониманию единства апперцепции и трансцендентальной силы воображения). Основанием критики кантовского трансцендентализма является, таким образом, переход на «точку зрения Абсолюта».

Можно показать, что хайдеггеровский переход от фундаментальной онтологии к проблематике Алетейя устроен схожим образом: Хайдеггер полагает, что единственной реальностью является бытие в смысле Алетейя, которое должно рассматриваться не с точки зрения единичного *Dasein*, но с точки зрения самого бытия. Хотя Хайдеггер при этом подчеркивает онтологическое своеобразие бытия в смысле Алетейя, которое не должно мыслиться как присутствующее, тем не менее можно утверждать, что функция Алетейя в философии Хайдеггера формально во многом аналогична функции идеалистического понятия Абсолюта. В связи с этим, хайдеггеровскую философию Алетейя можно рассматривать не как онтологический монизм субстанции, но как «феноменологический» монизм Алетейя.

Литература:

1. *Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Пер. Б. Г. Столпнера, отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1974. 452 с.
2. *Гегель, Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 2. Философия природы / Отв. ред. Е. П. Ситковский. М.: Мысль, 1975. 696 с.
3. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Изложение моей системы философии / Пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2014. 266 с.
4. *Brandner, R.* Natur und Subjektivität. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2002. 98 S.

5. *Fink, E.* Hegel. Phänomenologische Interpretationen der „Phänomenologie des Geistes“. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2012. 362 S.
6. *Fink, E.* Welt und Endlichkeit. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 1990. 216 S.
7. *Heidegger, M.* Besinnung (1938/39). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1997. 438 S.
8. *Heidegger, M.* Das Ereignis (1941/42). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2009. 348 S.
9. *Heidegger, M.* Wegmarken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1976. 491 S.
10. *Neuser, W., Höhle, V.* Logik, Mathematik und Naturphilosophie im objektiven Idealismus. Festschrift für Dieter Wandschneider. Würzburg: Königshausen u. Neumann, 2004. 324 S.

Schelling and Husserl on the concept of passive synthesis

УДК 11, ББК 87.1

Ni Yicai

Beijing, China; Tübingen, Germany

Abstract. Both Schelling and Husserl reveal that any attempt to ground objective cognition in subjectivity would encounter the constitution problem of original experience. They also endorse similar solutions to this very problem. The constitution of original experience is depicted as passive synthesis, i.e., it is the preconscious activity of the original ‘I’ (*Ur-Ich*). However, unlike Schelling’s interpretation of passive synthesis, understood as a theory of quasi-consciousness willing (*Wollen*), Husserl relocates passive synthesis in the transition from instinct to habituality. The constitution of original experience, as well as the activity of the original ‘I’, uncovers the dynamic structure of Being. Owing to this, transcendental philosophy must become a transcendental ontology.

Keywords. *Schelling, Husserl, Passive Synthesis, Original Experience, Willing, Habituality, Transcendental Ontology*

Both Schelling and Husserl reveal that any attempt to ground the objective cognition in the subjectivity would be traced back to the constitution problem of the original experience; They also share similar resolutions to this very problem: The constitution of the original experience is depicted as the passive synthesis, i.e., it is rightly the pre-conscious activity of the original I (*Ur-Ich*). However, different from Schelling’s interpretation of the passive synthesis as a theory of

quasi-consciousness willing (*Wollen*), Husserl relocates the passive synthesis as the transition from instinct to habituality. The constitution of the original experience as well as the activity of the original I uncovers the dynamic structure of Being, in that sense, the transcendental philosophy must become a transcendental ontology. This essay focuses on the possible answer to this problem offered by Schelling and Husserl according to their respective projects of transcendental philosophy. In chapter I, Schelling's theory of "original sensation" (*ursprüngliche Empfindung*) and "productive intuition" (*produktive Anschauung*) in *System of Transcendental Idealism* (1800) is explained. It is to be shown that any inquiry into the foundation of transcendental subjectivity would be retrospect to the elements of "original subjectivity" already implied through the sensation acts, namely, the constitution of original experience, which is necessarily a passive synthesis. In chapter II, Schelling's theory of "willing" shall be examined. It is to be pointed out that Schelling interprets the concept of willing as a quasi-intentional act building the original experience, but consequently there emerges structural tension between this very intentional act and the passive synthesis. Chapter III deals with Husserl's verified but progressive understandings of passive synthesis based upon theoretical resources coming from his later genetic phenomenology. The passive synthesis as the constitution of the original consciousness experience could only be located in pre-consciousness, functioning as the transition from instinct to habituality. As a final step, the projects given by both authors will be integrated into a general answer to the problem of the structure of original consciousness experience. The central theses are, any theoretical attempt to ground the transcendental subjectivity requires clarifying the foundation of the objectivity itself first: neither as intentional objects, nor as existing actuality, only as "that it is" (*das, was ist*). The latter is necessarily conceivable through illustrating the dynamic structure of the Being itself. Therefore, transcendental philosophy must become transcendental ontology, a common ground where Classical German Philosophy and phenomenology, both as transcendental philosophy, jointly stand.

Раздел 7

Трансцендентальный метод и его развитие в неокантианстве

Философия религии Когена и Наторпа: споры и разногласия

УДК 11, ББК 87.1

Белов В.Н.
Москва, Россия

Аннотация. В статье производится сравнительный анализ подхода к феномену религии двух основных представителей марбургской школы неокантианства. Обосновывается, что именно определение религии, ее места в культурной жизни человека и человечества стало камнем преткновения и вызвало самые горячие споры и разногласия между Когеном и Наторпом.

Ключевые слова: философия религии, религия разума, религиозное чувство, Коген, Наторп.

Непосредственно к проблемам религии Коген обращается сравнительно поздно. Но и здесь он не изменяет своим первоначальным исходным подходам и оценкам религии, как прежде всего рационально-нравственного феномена, а, напротив, еще больше их обосновывает и утверждает. Центральной тема взаимосвязи религии и систематической философии становится в работе «Понятие религии в системе философии» (1915).

Позже к своей систематике философии глава марбургского неокантианства подключает и занятия с источниками еврейства.

Что же касается другого представителя марбургского неокантианства П. Наторпа, то начиная с относительно ранней работы «Религия в границах гуманности» (1894), он однозначно определяет отношение религии и культуры как конфликт. Именно гуманность в лице человечества представляется ему единственно возможной легитимацией религии.

По мнению Наторпа, религия имеет субъективные корни. Наряду с относящимися к объекту направлениями — познание, воление, фантазия, челове-

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-011-00080а «И.Кант и философия религии в Германии»

ческое сознание обладает и исключительно относящейся к субъекту стороной: чувством, которое является всей внутренностью душевной жизни, собственным самосуществованием души. Именно в субъективном праязemente чувства размещает Наторп религию. И уже в более поздней своей работе «Философия. Ее проблема и ее проблемы» (1911) он указывает на то, что религия укоренена в переживании пограничных ситуаций, в которых мышление касается своих собственных границ, стремление — своей бесконечности, а искусство становится символом божественного. Субъективность переживания здесь является основанием истины.

Таким образом, если Коген в своей философии религии подчеркивает объективный ценностный аспект религии, его ближайший друг и последователь Наторп акцентирует внимание на ее субъективном основании. Такое различие в подходах и оценках религии двух виднейших представителей марбургской школы неокантианства совсем неслучайно: во многом оно обусловлено различием двух религиозных традиций — иудаизм и протестантство — на которые (Коген на иудаизм более эксплицитно, Наторп на протестантство имплицитно) опирались эти мыслители. Ставя в центр своих размышлений о религии индивида как субъекта религиозного переживания, Наторп бросает упрек Когену в том, что тот в своей этике как раз мало внимания уделяет этому самому индивиду. Кроме того, существенно различие обоих марбургцев в понимании ими трансцендентности Бога. Для Когена эта трансцендентность является содержательным конститутивным моментом монотеистического понятия Бога. Бог должен постигаться как что-то абсолютно трансцендентное человеку. Человек не может вступить с Богом в непосредственную связь, но лишь формирует отношение с другим человеком согласно идеалу, который для него и обозначает Бога. В противоположность этому трансцендентность Бога у Наторпа переживается человеком чувственно. Идеи о трансцендентности возникают потому, что объективные представления сознания недостаточны для презентации этого чувства. Трансцендентность, следовательно, должна отразить перенесение фундаментальных свойств чувства на божественную предметность. Таким образом, усилия Наторпа в его философии религии были направлены прежде всего на раскрытие субъективных корней религии и определение границ ее культурно-исторической продуктивности.

Коген, Хайдеггер и научная революция Нового Времени

УДК 11, ББК 87.1

Дворкин И. С.
Иерусалим, Израиль

Аннотация. В нашем докладе мы постараемся подробно рассмотреть рецепцию научной революции Нового Времени у Германа Когена. Ключевая проблема — затруднение мышления в связи с несовместимостью физики Галилея с метафизикой Аристотеля. Попытка разрешения этой проблемы, заключенная в «коперниканском перевороте» в философии Канта оказалась недостаточной. Герман Коген принимает этот вызов.

Ключевые слова: *научная революция Нового Времени, коперниканский переворот, метафизика, логика истока, темпоральность, Machenschaft, философия диалога.*

Хайдеггер, отвечая на вопрос о сущности неокантианства, заявил: «На Канта стали смотреть как на теоретика физико-математической эпистемологии» (Из диспута о философии в Давосе). Всякий, кто мало-мальски знаком с философией Германа Когена понимает, насколько односторонен и несправедлив упрек такого рода в его адрес. Тем не менее, этот упрек «некоронованного короля философов» на несколько десятилетий закрепился в сознании читающей публики. Теперь, после выхода в свет «Черных тетрадей» стало окончательно ясно, что эти слова больше говорят о Хайдеггере с его нелюбовью к механике, естествознанию, машинерии (Machenschaft), чем о неокантианстве. Но, все-таки, что значит проблема математического естествознания для философии Когена? Даже если она не носила центральной роли, она была для него важна! И еще, почему Хайдеггер противопоставил естествознанию «проблему метафизики как онтологии»?

В нашем докладе мы постараемся подробно рассмотреть рецепцию научной революции Нового Времени у Германа Когена. Ключевая проблема — затруднение мышления в связи с несовместимостью физики Галилея с метафизикой Аристотеля. Попытка разрешения этой проблемы, заключенная в «коперниканском перевороте» в философии Канта оказалась недостаточной. Герман Коген принимает этот вызов. Его новая теория субъективности, новая логика, новое понимание времени и темпоральности бытия составляют элементы его философской системы. На этой основе строится когеновская теория межличностных отношений, теория отношения общества и государства, концепция творчества и эстетической любви, философия религии. От этого же затруднения в мышлении, однако, похоже, в противоположном направлении двигается философия

Хайдеггера, он пытается реанимировать метафизику на основе новой теории субъективности. Важнейший вопрос, который остается на сегодняшнем этапе этого спора — каково будущее фундаментальной философии и ее отношения к физико-математическому естествознанию.

Кантианство и неокантианство в социологии права Германии и России конца XIX — начала XX в.

УДК 11, ББК 87.1

Жуков В. Н.
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности неокантианской социологии права в Германии и России. Методология неокантианства привнесла ценностную составляющую в социологию права, что привело ее к истинной строгой науке.

Ключевые слова. *Социология права, кантианство, неокантианство.*

Существование неокантианской социологии — общепризнанный факт истории науки. Вместе с тем дистанция между гносеологией Канта, философией науки марбургцев и баденцев, с одной стороны, и социологией, с другой, представляется значительно более длинной, чем между, например, позитивизмом и социологией. Кантовский дуализм явлений и «вещей в себе», хотя и соотносил знание с миром логики, а не с действительностью, все-таки ориентировал на познание объективных свойств предмета. Естественнаучный дух кантовского дуализма в целом не противоречил «первому позитивизму», Канта и Конта сближали агностицизм и стремление систематизировать научное знание. Пафос создания подлинной науки был присущ и основателям Марбургской и Баденской школ. Отправная точка их рассуждений — кантианское положение о субъективной природе человеческого знания: познание имеет дело не с объективными свойствами «вещей в себе», а с априорными формами разума. По Канту, сущность «вещей в себе» никогда не может быть познана, поскольку человеческий разум, ограниченный врожденными и неизменными формами восприятия действительности, познает в конечном счете самого себя. Неокантианцы предложили устранить противопоставление познающего субъекта и «вещи в себе» при помощи сведения второго к первому. В этом случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась

к логике, объективные закономерности бытия отрицались и заменялись априорными законами разума. Познающий субъект, изучая предмет, фактически творил его в собственном сознании, реальность представляла в качестве совокупности понятий о ней. В конечном счете и марбуржцы, и баденцы видели в культуре самополагание развивающегося разума, существующего в соответствии с законом долженствования. Человеческая история, общество, государство, право, согласно неокантианцам, есть не объективные «вещи в себе», а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Соответственно предмет социологии переводился из сферы эмпирики в сферу сознания.

Согласно классификации Г. Риккерта социология была отнесена к естественным (генерализирующим) наукам. Особенность немецких (Ф. Тённис, Г. Зиммель, М. Вебер, А. Вебер, В. Зомбарт, К. Мангейм) и русских (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов, П.Б. Струве, В.А. Савальский, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий, Г.Д. Гурвич, С.И. Гессен, П.А. Сорокин) социологов-неокантианцев состояла в том, что они изначально воспринимали социологию как «науку о духе», использующей, с их точки зрения, оба метода — генерализирующий и индивидуализирующий. Данный факт прямо указывал на то, что социология (социология права) при всей ее претензии быть строгой наукой, имея дело с социальной реальностью, приобретала все недостатки гуманитарного знания (размытость критериев истины, относительность и условность выводов, наличие идеологического и ценностного компонентов). Еще одна отличительная черта данных социологов состояла в том, что неокантианство им требовалось для обоснования идейного каркаса своих теорий, для придания своим взглядам большей концептуальности. Когда же они обращались к конкретным социальным вопросам (например, капиталистическое хозяйство у М. Вебера или В. Зомбарта), то превращались в типичных позитивистов, которых интересовал эмпирический материал, а не смысловые логические схемы. В этом случае дистанция между неокантианством и социологией значительно удлинялась.

Литература:

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
2. Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX — первая треть XX в.). 2-е изд., доп. М., 2017.
3. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. статей (1902). М., 2002.
4. Сорокин П.А. Историческая необходимость // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
5. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX — начале XX века. М., 2013.

Феномен правового сознания в теории Б.А. Кистяковского

УДК 11, ББК 87.1

Фролова Е. А.
Москва, Россия

Аннотация. В статье показано, что Б.А. Кистяковский, как сторонник неокантианской философии, приписывал закон культурным ценностям. В отличие от научной истины и морали, которые являются абсолютными, право имеет условный характер, его предписания меняются в зависимости от конкретных условий времени и места, в силу чего юридическое явление является формальной ценностью. Таким образом, закон — социальный регулятор — в наибольшей степени влияет на поведение человека и создает стабильность в обществе и государстве.

Ключевые слова. *Философия право, неокантианство, Кистяковский, право, мораль.*

Б.А. Кистяковский развивал неокантианский подход к праву как культурному явлению и подчеркивал, что материальное и духовное развитие общества, а также внешнее могущество государства зависят от того, насколько право действительно будет господствовать в жизни своего народа [3, с. 385]. Право нельзя сопоставлять с научной истиной, нравственным совершенством, религиозной святыней, имеющими абсолютный характер. Содержание права относительно: оно определяется изменчивыми социальными условиями. Однако из всех формальных ценностей (логика, методология) право в большей степени воздействует на поведение человека — являясь социальным регулятором, оно создает внешние условия для проявления внутренней свободы человека. Ценность права заключается во всестороннем дисциплинирующем значении, благодаря которому и «справедливость превращается из душевного настроения в жизненное дело» [2, с. 360].

Правовое сознание русской интеллигенции характеризуется, с одной стороны, стремлением построить сложный социальный механизм исключительно на этических нормах; с другой стороны, пристрастием к формализации, сведении его к текстам и параграфам закона или устава, в норме права видится не правовое убеждение, а только принудительное правило, проявляющееся вовне. Оба понимания, по мысли Кистяковского, ошибочны, отсюда — тенденция к бюрократизму, подробной регламентации всех общественных отношений статьями писанных законов, что является отличительной чертой не правового, а противоположного ему, полицейского, государства. Полемизируя с представителями нормативно-этического понимания права (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой),

русский юрист доказывал, что правовые нормы не должны основываться только лишь на этических предписаниях — на них нельзя построить конкретных социальных учреждений, любая общественная организация с необходимостью воплощается в нормах права, регламентирующих ее деятельность. Причину понижения авторитета права во всех его формах в начале XX века в России Кистяковский видел в политизации законодательной деятельности и призывал, подобно другим либералам, энергично бороться с этим явлением.

Право в сознании большинства населения России есть результат столкновения и борьбы политических сил. Однако по своему существу право должно стоять над политическими партиями, его авторитет заключается не в каких-либо внешних влияниях, а в неуклонном соблюдении правовых норм. Совершенствуя социальный порядок с помощью права (формально), возможно добиться улучшения и в материальных отношениях, т.е. соответствия норм права реальным потребностям населения и его правовому сознанию.

Литература:

1. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2018.
2. Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции. Вехи. М., 1909) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб, 1998.
3. Кистяковский Б.А. Путь к господству права (Задачи наших юристов) // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб, 1998.
4. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права / Проблемы идеализма. Сборник статей [1902]. М., 2002.
5. Фролова Е.А. Б.А. Кистяковский как методолог, философ и социолог права // Государство и право, 2019, №3. С.149—158.

Неокантианство и актуальность критического метода Канта в современной философии

УДК 11, ББК 87.1

Тетюев Л. И.
Саратов, Россия

Аннотация. Сегодня мы должны поговорить о новом, возрождающемся интересе как к трансцендентальной философии И. Канта, так и к самому кантианству в его русской и немецкой версиях. В современной философии прагматические концепции этики разви-

вались в разные годы К.-О. Апель, В. Кульман и Я. Хабермас. Необходимость апеллировать к кантовской философии в настоящее время может быть объяснена практическим значением трансцендентального метода философствования и критического суждения.

Ключевые слова. *Русское и немецкое неокантианство, критический метод, восприятие идей Канта в современной философии.*

«Кризис неокантианства» в начале XX века вызвал резко критическое отношение к трансцендентальному методу и априоризму в философии. Выдвижение проблем феноменологии сознания, субъекта и субъективности, конкретности человеческого бытия и понимания самой природы человека послужили серьезными мотивами в развитии онтологической и антропологической проблематики. Однако критика трансцендентальной феноменологии сознания вызвала к жизни не только отказ от основных принципов трансцендентальной философии И. Канта, но и переосмысление собственных теоретических предпосылок и методических основ трансцендентализма.

Ситуативный кризис трансцендентализма во многом был вызван скрытой мотивацией «преодоления» логоцентрического сужения разума, имевшей серьезные философские последствия и получившей наибольшее звучание в работах философов неокантианской ориентации (Э. Кассирер, Н. Гартман, Р. Хенигсвальд). Вопросы обоснования гуманитарных наук, «наук о духе», в особенности, наук историко-герменевтического цикла в философии неокантианства стали тем важнейшим критическим мотивом, определившим последующую трансформацию основ трансцендентальной философии вообще. Ситуативный кризис неокантианства, следовательно, можно определить как *парадигмальную* тенденцию, в идеальной конструкции которой выделяется скептическая составляющая критического мотива. В пространстве современной философии неокантианство уже не является просто историческим феноменом, оно усиливает в нем практическую доминанту кантовой философии.

Сегодня следует говорить о новом возрождающемся интересе, как к трансцендентальной философии И. Канта, так и к самому кантианству в его русской и немецкой версиях. Этот момент можно расценить как *начало* новых возможностей и новых проектов: требуется серьезная проработка критического метода, призванного постичь *эту открытость и многообразие* в единстве существующих перспектив.

В современной философии выделяются главным образом *прагматические концепции этики*, разработанные в разные годы К.-О. Апелем, В. Кульманном и Ю. Хабермасом. Вместе с тем, в отношении этих трех этических концепций развертывается острая критика как со стороны «критического рационализма» (Х. Альберт) и конструктивистов, так и представителей трансцендентальной

направленности в современной философии (Х. Крингс, Г. Шёнрих, К.-Х. Итлинг).

Трансцендентальная концепция К.-О. Апеля является современной попыткой поиска соответствующего компромисса между этими противоборствующими партиями. Этот компромисс достигается посредством трансформации трансцендентальной философии Канта и определения этики дискурса как этики ответственности в условиях перехода к постконвенциональной морали. Несмотря на существенные расхождения, в особенности в вопросе о возможности «окончательного основания», этой же точки зрения придерживается Ю. Хабермас. Его реконструкция практического разума является своего рода попыткой разрешения возникшего конфликта в социальной философии морали, который наметился наиболее остро в последние десятилетия в связи с широким обсуждением проблем обоснования современных принципов обновления демократического общества и поиска путей его дальнейшей модернизации. Критики справедливо считают, что всеобщие нормы аргументации не могут являться универсальными нормами морали, а сама мораль рассматриваться как следствие случайных аргументативных и коммуникативных предпосылок. Но это позиция представителей другой программы этики, для которой центральной является кантовская теория этики долга и моральной воли (А. Веллмер, Ф. Камбартель, Т. Рокмор, Г. Шёнрих).

Необходимость обращения к кантовской философии в настоящее время можно объяснить практической значимостью трансцендентального способа философствования и критического суждения. Фигура Канта могла бы на фоне многовековой незатухающей войны в философии служить удачным образцом примирения и устремленности к идеалу философской мудрости, развитию свободы «общественного употребления разума».

Этика Германа Когена: от нравственного априори к этическому социализму

УДК 11, ББК 87.1

Клементьев Б. С.
Саратов, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи этической концепции Г. Когена. Особое внимание уделяется связи этики марбургского неокантианца с социальной реальностью в рамках так называемого этического социализма.

Ключевые слова. *Этика, неокантианство, этический социализм.*

Для родоначальника марбургской школы неокантианства Германа Когена этика — это вторая (наряду с логикой) основная часть его философской системы. Истину Коген понимает как связь и согласие теоретической и этической проблемы. В то время как «Логика чистого познания» опирается, или как выражается Коген, ориентируется на математику и математическое естествознание, «Этика чистой воли» ориентируется на учение о праве и государстве.

Этика Когена обосновывает понятие и учение так называемого этического социализма. Понятие этики Коген сводит к понятию права. В области права Коген абсолютизирует понятие государства. Марбургский философ всецело растворяет человека в правовом общении, сложившемся в формы государства. «Истинный» в смысле Когена человек может быть только членом общения людей и только в форме юридического лица. Этическая личность сводится у Когена к абстракции юридического лица. В свою очередь высшая форма юридического лица — юридическая абстракция государства. От понятия государства Коген переходит к понятию социализма. Он развивает теорию социализма, которая не есть ни экономическая, ни политическая, ни социологическая, ни педагогическая, но есть учение «чистой этики». Для Когена понятие социализма — это идея о таком общечитии, движение к которому совершается как движение бесконечное, а цель которого, по мере приближения, в свою очередь уходит в бесконечность. Как «методическое» понятие этики, понятие социализма предполагает вечное движение. По мнению Когена, политический прогресс двигался и должен идти в направлении демократического социализма. Законы недемократического государства не могут по-настоящему согласовать волю отдельных лиц и множества отдельных лиц, даже если государство имеет право контролировать их поведение. Коген утверждал, что, поскольку государства вносят поправки в свои законы, чтобы лучше приблизиться к идеальным законам, должны появиться правовые рамки, регулирующие экономическую деятельность демократически образованного множества людей. Другими словами, он думал, что идеальное государство позволит демократическим рабочим коллективам владеть средствами производства. В этом смысле человек сам по себе есть цель, или самоцель, конечная цель. При этом Коген разъясняет, что идея социализма относится к человеку как единичному существу и всякий другой общественный строй рассматривает человеческую личность только как средство культуры, социализм и только он, впервые придает личности ее истинное достоинство.

Коген, таким образом, защищал социализм с кантовскими, а не марксистскими основами. Кантовский социализм Когена оказал значительное влияние на социалистических политических лидеров, таких как Эдуард Бернштейн.

Литература:

1. Белов В.Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 174—199.
2. Белов В.Н. Учение Германа Когена в России: особенности рецепции // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010. С. 299—317.
3. Философия Канта и основания практической философии. Монография / Белов В. Н., Тетюев Л. И., Щедрин К. С., Залевский А. В., Саратов, 2013.
4. Белов В.Н., Рожков В.П. История русской философии. Курс лекций. Саратов, 2003.

Трансформация трансцендентализма в поздней философии П. Наторпа

УДК 11, ББК 87.1

Корнилаев Л. Ю.
Калининград, Россия

Аннотация. В своей презентации я сконцентрируюсь на анализе поздней философии П. Наторпа, постараюсь реконструировать онтологические трансформации в его философии, а также соединить его поздние метафизические идеи с ранними идеями, развитыми в духе марбургского неокантианства.

Ключевые слова. *Наторп, онтология, эпистемология, трансцендентальный метод, метафизика.*

В конце 1910-х — начале 1920-х интеллектуальная ситуация внутри неокантианства начинает изменяться. Возникают философские проекты, пытающиеся преодолеть тотальную «гносеологизацию» неокантианских учений и освобождающие место для онтологии. Такие тенденции к трансформации можно наблюдать как у немецких неокантианцев (П. Наторпа, Э. Ласка), так и у русских (Л.П. Салагов, Н.В. Болдырев).

В своем докладе я бы хотел сконцентрироваться на анализе поздней философии П. Наторпа, попытаться реконструировать онтологические трансформации внутри его философии, а также связать его поздние метафизические идеи с ранними идеями, формировавшимися в духе марбургского неокантианства.

* Исследование поддержано грантом Президента РФ МК-1075.2019.6

Исследователи философии Наторпа указывают на значительный разрыв между его ранней и поздней (после 1914 г.) философией (напр., М. Brach, E. Heintel, W. Marx, J. Stolzenberg, F. J. Wetz, Ch. v. Wolzogen, В.Н. Белов, Н.А. Дмитриева, В.А. Куренной, Л.И. Тетюев). Ранняя философия фактически развивалась в духе марбургского неокантианства, в духе работ Г. Когена. Особенностью интерпретации трансцендентального метода у Наторпа в ранних работах становится установление необходимой связи философии с фактами науки и утверждение необходимости обоснования условий возможности и общезначимости научного факта. Применение трансцендентального метода предполагает сведение всего познания к мышлению, в результате чего становится возможным синтетическое единство человеческого познания.

Поздняя философия Наторпа характеризуется резкой сменой ориентиров — переходом от идеализма логики познания к спекулятивной метафизике, что иногда интерпретируется как полный отказ от основополагающих идей марбургского неокантианства и их преодоление (F.J. Wetz). В поздних работах (курсы лекций «Практическая философия» (1920/1921) и «Философская систематика» (1922/1923) Наторп оставляет критику «метафизических преувеличений», лежащих в сущности трансцендентального метода ранних работ, и переходит к онтологическим проблемам. Мышление, к которому сводилось всё познание в философии марбургского неокантианства, оказывается бессильным в решении основного вопроса философии. Философия от объяснения трансцендентальных оснований достижений науки обращается к поиску оснований единства бытия и смысла. Наторп разворачивает онтологическую картину становления единства бытия и смысла: от «до-определения», через становящееся в определениях мышление к «сверх-определению», движение по спирали «от безначального начала к бесконечному окончанию» (*пер. Н.А. Дмитриева*). Категории в поздней философии Наторпа принимают статус онтологических форм бытия, заложенных божественной первопричиной.

Однако есть основания полагать, что за категорическим разрывом между ранней и поздней философией Наторпа можно проследить линии преемственности. Связь неокантианской и метафизической философии Наторпа можно фиксировать в следующих идеях. 1) Неоплатонистский мотив выведения всего из Единого работает и в ранней, и в поздней философии Наторпа. Всеохватывающее единство бытия и смысла, обосновывающее целостность всего существующего в поздней философии, выстраивается похожим образом с единством мышления, обосновывающим целостность всего познания в ранней философии. 2) Характеристика познания как становления трансформируется в характеристику коренного состояния бытия и смысла как вечного становления и движения. 3) Категориальная структурированность познания переходит в категориальную структурированность бытия. Меняется статус категорий — с теоретико-познавательных принципов, заложенных в чистом мышлении,

на онтологические формы бытия, заложенные божественной первопричиной. 4) Ядром обосновываемых единств (познания и единства бытия и смысла) всегда является творческое начало. Творческая работа разума и культуры в ранней философии переходит в установлении мира «поэзиса» как смыслового содержания единства жизни.

А.И. Введенский о времени в связи с проблемой свободы воли

УДК 11, ББК 87.3(2)

Попова В. С.
Калининград, Россия

Аннотация. Рассматривается исследование проблемы свободы воли у А.И. Введенского. Допущение свободы воли потребовало от Введенского внести изменения в кантовский подход: ввести предположение о существовании времени самого по себе. Введенский показал, что свобода воли является результатом веры, подкрепляемой необходимостью морального долга. Тем самым А.И. Введенский убеждал своих учеников и коллег в эффективности трансцендентальной эпистемологии.

Ключевые слова. *Время, свобода воли, А.И. Введенский, трансцендентальная эпистемология*

Я обращусь к работе А.И. Введенского «Спор о свободе воли перед судом критической философии» (1901). Трансцендентальный подход к рассмотрению проблемы свободы воли с необходимостью основывается на трактовка времени, которая может отличаться от Кантовой. А.И. Введенский известен как приверженец Канта, «заместитель Канта в России», но он вовсе не был только лишь глашатаем. Обсуждение указанной проблемы демонстрирует, что помимо амбиции построения собственного варианта критицизма, русский кантианец обладал собственными содержательными идеями и поправками, диктуемыми его неповторимым стилем мышления.

Сам вопрос о свободе воли, по Введенскому, — это не психологическая, а гносеологическая проблема, которая требует рассмотрения дилеммы «детерминизм-индетерминизм». Отрицание свободы воли проистекает из представления о всеобщности закона причинности. Но причинность, развёртывающаяся во времени, оказывается лишь представлением, поскольку мы не знаем наблюда-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00302А.

емых событий «лицом к лицу». Мы имеем полное право пользоваться только представлениями о всеобщей причинной связи при построении научного знания, имея дело с миром как явлением. И «кажмости» этого мира всегда будут подталкивать познающее Я к мысли о всеобщей причинности, а значит — к отрицанию свободы воли. Но с критической позиции вопрос о свободе воли не может иметь такого однозначно очевидного решения. Гипотетически ответ может быть получен, по мысли Введенского, лишь таким умом, который будет иметь непосредственный доступ к прошлому и будущему (как пишет Введенский, такой созерцающий вещи в себе ум по-кантовски можно назвать интуитивным рассудком или интеллектуальной интуицией [1, 92]). Т.е. свобода воли есть в мире, в котором возможно мышление вне времени. Однако живое человеческое Я с неизбежностью оременено. Значит ли это, что нужно оставить мысль о свободе воли в мире явлений или считать её иллюзией? Критицизм вносит определенность в дискуссию о свободе воли, поскольку обосновывает возможность «с одинаковым правом как допускать, так и отрицать её» и предоставляет вере выработать то или иное предпочтение. Введенский подчеркивает, что его понимание априорных форм чувственности в связи с проблемой свободы воли вносит «необходимые изменения» в доктрину Канта [1, 88]. Кант, мол, считает мир вещей самих по себе свободным от времени, а потому в нем нет причинной зависимости одних событий от других. Потому мышление как вещь сама по себе может обладать свободой воли, утрачивая её в причинно организованном мире явлений. Но проблема, по Введенскому, заключается в том, что отсутствие времени — это такое же непреодолимое препятствие для осуществления свободы воли, как и закон причинности (в таком вневременном мире невозможны отдельные волевые акты). В силу этого Введенский вносит поправку в критицизм Канта: допускает возможность существования времени в мире вещей самих по себе. Обоснование этой необходимости у Введенского практическое: человеческий ум при построении цельного мировоззрения незаметно для самого себя всегда исходит из идеи объективного времени. Судя по всему, личная склонность-вера Введенского тяготеет к допущению свободы воли. Но он не считает это решение общеобязательным. Вера в свободу воли понуждается практическим разумом. Если признается безусловная обязательность нравственного долга, то для этого необходима и свобода воли. Ведь, например, помощь другому в соответствии с велением нравственного долга должна быть свободна от ожидания ответных выгод. Строгое знание, логика вовсе не принуждают нас признавать общеобязательность нравственного долга, однако же некоторые разумные существа следуют его велениям. В осуществлении велений нравственного долга человек обретает подлинную свободу воли, что является лучшим свидетельством в ее пользу. А вот в материалистической психологии, по Введенскому, свобода воли невозможна. Здесь русский философ предвосхитил неутешительные выводы из

экспериментов Б. Либета и дал заведомые основания для критики этих результатов.

Допущение свободы воли потребовало от Введенского предположения о существовании времени самого по себе. Словами современной науки о времени — необратимость признана в этом случае фундаментальной. Поиск возможных ответов на фундаментальные вопросы бытия в русле трансцендентальной эпистемологии, по мысли Е.А. Мамчур, присущ современной науке и не может обойтись без философской рефлексии [2]. Ведь кантианский подход оказывается необходим при изучении ненаблюдаемых сущностей, будь то объекты квантовой механики или ментальные процессы. Примерно в этом убеждал своих учеников и коллег в свое время и А. И. Введенский.

Литература

1. Введенский А.И. Спор о свободе воли перед судом критической философии // Философские очерки. СПб., 1901. С. 69—114.
2. Мамчур Е.А. К вопросу о парадоксе времени // Электронный философский журнал. Vox: <http://vox-journal.org> 2018. Выпуск 24. Июнь. С. 159—171.

Критика антропологии русского неокантианства представителями религиозного направления русской философско-педагогической антропологии

УДК 11, ББК 87.1

Сторчеус Н. В.
Рязань, Россия

Аннотация. Статья посвящена критике трансцендентализма В. В. Зеньковским, историка русской философии, представителя одного из направлений русской консервативной мысли, а именно религиозной ветви философско-педагогической антропологии. В статье проанализированы взгляды С.И. Гессена и В.В. Зеньковского в части, касающейся педагогических концепций религиозного мыслителя и представителя русского баденского неокантианства.

Ключевые слова: *С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, философско-педагогическая антропология, образование, русская философия, религиозная философия, трансцендентализм, неокантианство.*

Принято разделять философско-педагогическую антропологию как один из аспектов русской консервативной мысли, на два направления: религиозное и светское. Представитель первого направления, В.В. Зеньковский, полагает, что на основе трансцендентализма решать антропологические вопросы несколько затруднительно, хотя и смело. С.И. Гессен, как и В.В. Зеньковский был одним из немногих русских мыслителей, не только высказывавших философско-педагогические идеи, но и разработавших в XX в. целостную философско-педагогическую концепцию. В.В. Зеньковский пишет, что «Современная научная и философская мысль с особым усердием занимается «загадкой» человека, — но вся эта огромная литература, в которой можно найти достаточное обилие *частичных истин о человеке*, не может подняться до той высоты в понимании человека, какую мы находим в христианстве, в его основных озарениях» [1, 6] и основная претензия к трансцендентализму заключается в том, что, по мнению В.В. Зеньковского, это направление останавливается на полпути, просто констатируя невыводимость личности человека из его природы. «Неправду и крайность» трансцендентализма мыслитель усматривает также в том, что «гносеологический субъект» решительно отделяется от эмпирической личности... Сама личность здесь становится личностью лишь через приобщение к подлинным, сверхиндивидуальным ценностям, только в них достигает своего цветения» [1, 69] Однако, если проанализировать конечный продукт — философско-педагогические концепции С.И. Гессена и В.В. Зеньковского, мы увидим удивительно много совпадений, представляющих интерес для исследования. В.В. Зеньковский против метафизической законченности, позволяет себе только приблизительно различать своеобразное, неповторимое «Я» и надындивидуальность. Причем, друг без друга эти два плана не существуют, так как личность не может проявить себя без высшего плана, а тот без личности не сможет войти в движение космоса и истории. Что ж, укорененность личности, пишет Гессен, в сверхличном объяснит нам также еще одну замечательную черту личности, именно ее индивидуальный характер: только не думая о своей индивидуальности, а работая над сверхиндивидуальными заданиями, становимся мы индивидуальностями, уверен он. Более того, С.И. Гессен подчеркивает разницу между социальным и духовно-культурным планами бытия человека и, опираясь на Риккерта, говорит о ценности этого живого единства личности, называя его, в свою очередь, единственным, которое ценно неделимым единством общего и особенного Действительное же противоречие в понимании означенной темы кроется совсем в другом: полагая, в целом, сходные принципы и структуру, отношение В.В. Зеньковский и С.И. Гессен демонстрируют разное. «Вопреки всем этим утверждениям школы трансценденталистов мы утверждаем: сфера высших ценностей должна иметь свой субъект ...этим субъектом нужно признать Церковь». То, что С.И. Гессен снимает «преодолением культуры», устремленностью к трансцендентальному, В.В. Зеньковский полагает началом стесняющим и уродующим.

Литература:

1. Василий Зеньковский. Принципы православной антропологии. В издании: Русская религиозная антропология. Т.П.: Антология/ сост. общ. ред. предисл. и прим. Н.К. Гаврюшин. — М.: Московский философский фонд, Московская духовная академия, 1997. — 480 с. — (Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. III). С 431 — 466.
2. Проблема человека в философско-педагогической антропологии В.В. Зеньковского: социально-философский анализ : дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 2006. — 171 с.
3. Гессен. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2004. — С 224 (Антология гуманной педагогики).
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Учебное пособие для вузов / Ответственный редактор и составитель доктор философских наук П. В. Алексеев Издательство «Школа-Пресс», 1995.

Эстетика А.В. Вейдемана

УДК 11, ББК 87.1

Лебедева А. В.
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу категории эстетического в понимании малоизвестного отечественного философа, последователя марбургской школы неокантианства Александра Вейдемана (1879 — 1943). Согласно философу, эстетика является заключительной частью философской системы и связана также с философией религии.

Ключевые слова: *логика, этика, эстетика, русское неокантианство, А. Вейдеман.*

Эстетика в системе А.В. Вейдемана распадается, на три части: первая, философия искусства, она состоит из логики качества и теоретики и включает в себя этику социальных наук. Она представляет собой возможность эстетики.

Второй, по аналогии с математикой в системе логики, является религия. Она представляет собой действительность эстетики. Вейдеман в своих работах «Трагика как сущность искусства, религии и истории» и «Оправдание зла» размышлял о соборности православия, но так и не объединил идею соборности православия и идею всеединства в общем философском контексте.

Третья часть эстетики, это область истории, как естествознание и экономика в системе социальных наук. Она, представляет собой область необходимости эстетики.

Все эти части системы не являются только областями качества, количества и отношения. Кроме них в системе еще есть модальность. И ей является психология.

По мнению философа, эта область не прибавляет ничего нового к прежним областям качества, как и сознание не прибавляет ничего нового, но есть только осознание этого мира. В психологии мир в себе становится миром для себя. Как в области этики социальных наук такой же модальностью является область педагогики. Соответственное место в эстетике, занимает философия. И в области философии мир эстетики становится для себя таким же, как он был и до нее. Но философия понимается здесь у Вейдемана опять в смысле всеединства, как система, включающая в себя все философские системы. И поэтому все данные в истории философии системы должны пониматься с одной стороны, как определенные ограниченные, с другой как представляющие собой определенные ступени, от низшей к высшей. Философия в этом смысле есть как феноменология, если мыслить системой Гегеля. Кроме того, А.В. Вейдеман считал, что с теоретической или чисто научной точек зрения, вся философия является системой логики. И эстетика как часть системы философии, подобно этике должна мыслиться как часть логики.

Природа, как зло должна быть преодолена, для того чтобы смог осуществиться абсолютный идеал добра. Но идеал этот в силу своей абсолютности бесконечен, и потому в эмпирическом мире никогда не может быть реализован. В пределах этики противоположность природы и долженствования остаётся непримиримой. Примирить ее может по мнению автора только та область, в которой абсолютный идеал перестаёт быть только нормой и становится реальностью. Эта область эстетики. Красота и есть воплощённый в действительности идеал. Субъективно мир красоты выражается как чувство, объективно как целесообразность, за счёт целесообразности эстетика связывается с логикой, моментом идеальности — с этикой. Таким образом, заключает А. Вейдеман, эстетика завершает собой систему идеализма. В толковании автора, она знаменует собой не только философию искусства, но и философию религии. Эта связь искусства и религии особенно ярко обнаруживается в трагедии, как высшей форме художественного творчества. Разрешение трагического конфликта, уверен философ, сводится в конечном итоге к религиозной идее искупления через страдание и смерть. В акте самоотречения человек преодолевает конечность и несовершенство своей природы, и утверждая абсолютность идеи, сам приобщается к ее бесконечности и совершенству. В этом и заключается, по мнению автора, высший смысл бытия не только отдельного человека, но и исторического бытия народов и всего человечества.

Теория познания Германа Когена в оценке современных исследователей

УДК 11, ББК 87.1

Перепечина А. С.
Москва, Россия

Аннотация. Актуальность данной темы выражается в роли неокантианства в развитии современного этапа в философии. Предметом данного исследования является анализ когеновских принципов логики (логических понятий в теории познания) и его герменевтики с точки зрения таких мыслителей, как Вернер Флах, Геерт Эдель, Пьерфранческо Фиорато, Андреа Пома, Вольфганг Маркс, Юрген Штольценберг и др. Объектом рассмотрения является трансцендентально-идеалистическая философия Когена. Целью данной исследовательской работы является установление причин и динамики изменения проблем в современной теории познания. Целями исследования являются выявление взаимосвязи между идеями, изложенными в двух основных эпистемологических работах Когена «Логика чистого знания» и «Теория опыта Канта», и установление взаимосвязи между формами знания и аспектами априорных знаний.

Ключевые слова: *теория познания, неокантианство, Коген, трансцендентально-идеалистическая философия.*

Важность, актуальность настоящей темы находит выражение в роли неокантианства для развития современного этапа в философии. В поле настоящего исследования критическая философия Канта продолжает осмысливаться и обростать новыми проблемными вопросами и дискурсами в качестве интерпретации и углубленного понимания кантовских «вызовов» для всей последующей философии в теории познания главы школы Марбургского неокантианства Германа Когена.

Предметом исследования является анализ когеновских принципов логики (его логической концепции в рамках теории познания) и герменевтики Когена на примере их анализа таких исследователей Марбургской неокантианской мысли как Вернер Флах, Геерт Эдель, Пьерфранческо Фиорато, Пома, Вольфганг Маркс, Штольценберг и др. Так, Флах интересен как исследователь когеновской концепции логики познания. В работе «Теоретические принципы концепта логики Германа Когена» („Hermann Cohens prinzipienteoretisches Logikkonzept») он пишет: «Можно констатировать, что логика чистого познания сплошь и везде интерпретируется как предприятие логики принципов. Разногласия в определении касаются вопроса [о том], как Коген выстраивает

эту самую логику начальных принципов» („Man darf konstatieren, die Logik der reinen Erkenntnis wird durchgehend als ein prinzipienlogisches Unternehmen beurteilt. Die Differenzen in der Beurteilung beginnen mit der Frage, wie Cohen diese Prinzipienlogik inszeniert“) [1, S. 101]. Вопрос, который волнует всех исследователей когеновского вклада в неокантианскую философию, исходит из понимания того, каковы оценки законов мышления. Но, согласно Когену, мышление, логика мышления суть то, что «может считаться бытием» („als Sein gelten darf“) или «то, что обнаруживает самое себя» („was es selbst aufzufinden vermag“) [1, S. 100].

Объектом рассмотрения является вся трансцендентально-идеалистическая философия Когена, а также связь между интерпретацией кантовской «Критики чистого разума» посредством тщательного анализа работы Когена «Теория опыта Канта» („Kants Theorie der Erfahrung“) и теорией познания, как самостоятельного явления, разработанного самим Когеном как независимым мыслителем (главным образом в «Логике чистого познания» („Logik der reinen Erkenntnis“) и в «Принципе инфинитезималь-метода и его истории. Глава об основоположениях теории познания» («Prinzip der Infinitesimal-Methode und seine Geschichte. Ein Kapitel zur Grundlegung der Erkenntnistheorie»).

В качестве цели данной исследовательской работы выступает установление причин и динамики изменения проблем в современной теории познания, которые имеют свои корни в введенном Кантом понятии априорного знания.

Задачами исследования являются выявление связи между идеями, изложенными в двух главных гносеологических работах Когена «Логика чистого познания» и «Теория опыта Канта» и установление взаимосвязи между формами познания и аспектами (логики) априорного знания вообще.

Ключевой мыслью является то, что Коген описывает при проведении различения «психологии познания» (трансцендентально-субъективный анализ сознания) и «критики познания» (трансцендентально-объективный анализ науки), взаимоисключающих друг друга: «Такое свидетельство (*истинной априорности*. — В. Б.) впервые предоставляет трансцендентальный метод, принципом и нормой которого является простая мысль: те элементы сознания являются элементами познающего сознания, которые являются достаточными и необходимыми для того, чтобы обосновать и укрепить факт науки». [2, с. 16].

Литература

1. Sonderdruck aus: Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie: Werner Flach. Hermann Cohens prinzipientheoretisches Logikkonzept. 2001. Verlag Königshausen und Neumann.
2. Коген Г. Теория опыта Канта / Пер. с нем. В.Н. Белова. — М.: Академический Проект, 2012. — 618 с. — (Философские технологии).

Марксистская критика неокантианства — юридический аспект

УДК 11, ББК 87.1

Иванов А. Е.
Москва, Россия

Аннотация. В статье показан конфликт между идеализмом и материализмом над их различиями в понимании проблем познания, человека и права. Автор показывает марксистскую точку зрения в этом споре, основываясь на трудах Гегеля, Маркса и Энгельса и ряда советских юристов.

Ключевые слова. *Марксизм, неокантианство, право, критицизм.*

Немецкая философия классического периода была воистину революционной, потому как именно здесь тема метода познания, поставленная в центр философского знания, в след и в развитие западноевропейского рационализма, достигает своего апогея. Так, И. Кант теоретически обосновал границы человеческого познания в виде априорных идей и форм самого разума, выделив у предметов и явлений феноменальную и ноуменальную части. Особую ценность представляет вклад немецкого классика в философию права. Кант отмечал, что «источник суждений» о праве следует искать «в одном лишь разуме» [1, с. 139]. Именно на этой базе он сводит свою деятельность к установлению «всеобщего критерия, на основании которого можно вообще различать правовое и неправовое», то есть к выявлению неизменной «основы для возможного положительно законодательства».

Исходя из гегельянских [2, с. 8] позиций диалектической взаимосвязи между правом и развивающейся «всеобъемлемостью» общественного бытия, последующая революция в научном знании, предложившая собственные методы в познании действительности, была осуществлена марксизмом. Был выведен и предложен качественно новый определяющий фактор права — «абсолютная идея», некие вечные и априорные формы уступили место социальной материи, представленной производственными отношениями [3, с. 278]. Новые социальные идеалы, привнесенные Марксом и претендующие на истинность, сильно потеснили позиции кантианства и оспорили право последнего не столько на «идеологическую прогрессивность», сколько на притязание самой истины — платформа кантовского учения об идеале, выведенного из умозрительной идеи, оказалась распатанной установленной марксизмом взаимосвязью логики движения социальных идеалов с логикой развития способов производства материальных благ.

Для авторов, строящих свои концепции на базе марксизма и опирающихся на факты того, как буржуазный способ производства развертывал себя в истории, все более и более очевидной становилась абстрагированность от действительности, равно как и хрупкость кантовских построений, размещенных на зыбкой почве априорных понятий. В общем и целом, идеалистические подходы к проблеме права классический и советский марксизм называет ненаучными [4, с. 46], прямо и с «пролетарской прямоотой» [5, с. 48] отмечая «чисто спекулятивный» характер систем подобной философии права, пропитанных теологией и моральными эвфемизмами, полагающей в основу всего «концепцию субъекта с его способностью к самоопределению» [6, с. 44].

Литература:

1. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965.; 2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц, М.: Мысль, 1990.);
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2, т. 20;
3. Разумовский И.П. Государственно-правовая идеология современной социал-демократии. // Революция права. — 1927. — № 4.
4. Стучка П.И. Революционная роль права и государства // Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. — Рига: Латвийское государственное издательство, 1964.
5. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980.

Раздел 8

Трансцендентальный метод и эпистемология: научное знание и условия его возможности

Возможно ли познание вещей самих по себе (Кант, Гуссерль, Гибсон)?*

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Катречко С. Л.
Москва, Россия

Аннотация. Можно выделить два модуса трансцендентализма: кантовскую и гуссерлевскую концепции познания. Они по-разному отвечают на вопрос о познаваемости вещей: если Кант отрицает такое познание (вещи сами по себе непознаваемы), то Гуссерль настаивает на нем (максима «Назад к самим вещам!»). Это различие связано с разным пониманием вещи: если для Канта вещь — это нечто субстанциональное, то для Гуссерля вещь выступает как система различий. Экологический подход Гибсона концептуально восходит к гуссерлевской концепции вещи.

Ключевые слова: *И. Кант, Э. Гуссерль, вещь сама по себе, «Назад к самим вещам!», экологический подход Дж. Гибсона.*

Кант отвергает возможность познания вещей—самих—по—себе (вещей—спс), поскольку нам даны лишь *явления*, или *предметы опыта*. Причем надо говорить не о кантовском агностицизме, а, скорее, о его «смирении/скромности» (*humility*), поскольку Кант, во-первых, постулировал само наличие вещей—спс (что уже является определенным знанием о них), а, во-вторых, постулировал «эпистемологическую» связность вещей—спс и явлений: «явление [не] существует без того, что является» [ЖЧР, ВХХVII] (интерпретация «двух аспектов»; теория являющегося). Допустим мы воспринимаем круг *как* эллипс (адвербиальная теория восприятия): и хотя сам круг (здесь: кантовская вещь—

* Данное исследование проведено в рамках проекта «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие», поддержанного грантом РФФИ (проект № 19—011—00925).

спс) мы не воспринимаем, но воспринимаемое нами явление (эллипс) *зависимо* от круга (круг выступает его *причиной*), эллипс есть явление именно круга, а не другого предмета. Вместе с тем решение Канта не является универсальным, поскольку базируется на определенных предпосылках. Выделим две из них. Во-первых, Кант постулирует восприятие посредством ощущений (*боль* от иглки не передает ее *остроту*), хотя есть формы *прямого* восприятия — *интуитивное* [непосредственное] *познание*, например не—психическое восприятие низших животных (амебы). Во—вторых, *причиной* нашего восприятия, по Канту, выступают *предметы* (=вещи—спс), что приводит к неоправданному удвоению предметности, поскольку из восприятия *предметов* не следует существование самих *предметов*, также как из ‘восприятия’ пространственных предметов, не следует пространственность вещей—спс. Основанием для тезиса Канта выступает восходящее к Аристотелю *гилеоморфное/субстанциональное* понимание вещей: вещь состоит из некоей *материи/субстанции*, которая аффицирует чувственность, но не вос—принимается *вовнутрь*; вещь ин—*форм*—ирует нас о своей *форме*, оставляя «след» на восковой дощечке нашей души (Аристотель), или отражаясь в «зеркале» сознания (Декарт).

Концептуальным опровержением кантовского тезиса выступает гуссерлевская максима «*Назад, к самим вещам!*». Ее смысл раскрывается в «Логических исследованиях», где Гуссерль делает две важные новации. Во-первых, он различает ощущение и созерцание/интуицию, благодаря чему мы можем не только получать ощущения от вещи (ощущение белого), но и воспринимать белизну самой вещи [1, с. 182—3; 184—5]. Во-вторых, Гуссерль предлагает новое понимание вещи: она задается не трансцендентной для нас сущностью, а системой имманентных для нашего ума различий [1, с. 184—5; см. также 156—157]. Это позволяет ему, в противовес Канту, говорить о данности/познаваемости самих вещей (примечательной является также его критика теории образа Юма [1, с.393—4], направленная против «удвоении сущностей»: см. Сартр [2]).

Еще более радикальную позицию занимает Дж. Гибсон в своей концепции экологического познания [3]. Он опровергает неверную установку о том, что мы *воспринимаем отражения вещей* (типа *видиков* Демокрита): наш глаз (*mutatis mutandis* это применимо и к другим чувствам) воспринимает не *образы* вещи, а модулированный свет, несущий информацию о вещи, или, как говорит Гибсон, *систему инвариантов* (ср. с гуссерлевской системой различий), обработка которой и позволяет нам реконструировать саму вещь. Тем самым Дж. Гибсон, как и Дж. Серль [4] отстаивает противоположную Канту теорию прямого восприятия (реализма).

Литература:

1. Гуссерль Эд. Собрание сочинений. Т.3(1). Логические исследования, т.П(1) (пер. с нем. В. Молчанова). М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001.

2. Сартр Ж.—П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб, Наука, 2001.
3. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., Прогресс, 1988.
4. Searle J.R. Seeing Things as They Are: A Theory of Perception, New York: Oxford University Press, 2015.

Как возможно знание с точки зрения теории социальных эстафет?

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Кузнецова Н. И.
Москва, Россия

Аннотация. Утверждается, что знание есть феномен социальной памяти человеческой деятельности. В процессе эволюции различных форм трансляции важнейшего опыта, были сформированы ячейки социальной памяти в виде двух записей, за которыми стояли соответствующие операции. Первая операция фиксировала само различение предмета непосредственного опыта и обеспечивает референцию, вторая — то, что с данным предметом можно проделать, обеспечивая его репрезентацию.

Ключевые слова: *теория социальных эстафет социальная память референция репрезентация*

Кантовский вопрос «как возможно?..» обладает замечательной провоцирующей силой. Для эпистемологии это в высшей степени актуально. Слишком очевидным представляется, что знание существует, окружает нас, что оно присутствует повсюду, что оно многообразно и т.п. Массовая практика говорения «я знаю, что...» служит плохую службу для эпистемологии. Начинается выяснение, когда говорящий имеет право утверждать, что он знает нечто, и когда он не имеет право так утверждать. Анализ знания сводится к установлению этих «прав» и всесторонней их проверки.

По сути дела, вопрос — как возможно знание? — задает в явной форме только теория социальных эстафет (ТСЭ) М.А. Розова. Еще в книге 1977 года «Проблемы эмпирического анализа научных знаний» [1] представлена смелая попытка начать мыслить знание с определения исходной категоризации этого феномена. Показано, что знание должно пониматься как феномен социальной памяти, именно так оно фигурирует в массовой практике накопления и трансляции «знаемого».

Как же устроена элементарная ячейка социальной памяти? Важно отметить, что согласно ТСЭ, знание может предстать в виде воспроизведения непосредственных образцов деятельности или поведения. Однако в такой форме знание плохо транслируемо, ограничено местом и временем личных человеческих контактов. С появлением письменности накопленный опыт начинали записывать. В процессе достаточно долгой эволюции различных форм записи важнейшего опыта, были сформированы ячейки социальной памяти в виде двух записей, за которыми стояли соответствующие операции. Одна операция фиксировалась как «индекс» самой ячейки, вторая операция — как «индекс» содержания этой ячейки. Первая операция фиксировала само различие (опознание) предмета непосредственного опыта и обеспечивает референцию, вторая — то, что с данным предметом можно проделать, обеспечивая его репрезентацию. В принципе социальная память фиксирует деятельностный опыт человечества и транслирует его, обеспечивая сохранение опыта для следующих поколений.

М.А. Розов вводит в эпистемологическое употребление термин «репрезентатор» совершенно самостоятельно для обозначения того, что «записывается» в ячейку социальной памяти. Знание, с точки зрения ТСЭ, это, конечно, репрезентация, но вовсе не в смысле «представления» объекта. Даже если мы утверждаем, что «Земля — это шар», необходимо понимать, что «шар» в данном случае — это математический объект, с которым математика научилась оперировать. Любое знакомство с научным текстом (а не отдельным высказыванием), обнажает эти непростые деятельные процедуры — как установления референции, так и репрезентации. «Земля» только в XVI столетии стала «планетой», а «планета» к тому времени перестала быть «блуждающей звездой». «Солнце» тогда же перестала быть «планетой», а «Луна» стала «спутником». Проблема референции в науке кажется очевидной — мы познаем все ту же воду, Землю, гранит, почву, какой она была для наших предков. Это, бесспорно, великое заблуждение, где *common sense* оказался сильнее эпистемологической оптики. Как бы то ни было, в ячейку социальной памяти записывают как референцию, так и репрезентацию, при этом записи могут меняться местами. Установление истинности, с точки зрения ТСЭ, — это проверка сопряженности референции и репрезентации, а не просто соответствие высказывания об объекте самой реальности (*verify reliability*), как это традиционно представлялось в корреспондентской теории.

Литература:

1. Розов М.А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск: Наука, 1977.

Цифровизация науки и переосмысление понятий эпистемологии

УДК 167.07; ББК 87.25 + 87.22

Загидуллин Ж. К.
Москва, Россия

Аннотация. Выступление описывает феномены цифровизации научного познания, специфику использования IT-инструментов для технологизации и автоматизации интеллектуальной деятельности ученого. Речь идет об изменении организации научных исследований (демократизация и массовизация их), а также о появлении «цифровых двойников» изучаемых объектов и явлений, которые содержат в себе больше, чем реальный объект. Это проблематизирует традиционные понятия эпистемологии, такие как знание, модель, парадигма. Для решения этих проблем в докладе предлагается использовать волновую онтологию и понятийный аппарат эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет отечественного философа М.А. Розова.

Ключевые слова: *цифровизация, наука, знание, модель, парадигма, цифровой двойник, эпистемология.*

Переход в эпистемологии от нормативизма к дескриптивной установке привел к обнаружению множества форм существования знаний: *знаки, суждения, модели, теории*, исследовательские *программы, дисциплины, картины мира*. Список не закончен. В нем есть и элементы рефлексии ученых, и эпистемологические концепты, и традиционные объекты логики. Вопрос состоит в том, как объяснить это разнообразие «мира знаний». И т.к. наука интенсивно меняется (цифровизируется, например), то объяснять необходимо с учетом изменений, что потребует, вероятно, пересмотреть ряд понятий эпистемологии.

1. Цифровизация *демократизирует* научную работу. IT-инструменты позволяют «не-учёному» делать стандартную работу и участвовать в исследовании, что приводит к появлению гражданской науки. На передний план выходит проблема программирования исследований, а их организация делается за счёт размещения исследовательских задач на специализированных *цифровых платформах* [1]. Подобным образом организуются репликативные исследования, которые воспроизводят результаты чужих исследований с целью верификации теорий [2].

Цифровизация приводит к тому, что число участников отдельного исследования исчисляется тысячами, как, например, при наблюдении гравитационных волн в 2017 г. число авторов статьи насчитывало более 3,5 тысяч [3]. Сетевая координация и коммуникация участников этого исследования стали возможны только благодаря цифровым инструментам.

Участников подобных исследований не объединяет ни научно-исследовательская *программа* (они могут просто «играть» в учёных), ни научная *парадигма* (исследования разделены на элементы, не требующие согласия в рамках какой-то теории), ни научный *этнос* (участники часто не приобщены к научному призванию). На смену тематическому (предметному) способу организации ученых приходят организационные и коммуникативные протоколы, воплощенные в цифровой среде.

2. Другое важнейшее понятие — *модели* — было заимствовано из рефлексии ученых [4]. Считалось, наличие моделей делает полноценной теорию. Эпистемология различает модели явлений или модели данных [5]. Однако, это различие не работает, т.к. сбор эмпирической информации об изучаемом явлении давно происходит путем заполнения базы данных и dataset'ов, сформированных в соответствии с онтологическим расчленением изучаемого объекта, что в случае установок мега-сайнс дает еще и террабайты цифровой информации и требует использования технологий анализа Big Data.

В промышленности подобные модели получили название «*цифровых двойников*» (digital twins) и «кибер-физических систем» [6]. Речь идет о том, что создаваемую ложную инженерную вещь (например, авиалайнер) проектируют сначала в режиме цифрового 3d-моделирования, а потом, воплощают в материале так, что каждый узел снабжен датчиками, которые собирают сведения о его состоянии и передают их в режиме реального времени по беспроводной сети интернета. Исходная цифровая 3d-модель уже в качестве базы данных аккумулирует сведения об этапах проектирования, испытаний, о всех стадиях производственного процесса, а также о реальном функционировании узлов машины. Также цифровой двойник дополняется прогнозными математическими расчетами состояния узлов авиалайнера для предвидения выхода их из строя и планирования ремонтов. По сути, такая цифровая модель (цифровой двойник) содержит в себе практические сведения о прошлом, настоящем и будущем сложного инженерного объекта (авиалайнер), *превышающие* то, что содержится в материальном объекте. При всей условности описания цифровых двойников очевидно, что философское понятие модели не помогает осмыслить подобные явления.

Промышленные цифровые двойники и цифровые модели, аккумулирующие сведения о работе приборов MegaScience — это *однорядковые* явления в эпистемологическом смысле. Их отличие состоит в том, что промышленные двойники позволяют размещать в «теле» вещи и исполнительные механизмы, которые вносят изменения в узел машины с учетом прогнозов, построенных на основе данных с датчиков. Впрочем, это отличие постепенно нивелируется, например, в сфере изучения биологических объектов, где наука уже освоила технологии точного прогноза и автоматизирует необходимые воздействия на изучаемый объект.

Наиболее близкое к описанным цифровым моделям является понятие «коллекторская программа», введённое отечественным философом М.А. Розовым [7].

3. В узком смысле цифровизация это воспроизведение деятельности в цифровой среде, воплощение ее в «цифровом материале». Благодаря такому «удвоению» деятельности к ней можно применять IT-инструментарий, что позволяет ее технологизировать и автоматизировать. Нарастивание использования IT-инструментов приводит к перестройке и метаморфозам цифровизируемой деятельности. Наука встала на этот путь. И перед современной эпистемологией стоит вызов: осмыслить роль цифрового материала в процессах производства и обращения знаний. По сути, нам надо заново поставить вопрос о морфологии знаний, о типах эпистемических единиц анализа и формах организации современных цифровых научных исследованиях, о роли коммуникации и рефлексии в современной науке. И, на наш взгляд, наиболее адекватны этой задаче волновая онтология и понятийный аппарат эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет М.А. Розова [8].

Литература:

1. Likhomanenko T., Ustyuzhanin A., Rogozhnikov A., Khairullin E., Baranov A. Reproducible Experiment Platform // Journal of Physics: Conference Series. 2015. Vol. 664. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/664/5/052022> Дата обращения: 02.12.2019.
2. Klein R.A., Nosek B. A. et al. Investigating Variation in Replicability: A “Many Labs” Replication Project. URL: <https://osf.io/wx7ck/> Дата обращения: 02.12.2019.
3. Branchesi M., Abbott B.P. et al. Multi-messenger Observations of a Binary Neutron Star Merger. // The Astrophysical Journal Letters, Volume 848, Number 2, 2017. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.3847/2041-8213/aa91c9> Дата обращения: 02.12.2019.
4. Розов М.А., Акципетров А.А. К методологии анализа моделирования // Вопросы логики и методологии. Научные труды НГПИ, Вып. 68. / Под ред. М.Г. Федотова. Новосибирск: НГПИ, 1971. С.11—18
5. Frigg R., Hartmann S. Models in Science // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2017 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2017/entries/models-science/> (дата обращения: 02.12.2019)
6. Uhlemann, Thomas H-J., Christian Lehmann, and Rolf Steinhilper. The digital twin: Realizing the cyber-physical production system for industry 4.0. // Procedia Cirp 61 (2017): 335—340. DOI: doi.org/10.1016/j.procir.2016.11.152
7. Розов М.А. Наука как традиция // Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 90.
8. Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Вып. 19. Философия науки в

междисциплинарной перспективе /Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв. ред.
И.А. Герасимова. М.: ИФ РАН, 2014. С. 118—132.

Народная психология как вид знания

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Филатов В. П.
Москва, Россия

Аннотация. Народная психология считается ненаучной теорией разума, которая использовала в наших повседневных интерпретациях поведение других людей, приписывая им убеждения и желания. Существуют две основные теории о том, как реализуется наша народная психология: «теория-теория» и «теория симуляции». Рассматривается гносеологический статус этого вида знаний: в какой степени наука оправдывает народную психологию.

Ключевые слова. *Народная психология, ментализация, теория сознания, теория симуляции*

В последние три десятилетия народная психология (folk psychology, далее НП) стала предметом дискуссий в философии сознания и когнитивной науке. Этим понятием обозначают несколько вещей: набор когнитивных способностей человека, позволяющий ему объяснять поведение других через их убеждения, желания, надежды и т.п.; неявную теорию, которая лежит в основе этих способностей; психологическую теорию здравого смысла, основанную на стереотипах (банальностях) о сознании, которые разделяет большинство людей (У. Селларс, Д. Льюис). Анализ НП важен, поскольку он связан с центральными вопросами философии сознания: психофизической проблемой и особенно проблемой «другого сознания» — как мы можем знать о ментальных состояниях других людей. Эта вторая проблема традиционно решалась через восходящий к Декарту «аргумент по аналогии». Однако ныне разработаны новые решения, более обоснованные когнитивной психологией и нейронаукой. Это т.н. «теория теории» (ТТ) и «теория симуляции» (ТС).

Согласно ТТ, народная психология является теорией, позволяющей нам объяснять и предсказывать поведение другого человека через mindreading, «ментализацию» — выдвижение гипотез о его состояниях сознания. В ТТ возникает проблема «ребенка-теоретика», однако специалисты по психологии раз-

вития считают, что дети к 3-4 осваивают НП, проходя в этом ряд стадий, похожих на смену парадигм. В отличие от этого сторонники ТС трактуют НП не как теорию, а как неявную, фоновую способность имитировать/симулировать ментальные состояния другого в собственном сознании. Серьезным подспорьем ТС является открытый нейронаукой механизм «зеркальных нейронов», позволяющий соотносить способность к симуляции с определенными нейронными процессами.

В эпистемологическом плане важен вопрос о статусе НП: в какой степени наука оправдывает психологию здравого смысла? Дело в том, НП, как и другие народные теории (народная физика, народная биология), может оказаться ложной и в принципе может быть заменена научной психологией или нейронаукой. Эту позицию отстаивают сторонники элиминативного материализма, считающие, что НП несовместима с материалистической (физикалистской) теорией сознания и в перспективе должна быть заменена. Однако этот аргумент имеет силу, если НП понимается как теория. Если же она понимается как способность, как «знание как», то научная теория не может ее непосредственно опровергнуть. Так, если мы не считаем приготовление борща теорией, то нет оснований бояться, что химия покажет, что мы не сможем его сварить. Поэтому аргументы элиминативистов серьезны прежде всего для сторонников ТТ, которые интерпретируют НП подобно научной теории. В дискуссиях о статусе НП есть много позиций: НП будет частично подтверждена и частично опровергнута развивающейся когнитивной наукой; НП настолько укоренена в нашей природе, что ее значимость не подтверждена коррекцией наукой; что она необходима для повседневной социальной жизни независимо от результатов научной психологии или нейробиологии.

От риторических вопросов к эпистемологическим проблемам: о становлении гносеологии Г.В. Лейбница.

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Самохвалова В. К.

Аннотация. В рамках рассуждения Лейбница о нормативных принципах строгого философского слога утверждается общеобязательность теоретико-познавательных принципов разума, которыми характеризуются в нашем сознании основоположения логики, математики и этики. Посредством признания необходимости установления ясности первоначальных значений слов, Лейбниц приходит к постановке важнейшей эпистемологической проблемы — к вопросу об отношении индукции и дедукции.

Ключевые слова: ясность, разум, чувства, универсалии, дедукция, индукция.

Трансцендентализм как конституирующая деятельность мышления, в которой важнейшую функцию выполняют априорные понятия закладывает основания гносеологии не только в философии И. Канта. Мне представляется, что уже в ранних произведениях Г.В. Лейбница можно выявить трансцендентальные установки.

Например, требования Лейбница к научному языку философии, сформулированные им в раннем произведении (1670), служащим предисловием к переизданию сочинения итальянского гуманиста Марио Низолио (ок.1488 — ок.1567) «Об истинных принципах и истинном методе философствования» [1], в конечном итоге сводятся к необходимости установления ясности значений слов, которые тем прозрачнее, чем употребительнее, и чем ближе их узус к их первоначальному значению.

Здесь возникают различные вопросы: как мы можем определить в каждом конкретном случае, что выбранное нами значение слова в качестве его первоначального, действительно таково? Далее: даже если мы просто приходим к некоторому значению и некритически принимаем его за первоначальное, то откуда мы знаем, что оно означает? Одним словом, что это за искомая *ясность слова самого по себе*, без которой невозможно обойтись ни на каком из этапов построения ясной речи, ясной мысли?

Понятно, что установление ясности значения слов предшествует установлению истинности всякого суждения: истинность предложения не может обнаружиться, если оно не будет ясным. Причем, критерием истинности суждения для Лейбница являются чувства, а критерием ясности — разум. Если мы ясно понимаем о чем идет речь в предложении (на основании ясности для нас значений всех слов, входящий в предложение), то истинность высказывания, по Лейбницу, будет заключаться в возможности установить чувственное соответствие между реально ощущаемым (воспринимаемым, благодаря органам чувств) и выражением, правильно это восприятие описывающим.

Казалось бы, на первый взгляд, что в вопросе об истинности конкретного суждения Лейбниц придерживается исключительно сенсуалистической позиции. Однако, это не так, потому что истинность чувственного восприятия с необходимостью должна предшествовать ясности понимания того, что воспринимается. Признание этого факта вынуждает Лейбница не только развернуть критику номиналистической позиции, издаваемого автора (Марио Низолио), но и отойти от номинализма вообще. Поскольку, если универсалии есть не что иное, как собрания отдельных вещей (такова позиция Низолио), то из этого будет следовать, что нельзя получить никакого знания через демонстративное доказательство (посредством дедукции идеи), но только через умозаключение

от единичного, т.е. через индукцию. Но в таком случае вообще уничтожается всякое знание и торжествует победу скептицизм.

И даже возражение, строящееся на так называемой моральной достоверности явлений (когда у нас нет видимого повода в ней сомневаться на основе всего доступного нам опыта), основано не на одной только индукции, но с неперменной опорой на пресуппозиции, зависящие не от индукции единичных вещей, а от общей идеи, общего принципа. Поскольку, если бы пресуппозиции зависели от индукции, они нуждались бы в новых вспомогательных принципах, и даже моральная достоверность была бы бесконечно недостижима. Поэтому Лейбниц констатирует очевидную тщету надежды с помощью индукции достичь совершенной достоверности [1, с. 95].

Так рассуждение о нормативных принципах строгого философского слога, через признание необходимости установления ясности первоначальных значений слов, приводит Лейбница к постановке важнейшей гносеологической проблемы — к вопросу об отношении индукции и дедукции. Здесь, как мне представляется, и закладывается основание гносеологического рационализма и в определенном смысле — трансцендентализма — Лейбница, получившего полное развитие в его дальнейших философских построениях, прежде всего в «Новых опытах».

Литература:

1. Лейбниц Г.В. Предисловие к изданию сочинения Марио Низоли «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов» (перевод с лат. Н. А. Федорова) // Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах: Т.3 / Ред. и сост., авт. вступит. статей и примеч. Г.Г. Майоров и А.Л. Субботин; перевод Я.М. Боровского и др. — М.: Мысль, 1984. — 734 с. — (Филос. наследие. Т. 92). — В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии. С. 54 — 96.

Понимание познания и знания в трансцендентализме начала XX века

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Шиян А. А.
Москва, Россия

Аннотация. Текст посвящен пониманию знания и познания в трансцендентализме начала XX века, прежде всего в феноменологии и неокантианстве. Почти все философские направления этого времени, следуя Канту, понимали знание как идеальную

предметную область со статусом универсальности и необходимости, что было оправдано объективным процессом познания и принципами познания. В тексте также уделяется особое внимание различному пониманию объекта знания и сознания в разных философских школах начала XX века.

Ключевые слова. *Трансцендентализм, теория познания, неокантианство, феноменология, знание, сознание.*

Основной философской школой, в которой развивалась кантовская проблематика познания в начале XX в., было неокантианство. Оно сохранило трансцендентальную постановку вопроса — как возможно познание, и, исходя из нее, обосновывало свое понимание познания и знания. Неявные ответы на вопрос о возможности познания можно найти и в феноменологии Гуссерля, которая в области гносеологии во многом вращается в проблемном поле неокантианства.

Знание — и это было общим местом практически для всех представителей трансцендентализма начала XX в. — представляет собой некую идеальную объективную область, обладающую статусом всеобщности и необходимости. Знание выражается в языковых суждениях, но только к ним не сводится. Знание и познание характеризуются общими принципами, которые функционируют независимо от своей выраженности в языке. В марбургской школе неокантианства к ним относятся, например, принципы системности, проблематичности, гипотетичности.

Принципы знания придают ему статус всеобщности и необходимости. Объективный статус знания обусловлен также самим процессом познания, который неокантианцы называют мышлением, или логикой. Здесь можно увидеть действие древнего принципа: подобное познается подобным, то есть объективность знания достигается объективным процессом познания. Мышление (логика) у неокантианцев носит исключительно языковой характер.

Следующим важным вопросом относительно знания является вопрос, знанием чего оно является. И для неокантианцев, и для феноменологов знание — это знание о мире, но мир в разных философских школах понимается по-разному. Однако даже если познание мира в феноменологии Гуссерля и в марбургской школе неокантианства понимается одинаково, прежде всего, как познание материально-пространственной реальности, то предмет познания определяется различным образом. Предметом познания для сторонников феноменологии Гуссерля является материальная вещь окружающего мира с ее свойствами и отношениями, так, как она существует в реальности. Для неокантианцев же предмет познания не берется из окружающего мира, а конструируется мышлением, то есть предмет познания является неким конструктом. Здесь возникает вопрос, почему же чистый конструкт должен соответствовать реальности? Это делает возможным принцип тождества бытия и мышления, которого, по мне-

нию Сеземана, придерживались, например, представители марбургского неокантианства.

Убеждение Гуссерля в том, что предметом познания являются вещи окружающего мира, данные нам в восприятии, усиливается его положением о том, само восприятие и есть познание. С тем, что познание может носить неязыковой характер, согласились бы и неокантианцы. Новаторский характер понимания Гуссерлем восприятия проявляется в другом: Гуссерль вразрез со всей современной ему традицией подошел к сознанию не к как психическому процессу в душе индивида, а как к объективной сфере (региону), структуры и принципы которой обладают статусом всеобщности и необходимости, каким неокантианцы наделяли структуры и принципы мышления. По сути, Гуссерль стер границу между сознанием и мышлением, что позволило ему ввести такой оксюморон, как «допредикативное суждение», каковым для Гуссерля является акт восприятия [1, 18—21].

Гуссерлевский подход к восприятию как к познанию порождает ряд проблем, одну из которых можно сформулировать в виде вопроса: можно ли познавать неосознанно? В гносеологических исследованиях XX в. можно найти разные варианты ответа на этот вопрос. Наиболее адекватном мне представляется решение русского неокантианца Василия Сеземана [2], согласно которому познание — это осознанный процесс, предмет которого дается в рефлексии.

Другую важную проблему гносеологического трансцендентализма начала XX в. фиксирует вопрос, что значит познавать реальный мир? Явный ответ на него дали неокантианцы. Познание мира означает выявление взаимосвязи между всеобщими закономерностями и индивидуальными вещами, или иначе: задача познания — определить, как в индивидуальных вещах проявляются всеобщие закономерности. С некоторыми оговорками этот ответ приемлем и для феноменологии Гуссерля, не смотря на его утверждение, что трансцендентальная феноменология изучает только всеобщие свойства и закономерности.

В докладе будут также рассмотрены проблемы познания, поставленные в трансцендентализме XX в.: проблема трансценденции, соотношение повседневного и научного познания, проблема статуса общей закономерности и др.

Литература:

1. *Husserl E. Erfahrung und Urteil.* Hamburg: Meiner, 1999.
2. *Sezemann V. Rationales und Irrationales // Sezemann V. Studien zum Erkenntnisproblem.* II. Kaunas: Valstybes Spaustuve, 1927.

«Как возможно знание» в философии М. Шелера

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Логинов А. В.
Москва, Россия

Аннотация. Проблемы теории познания рассматриваются как в ранних работах Шелера, так и в более поздних работах. Шелер был сторонником автономии философских знаний от религиозных и научных, и полагал, что феноменология не является научным методом, а своего рода когнитивным отношением, которое применимо к изучению различных философских проблем. В более поздний период он защищал автономию различных видов знаний, обоснованно критиковал позитивистскую социологию.

Ключевые слова. *Феноменология, феноменологическая установка, теория познания, социология знания, философская антропология*

Проблемы теории познания не являются центральными в творчестве М. Шелера, в то же время эта тема присутствует в его творчестве как в ранний период, так и в более поздних работах. В частности, этой тематике посвящена обширная статья «Феноменология и теория познания», написанная в 1913, 14 гг., проблематика которой нашла отражение и в более позднем наследии немецкого философа. В этой статье Шелер противопоставляет феноменологическое понимание познания и представление о методе, характерное для естественных наук. Под феноменологией он здесь понимает особую установку «духовного созерцания», «непосредственный контакт с самим миром» [2, с. 198,199]. В то же время Шелер в этой статье подчеркивает родство феноменологии и «трансцендентального» учения о познании, поскольку феноменология также получает результаты, независимые от особой организации человеческой природы. Такой подход является непосредственным усмотрением «сущности акта» познания. Феноменологический проект он трактовал достаточно радикально: «Феноменологическая философия претендует на то, чтобы давать чистое, беспредпосылочное и абсолютное знание». При этом возникает очевидная проблема соотнесения феноменологии и «позитивные науки». Шелер делает следующий вывод: хотя философия и наука не исключают друг друга, цель философии гораздо выше, так как философия «ищет истину наиболее адекватного познания, которое в идеальном плане завершает себя в самоданности». Уже в этот период Шелер подчеркивал, что новоевропейская наука связана с господством над миром. Эта идея была усилена в более поздних трудах немецкого философа. В этот период Шелер разрабатывал проект «социологии знания», что совсем

не означает, что он отказался от идеала познания, изложенного в его раннем творчестве. Подвергнув критике позитивистский и идеалистический подходы к проблематике знания, он стремился найти иной путь в трактовке различных социальных форм знания. Согласно концепции М. Шелера, можно выделить три «высших рода знания»: знание ради господства (достижения позитивных наук), знание ради образования (философия), знание ради спасения (религия). Соотношение между ними зависит от конкретного типа общества. К примеру, сопоставляя восточные и западные культуры, он отстаивал самоценность восточной метафизики (сюда он относил и Россию) по сравнению с Западом с «его позитивной наукой и материальной производственной техникой» [3, с. 157] М. Шелер склонен был принять знаменитый тезис К. Маркса, о том, что бытие определяет сознание. При этом он стремился расширить его смысл, понимание этого тезиса не должно быть исключительно материалистическим. Бытие человека включает в себя как «низменные» влечения, так и «возвышенные» интересы. В истории непрерывно взаимодействуют идеальные и реальные факторы. «Реальные факторы» позволяют в том или ином историческом контексте проявляться «идеальным». М. Шелер стремился преодолеть релятивистские тенденции в трактовке знания, отыскать инвариантные основания различных типов знания, именно это впоследствии вызвало критику со стороны иных представителей социологии знания. Создавая социологию знания, а также философскую антропологию Шелер, как и в раннем творчестве, стремился выйти к инвариантным основаниям знаний о структуре реальности.

Литература

1. Теоретическая социология / под ред. Баньковской С.П. и др. , т. 2 М: Канон +, 2002
2. Шелер М. Избранные произведения М: Гнозис, 1994
3. Шелер М. Проблемы социологии знания М: Институт общегуманитарных исследований, 2011
4. Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия М: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007

Этос науки и его критика на базе идей Гуссерля и Витгенштейна

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Куликов С. Б.
Томск, Россия

Аннотация. В этом докладе рассматривается тема, тесно связанная с перспективами развития трансцендентально-феноменологического направления философских исследований в направлении его возможного пересечения с некоторыми ответвлениями аналитической философии языка.

Ключевые слова. Этос науки, сознания, Гуссерль, Витгенштейн, Мертон.

Предлагаемый доклад затрагивает тематику, тесно связанную с перспективами развития трансцендентально-феноменологической линии философских исследований в направлении её возможных пересечение с некоторыми ответвлениями аналитической философии языка. Целесообразность реализации такого подхода в отношении осмысления этоса науки (идеала научности) заключается в следующем:

Одно из наиболее последовательных описаний этоса (идеала) науки, продолжающих активно влиять на современную мысль, предложено Р.К. Мертоном, который полагал, что всякий ученый тогда только подлинный представитель научного сообщества, когда он 1) универсалист; 2) «коммунист» (в смысле руководства общим благом, а не принадлежности к конкретной идеологии); 3) незаинтересованно (объективно) относится к изучаемым предметам; 4) целенаправленно (организованно) скептичен.

В то же время представления об этосе науки не выводятся Р.К. Мертоном напрямую ни из эмпирических наблюдений, ни из накопленных статических данных, а вводятся сугубо нормативно. Отсюда видно, что этос науки суть явление во многом метафизического плана. В данном плане и видится проблема, выносимая на обсуждение докладчиком: этос науки (понимаемый как совокупность норм, задающих направления следования идеалу научности) позволяет точно различить, кто ученый, а кто не ученый. Но для самого этоса науки проблематично точное знание, предполагающее описания вида aRb и (или) оставляющее шанс опереться на опыт при попытках представить этос в виде синтетического *a priori* (в смысле кантовской Критики чистого разума). Решение проблемы формулировки точного (т.е. строго научного) описания этоса науки докладчик связывает с возможностью пересечения идей, сформулированных Л. Витгенштейном и «поздним» Э. Гуссерлем.

Проведенные исследования показывают, что на базе теорий Э. Гуссерля и Л. Витгенштейна может быть сформировано особое представление об общем этосе науки. Этот этос предполагает пересечение эмпирического «молчания» и метафизической «слепоты» (наивности) натурализма, которые помогают отрегулировать поведение ученых. Такая регулировка становится возможной как следствие критики существующих видов научного мышления. В частности, на обсуждение могут быть выдвинут такие результаты :

- интерпретация научного этоса как полуформализованного описания оснований науки (в данном плане наука есть комплекс суждений, полученных на базе экстра-рациональных предпосылок, например, эмоциональных пристрастий исследователя).

- допущение метафизического происхождения научных знаний, полученных в результате неустранимых противоречий в недрах самого научного этоса.

Полученные результаты соответствуют критике предположений о всемогуществе эмпирических наблюдений и процедур сбора статистических данных, на которые ориентируются современные теоретики. Положительный опыт представленных исследований в целом помогает понять ценность критицизма в сфере современных теорий поведения, интеллекта и других психологических теорий.

Раздел 9

Трансцендентальный метод в теологии и этике

Автономная и теономная смерть: интерпретация конечности в трансцендентальной теологии Карла Ранера

УДК 1/125 (091), 2/218; ББК 87.3 + 87.5

С.А. Коначева
РГГУ, Москва

Аннотация. Статья посвящена переосмыслению традиционных теистических представлений о смерти в трансцендентальном богословии Карла Ранера: критика учения о бессмертной душе как постоянной сущности человека, попытка развить позитивное отношение к смерти. Мы также сравниваем интерпретацию смерти Ранера с анализом Хайдеггера существования Дасейна как «бытия до смерти».

Ключевые слова. *Трансцендентальный томизм, теономная смерть, автономная смерть, свобода.*

В докладе рассматривается переосмысление традиционных теистических представлений о смерти в трансцендентальной теологии Карла Ранера: критика доктрины о бессмертной душе как неизменной сущности человека, попытки выработать позитивное отношение к смерти. Смерть — тема, имеющая особое значение в теологии Карла Ранера. Один из комментаторов убедительно доказывает, что Ранер буквально «заворожен» смертью [1, с. 14]. Смерть рассматривается Ранером как высшее и окончательное решение, основной «выбор человеческого сердца». Момент смерти приобретает особое значение не только как последняя возможность что-то искупить и исправить, довести до конца, до высшего исполнения свое дело, но и как момент обретения личностью своей подлинности. «Человек ничего не может взять с собой в пустыню смерти, кроме того, чем он сам является в этом окончательном, последнем, основном решении сердца. Но именно в этом пункте абсолютного нуля человеческой жизни и человеческого опыта только и обретается подлинная жизнь» [2, с. 124]. Смерть, по Ранеру, — это «активное само-приведение к завершенности». В смерти окончательно совершенствуется и завершается то, чем мы стали в жизни. И каждое

серьезное, приводящее в движение всю целостность человека, решение означает в тенденции шаг по направлению к смерти, означает «смерть в жизни». Смерть — это глубокая тайна, с которой сталкивается человек на протяжении всей своей жизни. В этом контексте смерть подчеркивает реальность человеческой конечности, ограниченности и зависимости. Смерть также подчеркивает реальность человеческой свободы в той мере, в какой она требует ответа от каждого человека, что и отражает его свободный выбор. Реакция человека на реальность физической смерти — сознательное сопротивление и отчаяние или доверчивая готовность и принятие — в конечном счете, отражает его трансцендентальный ответ на Тайну того, кто является автором творения и основанием для всего сущего. Этот выбор, основанный на свободе, является выбором в пользу того чтобы умереть, как, впрочем, и жить, автономно или теономно. Автономная смерть — это отказ от подлинной свободы, способности к окончательной самореализации и, таким образом, от ее Творца. Теономная смерть, или «хорошая смерть» с точки зрения Рейнера, подразумевает, что субъект полностью подчиняется непостижимой тайне Бога. Поскольку фундаментальная тайна смерти и, следовательно, выбор между автономной и теономной смертью стоит перед человеком на протяжении всей жизни, Ранер утверждает, что каждый позитивный моральный выбор — это событие теономной смерти. Теономная смерть состоит из свободных моральных поступков, совершаемых на протяжении всей жизни, которые оказываются событиями личного самоопределения по отношению к Богу. Именно поэтому Ранер может утверждать, что человеческая смерть — это «акт свободы».

В докладе также проводится сравнение трактовки смерти у Ранера с хайдеггеровским анализом бытия Dasein как «бытия к смерти». Демонстрируется, что используя идею Хайдеггера о единстве в «бытии к смерти» и в самом смертном финале «открытости» и «сокрытости» бытия, Ранер превращает экзистенциал «бытия-к-смерти» в экзистенциал «бытия—к—трансценденции», «бытия—к—Богу».

Литература:

1. Ochs R. The Death in Every Now. New York: Sheed and Ward, 1969.
2. Rahner K. On the Theology of Death N.Y.: Herder, 1965. P.124

Трансцендентальный метод в современных дискуссиях о научном статусе теологии

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Литвин Т. В.
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В докладе будут рассмотрены вопросы методологии в определении научного статуса теологии, с опорой на современные философские подходы. Хотя современная теология является продолжением традиционных споров о теологическом объяснении проблем космологии, живой природы и материи — всех тех научных вопросов, которые возникли в новоевропейском естествознании благодаря рефлексии над вопросом о сотворении — в последние десятилетия она все больше открыта для диалога как с различными философскими подходами, так и с сугубо сциентистскими способами изучения природы и человека, опирающимися на количественные методы.

Ключевые слова. *Теология, трансцендентализм, феноменология, Э. Гуссерль, И. Кант, Л. Тенгли, феноменологическая метафизика.*

Вопрос о научном статусе современной теологии представляется полемическим и первой задачей в рамках данной цели должен стать анализ возможностей для ответа на него. Что означает наука применительно к религиозному знанию в современном академическом сообществе, где само понятие науки постоянно пересматривается? В философии науки проблема демаркации и критериев научной рациональности исследуется уже в течении нескольких десятилетий, как минимум с начала постпозитивизма, а то и раньше, и остается одной из центральных проблем дискуссий начала 21 века. В новейший период науки уравниваются валентности субъекта и объекта, также, как и социокультурного контекста формирования научных знаний, но принцип фальсифицируемости остается критерием не только естествознания, но и гуманитарных исследований в случае их претензии на научность. Может ли такое представление о науке быть применено для теологии? И если да, то какие следствия для религиозной рефлексии и для религии в целом имеет такое уравнивание в правах? Или теология — это есть та догма, которая не допускает критики, а следовательно, ненаучна по своей сути?

Так или иначе, но теология — это наука, которая может вмещать в себя как онтологию и метафизику (как аналог высшей математики для естествознания), так и прикладные области — гомилетику, экклесиологию и т.д. И ее научный статус столь же несомненен, как и научный статус философии, но лишь в том

случае, если мы включаем историю богословия в объем понятия, и признаем исторический опыт частью эмпирической верификации. Данный вывод влечет за собой переход ко второй задаче, в рамках которой необходима ревизия философской методологии XX века. Прежде всего, методы теологических исследований — это современная герменевтика, в которую в той или иной степени включены методы анализа текста. В целом, вывод по второй задаче следующий: современные герменевтические методы теологии повторяют кризис и раздробленность философских методов, что характерно и для континентальной, и для аналитической теологии, включая протестантскую библеистику. Отказ от традиционного рационализма приводит не только к более широкому спектру подходов (например, феминизм является несомненным плюсом в арсенале методов), но и увеличивают разрыв между конфессиями, что ослабляет позиции христианской теологии как среди академических дисциплин, так и в современном межкультурном диалоге с другими религиями.

Наконец, вопрос о трансцендентализме не только добавит валентности в арсенал методов, но и ставит вопрос о бесконечности в контекст современной онтологии. Планируется не только проследить становление феноменологии как *prima philosophia* в ее неосcholастических формах нового трансцендентализма, но и провести оценку онтологии 21 века (А. Бадью, К. Мейясу и др.), в которой антиметафизическая установка 20 века приобретает черты нового платонизма. В ходе доклада будут выявлены эпистемологические формы современной теологии, ее функция для философии сознания, противоречия и теоретические трудности современной трансцендентальной философии, связанные с категорией бесконечности. Феноменологическая метафизика (Л. Тенгли) будет проанализирована в контексте современной философии математики.

Теология против мифологизации науки

УДК 111.82:215 ББК 87.1

Зайцев И. Н.
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Теизм, совершая трансцендентальный жест, выступает необходимым дополнением натуралистическому мировоззрению, точно так же как античная философия дополняла язычество. Без философии в язычестве единство мира рассыпается, только философия показала как можно перейти из мира одного бога в мир другого. Точно так же мир рассыпается в натуралистическом мировоззрении: каждая наука имеет свой язык объяснения реальности, который нельзя свести к другому. Как были миры Афро-

диты и Гермеса, так и сейчас существуют миры механики и экономики. Теистическое мировоззрение не помогает в познании мира, но дополняет натуралистическую картину мира, привнося в неё целостность.

Ключевые слова: миф, наука, мировоззрение, теология, целостность.

Тезис: (философская) теология совершает трансцендентальный жест по отношению к натуралистической точке зрения, подобно тому как античная философия совершала такой же жест по отношению к язычеству.

Без философии не сходятся концы с концами в язычестве. Мир рассыпается. Точно так же рассыпается мир в натуралистическом мировоззрении: каждая наука есть свой язык объяснения реальности, не сводимый ни к какому другому. Как были миры Афродиты и Гермеса, так сейчас есть миры механики и экономики. Теология не помогает в познании мира, но дополняет натуралистическую картину мира, привнося в неё целостность.

Нас не интересует исторический анализ ни язычества (и его видов), ни науки. Мы рассмотрим лишь соответствующие понятия.

Базовое определение язычества — вера во множество богов. Но как возможно существование *множества* богов? Ведь каждый бог (просто чтобы быть богом) должен быть абсолютом (беспредельным в силе, знании и проч.). Как возможно допустить хотя бы двух абсолютов? Чем одна беспредельность отличается от другой? Общий ответ известен: языческий бог беспределен, всемогущ, но только в своей сфере. Афродита всеильна в делах любви, но бессильна в торговле — это сфера Гермеса (верно и обратное).

Человек, поклоняясь Афродите, творит дела любви и видит окружающий мир через эту призму. Он обнаруживает в себе тягу к знанию. Почему я стремлюсь к знанию? Потому что я *люблю* истину. Для служителя Афродиты *всё в мире объяснимо через любовь*.

Противоречит ли мир Афродиты миру Гермеса? Нет. Они независимы друг от друга. Конечно, служитель Афродиты может понять торговца, в том смысле, что объяснить его поведение через любовь и страсть: торговец *любит* богатство, у него *страсть* к деньгам и проч. Для самого служителя Гермеса такое объяснение лишено смысла. Стремление к наживе, выгоде есть самоцель и не нуждается ни в чём дополнительном для объяснения. Можно прожить в одном из миров не испытывая потребности покинуть его.

Проблема однако в том, человек *может* свободно перейти из одного мира в другой. Тут философия ставит вопрос: как возможен переход? Ведь если боги независимы, безучастны друг другу (а так и есть), то и миры, образованные служением им, не должны пересекаться; да и не пересекаются, как мы заметили выше. В таком случае эти миры подобны замкнутым сферам и переход из одно-

го в другой должен быть невозможен. Но мы знаем, что переход возможен, более того, человек переходит неоднократно. Обычное дело: торговец служит шесть дней в неделю Гермесу, но посвящает седьмой день семье, т.е. отдаёт дань богине Гере. А потом начинается новая неделя и новый цикл.

В этом контексте не удивительно почему первые философы начинают с поиска единого и единственного начала. Единое задаёт среду в которой существует всё (в том числе и боги) и делает возможным переход из мира Афродиты в мир Гермеса. Как и обещали, мы оставляем в стороне историю этих поисков; разумеется, есть существенная разница между водой Фалеса и благом Платона, но не о том речь. Здесь важен общий смысл философского жеста — есть лишь одно начало, оно задаёт и существование и познание мира. В этом смысле античная философия была необходимым дополнением язычества; она искала пути преодоления трагичности античного мировоззрения.

Любая конечная наука есть язык объяснения реальности. Но не только объяснения. Конечно, знание есть знание причин, а следовательно знание позволяет объяснить реальность; но также научный язык меняет язык описания реальности. Язык задаёт основные параметры (и меру) того, что реально. Например: механика рассматривает (описывает) все тела как абсолютно жёсткие; это противоречит повседневному опыту (и другим наукам), но принимается данным разделом физики за предпосылку. Подобную точку зрения можно распространить и за пределы механики: механистический взгляд на начало I мировой войны — Россия и Германия начали массовую мобилизацию и эти процессы набрали инерцию подобно поездам и просто не могли остановиться.

Развитие научного знания создаёт ситуацию аналогичную языческому мировоззрению: мир распадается на регионы реальностей точно так же как мир древнего грека распадался на служения различным богам.

Сама наука не может поставить вопрос о единстве мира, этот вопрос ставит теизм и тем самым бросает вызов науке. Только познание Абсолюта (чем занимается философия и религия/теология) может дать основание для познания мира в целостности, и смысла жизни.

Антиномизм троического богословия о. Павла Флоренского и трансцендентальная диалектика И. Канта.

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Козарезова О. О.
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается рецепция некоторых положений философии И. Канта в творчестве о. Павла Флоренского. Антиномизм является основным принципом диалектики о. Павла Флоренского. Его основная идея о том, что «истина есть антиномия» нашла свое отражение в его концепции Бога Троицы. Исходным принципом его религиозной философии является догмат о триединстве, где подчеркивается личный характер Триипостасного Бога. Этот исходный принцип, по Флоренскому, требует совсем нового понимания диалектики: утверждение о том, что Бог — единый в трех Лицах, по убеждению о. Павла Флоренского, для нашего рассудка есть «воплощенное противоречие», где Единосущие Лиц Божественной Троицы указывает как на реальное их единство, так и на не менее реальное же различие троических Ипостасей. Разрешить эту антиномию единства и множества рассудочным путем невозможно — снятие данного противоречия возможно лишь только верой. Таким образом, по мнению о. Павла Флоренского, положительное разрешение антиномии единичности и троичности может быть только догматическим.

Ключевые слова: *антиномизм, знание, вера, богопознание, Истина, триединый Бог.*

Антиномизм как метод сформировался в русской религиозной философии конца XIX — начала XX в. под влиянием немецкой классической философии, которая была подвергнута своеобразной переоценке еще В.С. Соловьевым. Отсюда возникло понятие «отрицательной диалектики» как метода, применимого к исследованию религиозного опыта. У известных русских философов «рубежа веков» — о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева понятие «антиномия» приобрело новые смысловые оттенки по сравнению с его значением у И. Канта. Можно сказать, что у представителей философии «всеединства» антиномизм носил религиозный характер, основной акцент здесь ставился не на фиксации оппозиции тезиса и антитезиса, а на противоречивом единстве суждений, выражающих основные постулаты христианского вероучения [2, с. 197]. В первую очередь это касалось антиномии единства и троичности, божественного и человеческого и др.

Одним из выдающихся философов, использовавших этот метод, был о. Павел Флоренский. В своем понимании антиномий Флоренский отталкивался от Канта, но, вместе с тем, по-иному его интерпретировал, во многом критикуя

кантовское учение. В противоположность «индивидуализму» Канта, диалектика Флоренского основывалась на убеждении, что отказ от самоутверждения предполагает отказ от закона тождества. Разграничивая понятия рассудка и разума, философ считал, что закон тождества имеет силу только в отношении к рассудку [1]. Если для И. Канта разум — это высшая познавательная способность, доводящая до безусловной законченности синтез, начатый рассудком, то для о. Павла Флоренского рассудок, будучи низшей ступенью разумности, недостаточен, он не способен приблизиться к истине. [5].

Итак, если у И. Канта разум определяет истину, то у о. Павла Флоренского «истина определяет собою разум наш» [4, с. 123]. Постичь Истину, по Флоренскому, возможно только в сочетании интуитивного и дискурсивного суждения. Здесь антиномична оказывается и сама природа Истины, поскольку ее познание требует подвига самоотрешения от рассудка, который требует наличия веры. Начать этот «путь восхождения» побуждает только антиномичное суждение [6. С. 26].

Утверждение, что Истина есть антиномия, отразилась в концепции единого и триипостасного Бога. Исходным принципом своей религиозной философии Флоренский делает догмат о триединстве, подчеркивая личный характер Триипостасного Бога. Этот исходный принцип, по Флоренскому, требует совсем нового понимания диалектики: Бог, единый в трех лицах, есть, по убеждению Флоренского, воплощенное противоречие. Единосущие лиц Божественной Троицы указывает как на реальное их единство, так и на не менее реальное же различие. И единым словом *ὁμοούσιος* был выражен не только христологический догмат, но и духовная оценка рассудочных законов мышления, — пишет Флоренский. — Тут был насмерть поражен рассудок. Тут впервые было объявлено *urbi et orbi* новое начало деятельности разума [7, с. 54]. Догмат о триединстве, согласно Флоренскому, отменяет основной закон логики — закон тождества, и утверждает противоречие в качестве главного принципа мышления.

По Флоренскому истина даётся верой, а не умственными усилиями, апеллируя к словам Тертуллиана «Верю, ибо это абсурдно». Основанием истины является вера в триединую ипостась Бога, Сына и Святого Духа. Если для рассудка догмат троичности есть лишь противоречие, то для веры откровение снимает противоречие и устанавливает истину. Откровение помогает человеку проникнуть в истинный смысл бытия.

О. Павел Флоренский приходит к выводу, что истина может существовать лишь как «актуальная бесконечность», «конечный синтез бесконечного». Истину как «актуальную бесконечность» представляет триединый Бог, соединяющий в себе ценности Истины, Добра и Красоты. Поскольку Истина и есть Бог, то она и «есть единая сущность о трех ипостасях»: Троица есть Истина, — делает вывод философ.

Литература.

1. Гайденко П. П. Антиномическая диалектика П. А. Флоренского против закона тождества // Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 32—51.
2. Прот. Михаил Аксенов-Меерсон. Созерцанием Троицы Святой. Парадигма Любви в русской философии троичности. — Киев: Дух и Литера, 2007. — 328 с.
3. Флоренский П. А. Догматизм и догматика // Флоренский П. Вопросы религиозного самопознания. — М.: АСТ, 2004. — С. 88-121.
4. Флоренский П. Культ и философия // Богословские труды. Вып. 17. М., 1977.
5. Флоренский П. А. Космологические антиномии Иммануила Канта // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. II — С. 7-34.
6. Флоренский П. А. Пределы гносеологии (Основная антиномия теории знания) // Флоренский П. А. Соч.: в 4 т. — М.: Мысль, 1996. — Т. II — С. 19—56.
7. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1914.

Свобода как свободная причинность в единстве трансцендентального и практического аспектов

УДК 123.1; ББК 87.1 + 87.2 + 87.7

Мишагин П. А.
Красноярск, Россия

Аннотация. В докладе предпринята попытка рассмотреть предлагаемое И. Кантом в системе трансцендентального идеализма различие трансцендентальной и практической свободы, покоящееся на различии природной и свободной причинности и показать что подобное различие не носит абсолютный характер, в том смысле, что может трактоваться не как наделение рассматриваемых сущностей трансцендентальной и практической свободы как автономных и самостоятельных, но как двух неразрывно связанных между собой аспектов единой, целостной концепции свободы, органично вытекающей в рамках системы трансцендентального идеализма. Показано, что рассмотрение свободы как свободной причинности позволяет непротиворечиво примирять качественно различные сферы бытия — трансцендентальную и практическую.

Ключевые слова: *свобода, свободная причинность, трансцендентальная свобода, практическая свобода, целостная концепция свободы, единство трансцендентальной и практической свободы.*

Среди исследователей трансцендентализма Иммануила Канта является широко распространенным представлением о том, что исследование свободы

в его философской системе занимает основополагающее место и имеет существенное значение [1, 2].

Наш исследовательский вопрос применительно к концепции свободы в системе трансцендентального идеализма И. Канта может быть поставлен следующим образом: если не вызывает сомнений, что в системе Канта проводится различие трансцендентальной (онтологической) и практической (моральной) свободы, то является ли целостная свобода (свобода как концепция без сведения ее к тем или иным доминирующим аспектам, определяемым предметом разума) самостоятельным видом свободы и, если так, то как она относится к двум другим, или иначе говоря, как раскрывается бытие целостной свободы в конкретной диалектике двух ее фундаментальных аспектов, позволяющих судить о самой возможности наличия таковой свободы? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обосновать и конкретизировать понимание Кантом целостной свободы не как эмпирической данности, существующей в общественной жизни (в мире явлений), и не как сугубо моральной данности наличного практического поведения, а как практически-разумной (или разумно-действенной) свободы, обладающей собственным априорным законодательством, необходимо проследить эволюцию мысли Канта, в том числе, критически осмысленного и взятого Кантом на вооружение наследия идейных предшественников и современные рецепции его целостной концепции свободы.

Теоретическим основанием трансцендентально-идеалистической концепции свободы Канта явилось признание мыслителем наличия наряду с естественным («жестким») природным детерминизмом, детерминизма принципиально иного рода — т.н. свободного [3, 685]. Эти два вида детерминизма различаются между собой по природе, но при этом не теряется принцип целостности мироздания и целостности познания, которым выступает универсальная причинность, проявляющаяся в двух разных планах целостного бытия: эмпирическом и интеллигибельном.

Свободная причинность (*Causalität durch Freiheit*), интеллигибельная по своей сущности, согласно Канту, может быть двух видов — трансцендентальная и практическая, но при этом, это не две разные свободы — между которыми лежит пропасть, а две грани единой и ноуменальной по своему характеру свободы, являющей себя в двух различных сферах приложения разума — чистой спекулятивной и чистой практической.

Концепция свободы покоится на своем трансцендентальном аспекте (на свободе как космологической идее чистого спекулятивного разума), но феноменально обнаруживает свою действительность исключительно и только как практическая свобода. На пути исследования трансцендентального аспекта целостной концепции свободы И.Кантом дается первая содержательная характеристика свободы, согласно которой свобода определяется как «свободная» (самопроизвольная) «причинность».

В противоположность естественной причинности в природе, понятой И. Кантом как осуществляемая во времени согласно правилу (регулярности) необходимая связь состояний, «свобода в космологическом смысле — это способность самопроизвольно начинать состояние», причем свободная причинность не является иерархически сопряженной с какой бы то ни было «другой причиной, которая определяла бы ее во времени» [3, 478]. В этом значении свободная причинность представляет собой чистую трансцендентальную идею; которая, с одной стороны, принципиально не-эмпирична (трансцендентальна), и, с другой, принципиально не-эмпиричен предмет свободной причинности постольку, поскольку «общий закон самой возможности всякого опыта состоит в том, что все происходящее имеет причины» [3, 478].

Космологическая идея свободы оказалась подверженной действительным внутренним противоречиям. Основа этой противоречивости заключалась в том, что если в мире должно возникать либо из природы, либо из свободы, или, более верно, что и то, и другое может одновременно быть в одном и том же событии в различных отношениях, то космологическая идея свободы не только была внеэмпиричной, но и по своим регулятивным функциям не была направлена на свое феноменальное проявление, в силу чего могла оставаться только действенным регулятивом разума (или фикцией разума — в интерпретации критиков кантова учения о свободе).

Решение этой проблемы могло быть реализовано двумя способами — либо в результате обнаружения «сферы», свободной от действия природной детерминации, в которой была бы возможна свобода как свободная причинность, или посредством онтологического совмещения свободы с необходимостью. Кант реализовал в своей философской системе оба способа.

Литература:

1. *Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense.* New Haven, London: Yale University Press, 2004. Pp. 381—384.
2. *Wood A.W. Kantian Ethics.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 123—138.
3. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964.

Путь к свободе через прекрасное: Шиллер против Канта *

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Лепилова А. И.
Москва, Россия

Аннотация. Идея свободы является ключевой для эстетики Шиллера. Внимательное прочтение кантовских «Критик» позволило ему сформулировать понятие красоты как свободы в явлении. Свобода, согласно Шиллеру, становится возможной лишь при гармоническом сочетании разумного и чувственного начал. Путь к этой свободе может быть обнаружен лишь в эстетическом состоянии. Моральная свобода также может быть обретена с помощью прекрасного: человек может быть назван свободным лишь тогда, когда в его действовании долг и склонность не противоречат друг другу. На основании этого Шиллер делает вывод о том, что долг необходимо выполнять с грацией, а не с подавлением чувственного начала в человеке.

Ключевые слова. *Кант, Шиллер, свобода, прекрасное, грация.*

Кантовские идеи критического периода оказали прямое влияние на формирование философских взглядов Фридриха Шиллера, которого мы можем считать одним из основателей немецкого идеализма.

Как и для Канта, для Шиллера принципиально важно понятие свободы. Однако Шиллер связывает его с понятием прекрасного. Эстетика, с его точки зрения, должна иметь прямую связь с этикой, поскольку прекрасное и нравственное существуют в неразрывной связи, что обнаруживается при рассмотрении трансформации его представления о красоте с его ранней философской работы «Каллий, или о красоте» вплоть до написания «Писем об эстетическом воспитании».

Центральный вопрос для Шиллера — как возможно достижение свободы человека, если мы различаем в нем действие и состояние, активность и пассивность, моральную свободу и необходимую физическую зависимость, то есть нумеральную и феноменальную его стороны — два, казалось бы, принципиально противоположных аспекта. Противопоставление двух начал в человеке является условием возникновения свободы, поскольку в этом случае дух человека получает возможность выбирать между двумя этими определениями. Однако, в противовес Канту, Шиллер говорит о свободе не как о полной независимости

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

разума от всяческих влияний со стороны чувственности, а как о функционировании разума внутри органического целого из этих двух начал. Роль красоты в данном случае такова, что при созерцании прекрасного человеческий дух погружается в эстетическое состояние, и красота здесь выступает в роли связующего звена между чувственностью и мышлением. Однако в этом случае чувственность не сводится к мышлению, а мышление — к чувственности: обе способности автономны по отношению друг к другу, являясь одновременно активными, и взаимно ограничивают друг друга без подавления.

Шиллер указывает на возможность их гармонического сочетания именно в созерцании прекрасного, развивая определение красоты как «свободы в явлении» („*Freiheit in der Erscheinung*“), данное им в более ранней работе «Каллий, или о красоте». Он развивает данную Кантом в «Критике способности суждения» идею о свободной игре познавательных способностей, которая возможна при созерцании прекрасного, и полемизирует с Кантом в вопросе об объективном определении красоты, утверждая возможность такового.

С представлением о связи между свободой и красотой связана и шиллеровская критика кантовской этики: если для Канта осуществление долга возможно и при подавлении склонности, то для Шиллера это не является показателем свободы. Напротив, в случае этического ригоризма мы позволяем подавление чувственного начала человека, что свидетельствует о недостаточной степени развития нравственного начала. Для Шиллера подлинно нравственный поступок совершается с грацией. Это значит, что нравственность становится второй природой для человека, и выполнение долга представляет собой естественное следствие его нравственного совершенства, при котором нет необходимости ограничения чувственности, т. е. всякое исполнение долга вызывает удовольствие, наподобие удовольствию от созерцания прекрасного.

Литература:

1. Кант И. Критика способности суждения / Кант И. Соч. в 8 тт. Т.5. М.: Чоро, 1994.
2. Шиллер Ф. Каллий, или о красоте / Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т.6. М.: Гослитиздат, 1957. С. 70—114.
3. Шиллер Ф. О грации и достоинстве / Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т.6. М.: Гослитиздат, 1957. С. 115—170.
4. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. Т.6. М.: Гослитиздат, 1957. С. 251—358.

‘Ethics is Transcendental’ (*Tractatus Logico-Philosophicus*, 6.421)

УДК 123.1; ББК 87.1 + 87.2 + 87.7

Fairhurst J.

Palma de Mallorca, Spain

Abstract. The aim in this paper is to study Wittgenstein’s claim in the *Tractatus* that “Ethics is Transcendental” (TLP 6.421). It will be shown in the article that ethics in *Tractatus* is transcendental insofar as it is internal to or constitutive of a certain mystical view: valuing the world in an absolute sense under the aspect of eternity.

Keywords. *Wittgenstein, ethics, Tractatus, logic.*

My aim in this paper is to study Wittgenstein’s claim in the *Tractatus* that “Ethics is Transcendental” (TLP 6.421). Initially, I consider some interpretations that have been offered to account for the transcendental character of ethics in the *Tractatus* while, simultaneously, singling out the problems that stem from these interpretations and suggesting a need for an alternative account.

Subsequently, I set out to offer said alternative account by resorting to Wittgenstein’s understanding of the transcendental character of logic. Logic plays a crucial role in the *Tractatus* insofar all pictures must necessarily share a logical form with reality. Combining this understanding of the role of logic in our picturing and representation of the world with the characterization of logic as “*prior* to every experience” (TLP 5.552), we obtain quite a common and straightforward Kantian interpretation of Wittgenstein claim that “Logic is Transcendental” (TLP 6.13): logic is a necessary it is a condition of the possibility of picturing the world (Kuusela 2018, 44). Consequently, claiming that X is transcendental would come to mean something along the lines of: ‘X is an *a priori* necessary condition for the possibility of a certain experience’.

Having clarified the definition of the notion ‘transcendental’, I turn to Wittgenstein’s ethics in order to determine what kind of a cognitive experience ethics is a condition of. Kuusela (2018, 44) argues that ethics is concerned with the experience of the world as something valuable and meaningful, whilst Appelqvist (2012, 202—203; 2013, 52—53, 55) argues that ethics is concerned with those experiences that Wittgenstein calls ‘mystical’. I argue that both proposals are incomplete because the experiences they describe are interdependent and not separable. Thus, combining both proposals provides us with a complete account of the transcendental character of ethics: ethics is transcendental insofar as is the precondition for the possibility of valuing the world in an absolute sense *sub specie aeterni*.

Finally, I argue that this account involves some inadequacies due to the incompatibilities between the *Tractatus* and the aforementioned Kantian understanding of the notion 'transcendental'. Consequently, I identify the peculiarities of Wittgenstein's understanding of the notion 'transcendental' and, on this basis, I set forth an adequate interpretation of his claim that ethics is transcendental. Specifically, I argue that, in the *Tractatus*, ethics is transcendental insofar as it is internal to or constitutive of a certain mystical view: valuing the world in an absolute sense under the aspect of eternity.

Категорический императив Канта в медицинской деонтологии

УДК 1/14 (091), 165.12; ББК 87.2 + 87.1

Кожокару Н. И.
Москва, Россия

Аннотация. Автор рассматривает моральные и практические аспекты применимости основных постулатов категорического императива Канта в медицинской деонтологии. Труды Канта являются гносеологическим базисом биоэтики, в то же время соответствие действий врача основным положениям категорического императива далеко не всегда является однозначно правильным и зависит от конкретной ситуации. В тезисах приводятся практически полярно противоположные по своим выводам примеры, свидетельствующие о неоднозначности и противоречивости столь, казалось бы, ясных максим категорического императива при попытке их практического применения в деятельности врача.

Ключевые слова. *Категорический императив, медицинская деонтология, иммунитет «от стада», универсальные моральные принципы.*

В «*Основах метафизики нравственности*» Кант стремится установить концепцию долга, основанную исключительно на разуме. Правильность действия вытекает из его соответствия моральному правилу, которому должен следовать любой человек, чтобы действовать рационально. Это правило Кант называет «категорическим императивом» и формулирует его следующим образом: «*поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом*». Из этого категорического императива Кант выводит вторую формулировку, которая устанавливает его идею моральной автономии. Вторая формулировка, которую создает Кант, исходя из своего категорического императива, гласит: «*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [1].

Идея автономии в измененном смысле пронизывает большую часть современной медицинской этики. Автономия в медицинской системе предполагает выбор индивидуумом самоуправления, когда речь заходит о медицинских решениях, например о вакцинации [2]. Статистические данные четко указывают на опасность, с которой могут столкнуться различные сообщества — от класса до страны или всего человечества — при высоких показателях отказа от прививок. При этом сами «отказники» застрахованы вакцинированными людьми.

Способность людей не получать вакцины, но оставаться здоровыми, основана на явлении иммунитета от стада. «Когда часть сообщества иммунизирована, большинство из них защищены от этого заболевания, потому что у вспышки мало возможностей. Даже те, кто не имеет права на определенные вакцины — например, младенцы, беременные женщины или люди с ослабленным иммунитетом — получают некоторую защиту, поскольку сдерживается распространение заразных болезней» [3]. Таким образом, иммунитет от стада создает ситуацию, которая позволяет тем, кто отказывается от прививки, использовать окружающих в качестве псевдовакцины. По сути, люди, которые решают не прививаться (если это не сделано по определенным медицинским причинам), используют других в качестве простых средств. Сопоставление идеи иммунитета стада с категорическим императивом Канта раскрывает основополагающую универсальную обязанность людей, когда речь идет о вакцинах. В данной ситуации категорический императив выступает как универсальный моральный идеал, применимый и в медицинской деонтологии.

Однако существует и другая сторона медали. Категорический императив требует, чтобы человек не совершал определенного действия, если он не может последовательно наметить ту максиму, которая мотивирует конкретное действие стать универсальным законом. Другими словами, вы должны спросить себя: «Будет ли хорошо, если бы все предприняли такие действия?» Если Вам будет удобно солгать, необходимо спросить себя: «Нормально ли это? Чтобы все лгали?» Очевидный ответ — «нет». По Канту акт лжи морально неверен, а в медицине? Пациента с фульминантным гепатитом (летальность выше 70%) вводят в наркоз для экстренной трансплантации печени. Что ответить анестезиологу на вопрос: «Я буду жить, доктор?»

Литература

1. Gregor M (trans.). Kant. Groundwork for the Metaphysics of Morals, 1785. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
2. Coggon J, Miola J. Autonomy, Liberty, And Medical Decision-Making. L.J. The Cambridge Law Journal 2011;70(03):523—547.
3. National Institute of Allergy and Infectious Disease. Community Immunity (“Herd” Immunity)// National Institutes of Health. 2010.

Раздел 10

Рецепции трансцендентализма. Трансцендентальные исследования

Кант и социальные онтологии

УДК 1/14 (091), 78.01; ББК 87.2 + 85.31

Михайлов И. Ф.
Москва, Россия

Аннотация. В докладе критически рассматривается концепция социальной онтологии Тони Лоусона. Я анализирую интерпретацию трансцендентальной аргументации Лоусона как заключение от обобщенных особенностей нашего опыта к конечным свойствам реальности и показываю, что такой вывод может быть только абдуктивным и, следовательно, вероятностным. Я противопоставляю подходу Лоусона концепцию онтологий как произвольно разработанных концептуальных схем, служащих моделями, на которых интерпретируются теории.

Ключевые слова: *онтология, теория, естественные науки, социальные науки, трансцендентальный вывод*

Одним из наиболее популярных подходов к проблеме социальных онтологий является концепция Тони Лоусона [1; 2; 3; 4]. Лоусон исходит из презумпции явленности подлинной социальной онтологии в «повседневных теориях» (*lay theories*) относительно природы и форм собственной коллективности, которых придерживаются участники социальных взаимодействий [1, 27]. Именно в этом обстоятельстве видит он особенность социального познания: если в естественных науках онтологии часто бывают контр-интуитивными и появляются как результат определённого «исследования», то в социальном знании они изначально присутствуют в сознании участников социального процесса и, по его мнению, являются надёжным источником выводов о подлинном составе социальной реальности [1, 31].

Убеждение в надёжности «повседневных теорий» в качестве основы построения научных онтологий в социальном познании Лоусон обосновывает тем, что он называет «трансцендентальным рассуждением» (*reasoning*). По его мнению,

трансцендентальный аргумент представляет собой движение мысли от обобщённых свойств нашего опыта к пониманию условий его возможности [1, 29]. Сторонники идеи интерналистской метафизики — в частности, Карнап и Патнэм, — демонстрируя в целом трансцендентальный подход, испытали влияние Канта. Кант же, как это формулирует Лоусон, заменил исследование природы реальности исследованием возможностей её познания. Однако, по его мнению, недостаток трансцендентального идеализма Канта состоит в том, что он понимал исследование этих возможностей как анализ априорных концептуальных схем, в которых только мы и можем мыслить реальность, и именно поэтому вынужденно противопоставлял исследование условий познания самому познанию реальности. Подход Лоусона состоит в том, что общие свойства реальности раскрываются не только в теоретических схемах, но и в практиках как их общие свойства: например, в научном экспериментировании и социальных взаимодействиях. Выявляя общие свойства практик, мы раскрываем нечто важное в реальности [1, 28].

В докладе я привожу ряд критических аргументов против концепции Лоусона. В частности, я показываю, что, эта концепция — результат игнорирования эпистемологической специфики любой онтологии, отличающей её от собственно теории. Это игнорирование ведёт к ложному убеждению, что социальная реальность адекватно раскрывается в наших обыденных концепциях, описывающих социальные взаимодействия. Согласно моему видению, ни научные, ни обыденные социальные онтологии не раскрывают никаких истин о какой-либо предельной реальности: они просто предлагают тот или иной произвольный схематический взгляд на возможный состав объектов, который дополняется теориями в собственном смысле слова, утверждающими нечто о постулированных объектах. Эти основанные на онтологиях теории хорошо или плохо объясняют факты. И лишь в рамках вероятного абдуктивного вывода можно заключить, что, если теория работает, то ее онтология раскрывает некоторый фрагмент кантовской вещи-в-себе.

Литература:

1. Tony Lawson, “A conception of social ontology,” in *Social Ontology and Modern Economics*, S. Pratten, Ed. London ; New York: Routledge, 2015, pp. 19—52.
2. Tony Lawson, “Ontology and the study of social reality: emergence, organisation, community, power, social relations, corporations, artefacts and money,” *Cambridge J. Econ.*, no. 36, pp. 345—385, 2012.
3. Tony Lawson, “Comparing Conceptions of Social Ontology: Emergent Social Entities and/or Institutional Facts?,” *J. Theory Soc. Behav.*, vol. 4, no. 46, pp. 359—399, 2016.
4. Edward Fullbrook, Ed., *Ontology and Economics: Tony Lawson and his critics*. London ; New York: Routledge, 2009.

Трансцендентальный подход к социальному познанию

УДК 1/14 (091), 111.82; ББК 87.2+87.1

Кускова С. М.
Москва, Россия

Аннотация. В статье намечен путь обоснования познания предметов, понимаемых не как индивиды, а как совокупности. Социальное измерение имеет всякий объект от множества до человеческого общества. Исходя из положения Канта о проецировании субъектом структуры своей организации на объект, мы пытаемся найти такие априорные формы общественного сознания, которые задают видение явлений как состоящих из однородных частей.

Ключевые слова: *трансцендентальный подход, априорные формы, социальное познание, формальные свойства, общественное сознание.*

Исследование априорных форм познания явлений на первом этапе отвлекается от внутренней структуры явлений, рассматривая их как индивиды. Учитывая их положение в пространстве и времени, вхождение в те или иные отношения, присутствие или отсутствие, степень достоверности для рассудка, мы проецируем на многообразии явлений структуру деятельности индивидуального сознания. Для подведения предмета под категории и априорные формы чувственности полезно принимать предмет любой степени сложности за индивид. Этот индивид стоит в познавательном отношении к трансцендентальному субъекту, задающему единственную перспективу видения объекта. Но само многообразии возможных явлений не определено именно этой перспективой, оно не предполагает единственности данного. Надо прояснить характер такого многообразия.

Индивидуальное сознание — это результат развития сознания общественного и сохраняет в себе структуры социальности. Это структуры могут быть проецированы на объекты. Если объект необходимо имеет особое социальное измерение, то возможна фундаментальная наука о социальных структурах любых предметов вообще. Дихотомия «индивидуальное — социальное» не зависит от противопоставления «биологическое — духовное» даже в изучении природы человека. Любой объект: физический, биологический, идеальный, может представлять собой индивид или совокупность. Человеческое сознание, направленное на объект, может рассматриваться в одном аспекте как индивидуальное Я, а в другом аспекте как центр пересечения социальных отношений. При отвращении от всякого содержания этих отношений получим чистую структуру со-

циальности вообще, имеющую корреляты в структурах предметов неклассической науки. Соответственно двум измерениям сознания, его предмет, с одной стороны, есть единство, определяемое свойствами, присущими этому предмету независимо от других предметов. С другой стороны, предмет есть результат взаимодействия не только элементов, из которых он состоит, но и структур, элементом которых он сам является. Второй аспект и есть социальный параметр явления, имеющий трансцендентальные основания в социальной структуре субъекта.

Такие характеристики сознания, как внутренняя системная организованность и наличие разных типов связи с разными типами других сущностей, влияют на характеристики явления.

Разбиение многообразия внешних явлений на разные классы эквивалентных элементов воспроизводит строение социального субъекта.

Неклассическая наука, представленная концепциями самоорганизации, которые не суть особые дисциплины, а скорее, аспекты рассмотрения всякой системы, имеет основание в способности суждения универсального субъекта.

Плодотворность трансцендентального подхода к изучению социальных форм выражается в конструировании новых свойств познающего субъекта посредством их усмотрения в системной организации объекта. Это не социальная герменевтика, расшифровывающая в письме философа бессознательные проблемы социального класса, к которому он принадлежит. Это формальные характеристики самого типа социальной системы, которому принадлежат и трансцендентальный субъект, и познаваемый объект. Априорная структура деятельности рассудка налагает самые общие ограничения на явление, задаёт рамочные параметры. Опираясь на них, рассудок обнаруживает в явлении новые свойства, не редуцируемые к сумме свойств его частей. Однако выявление эмерджентного свойства имеет основание в организации субъекта, и было только спроецировано на объект. Следовательно, общая схема эмерджентного свойства объекта присуща сознанию, которое не просто наблюдает отражённые в объекте свойства самого себя, но и создаёт их и присваивает. Социальная структура сознания не задана, а конституируется за счёт приращения информации о системных свойствах явлений.

Литература:

1. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994, 367 с.
2. Кант И. Критика Чистого разума. // Кант И. Соч. в 6Т. т. 3, — 1966.
3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. Энгельс Ф. Собр. Соч. т. 24. М.: Госполитиздат, — 1974, — 566с.
4. Нарский И.С. Кант, М.: Мысль, — 1976, — 207 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, — 1993, — 464 с.

Язык как условие возможности познания в философии И.Г. Гамана

УДК 1/14 (091), 111.82; ББК 87.2+87.1

Лызлов А. В.
Москва, Россия

Аннотация. Проблема языка для гамановской философии является центральной. Эта проблема разрабатывается им на протяжении всего его творчества. Гамановское понимание языка имеет решающее значение для его «метакритики» «Критики чистого разума» Канта. Одна из важных линий его метакритики состоит в том, что отношение, которое Кант пытается описать как отношение «бессловесной» чувственности и оперирующего понятиями рассудка, Гаман осмысливает как отношение «рецептивности языка и спонтанности понятий» (или: «рецептивного и спонтанного языка»). Воспринимаемое нами благодаря рецептивности языка «оплодотворяет», согласно Гаману, наш наделённый свободой дух, побуждая его в ответ вырабатывать понятия, которые опять же входят в язык и языковую коммуникацию, организуя наше восприятие. Гамановский подход даёт возможность интегрального рассмотрения познания (в том числе, и научного) в многообразных присущих ему или сопряжённых с ним аспектов.

Ключевые слова: *Гаман, Кант, язык, чувственность, рассудок, рецептивность, спонтанность.*

Тему языка можно по праву назвать центральной темой философии И.Г. Гамана. Эта тема является ключевой и для гамановской «метакритики» критической философии Канта: Гаман указывает на то, что Кант в единстве со всей философией Просвещения понимает разум как самодовлеющую инстанцию — внеисторичную и безотносительную к человеческой телесности. Так понимаемый разум является для Гамана неким химерическим «идолом и идеалом», последовательно изобразить который позволяет Канту *язык* как дающий возможность и раскрытия истины, и заблуждения. Именно язык является трансцендентальным условием возможности самой Кантовой философии — условием возможности, которое Кант сокрывает, создавая иллюзию сущностной независимости своей мысли от языковых предпосылок. Язык при этом мыслится Гаманом как историчный и существующий лишь в конкретно-телесном осуществлении говорения; познание истины является усилием, осуществляющимся в конкретно-исторической языковой и речевой ситуации, и осуществляющий это усилие разум (по Гаману — «сын» языка) не имеет «иной верительной грамоты, нежели предание (Überlieferung), и наоборот» [1]. При этом по Гаману сам опыт как таковой всегда дан «в языке».

Гамановское понимание языка в ряде определяющих черт предшествует пониманию языка, которое в XX веке даст М. Хайдеггер, особенно в своих поздних работах, и, вслед за Хайдеггером, Г.-Г. Гадамер. Как и для Гадамера, для Гамана язык «есть всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира, и в этом смысле ничем не заменим. Прежде всякой философски нацеленной критической мысли мир для нас есть всегда уже мир, истолкованный в языке» [2, 29].

Отношение, которое Кант пытается описать как отношение «бессловесной» чувственности и оперирующего понятиями рассудка, Гаман осмысливает как отношение «рецептивности языка и спонтанности понятий» (или: «рецептивного и спонтанного языка»), находящихся в постоянном двустороннем взаимодействии и представляющих собой скорее «два корня» единого ствола, нежели «два ствола» нашего познания [1]. Воспринимаемое нами благодаря рецептивности языка «оплодотворяет» наш наделённый свободой дух, побуждая его в ответ вырабатывать понятия, которые опять же входят в язык и языковую коммуникацию, организуя наше восприятие.

Гамановский подход даёт возможность интегрального рассмотрения познания (в том числе, и научного) в многообразных присущих ему или сопряжённых с ним аспектов: историческом, антропологическом, социально-политическом, экзистенциальном и др. Продуктивность этого подхода мы попытаемся раскрыть в докладе.

Литература

1. Hamann J.G. *Metakritik über den Purismus der Vernunft* [Электронный источник. URL: www.hamann-kolloquium.de/metakritik Дата обращения: 20.02.2020]
2. Гадамер Х.-Г. *История понятий как философия* // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 26-43.

Трансцендентальный метод в музыкальных исследованиях

УДК 1/14 (091), 78.01; ББК 87.2 + 85.31

Мёдова А. А.
Красноярск, Россия

Аннотация. В докладе осмысливается специфика трансцендентального метода в исследованиях музыки. Музыка представляется как одновременно объективный и субъек-

тивный феномен, так как музыкальность заключена в реально существующих звуках. Но при этом восприятие звуков как музыки — это каждый раз событие личного опыта. Невозможность локализации музыкального опыта в объективном или субъективном модусах служит обоснованием применимости к ее анализу трансцендентального метода как нацеленного на «исследование такой сферы, которая не является ни объективной, ни субъективной» [2].

Ключевые слова: *трансцендентальная философия, феноменология музыки, мета-физика опыта (явлений), непосредственные аудиальные данные.*

Исследование музыки требует работы с ней как с воспринимаемым на слух феноменом. Этого же требует ее специфика как вида искусства; в природе музыки звучать, а затем уже быть помысленной или записанной нотами. В этой связи востребованы стратегии ее осмысления, выходящие за пределы музыкально-ведческого анализа нотного текста. Таковыми могут быть социологический или культурологический анализ музыкальных практик, исследования психологии музыкального восприятия, изыскания в медицинском и арт-терапевтическом ключе [1; 3], в контексте энвайроментализма [4], анализ повседневного музыкального опыта [5] или современных экспериментальных форм аудиального искусства [6]. Однако первенство в этом ряду подходов принадлежит именно трансцендентально-феноменологическому методу в силу двух причин. Во-первых, он открывает доступ к тем непосредственным слуховым данным, очевидность которых является источником музыки. Во-вторых, он фиксирует процессы, обеспечивающие корреляцию сознания со звуковой предметностью. Речь идет о схватывании конститутивных актов, «создающих» феномен музыки. Трансцендентальный метод позволяет мыслить музыку как звучащую явленную материю и, в то же время, не отнимает у музыкального восприятия его творческий характер. Творческим является порождение сознанием тех ментальных схем, которые позволяют услышать нечто как музыку.

Аутентичность трансцендентального метода музыкальным исследованиям можно проиллюстрировать идеей С.Л. Катречко. Он предлагает понимать трансцендентализм не как «философию объекта», целиком ориентированную на предметность, но и не как «философию субъекта», мыслящую сознание как исходную точку, из которой наблюдается реальность. Трансцендентализм есть «философия явления», занятая исследованием такой сферы, которая не является ни объективной, ни субъективной [2, 1079]. Именно такова по своей природе музыка. Она одновременно объективна, так как музыкальность заключена в звуках самих по себе, человеком она лишь распознается, улавливается. Но музыка также субъективна, это каждый раз событие личного опыта, которое может быть неудачным или вовсе не состояться, как в том случае, когда человек не признает за звучаниями право называться музыкой. Трансцендентально-фе-

номенологический метод позволяет понять, как возникает музыкальный опыт и само понятие «музыкального»; он возникает как созидание уже созданного, как завершение данности.

Однако этот метод впускает множество вопросов. Какие именно первичные аудиальные данные следует анализировать при восприятии музыкального произведения? Заключена ли музыкальность в отдельных звуках самих по себе или их связях? Как интегрирован в акустические данные модус темпоральности? Как соотносятся микро- и макроуровни музыкального времени, т.е. элементарные ритмические соотношения звуков и архитектура музыкальной формы? Следует ли учитывать образно-эмоциональный аккомпанемент музыкального восприятия или же, напротив, его редуцировать? Игнорировать ли сопутствующие телесные неаудиальные ощущения? За всеми этими вопросами стоит один, ответ на который можно дать лишь в рамках трансцендентального метода: как возникает связь между чистой данностью звуков как таковых и качеством «музыкальности»?

Литература:

1. *Christensen E.* Music Listening, Music Therapy, Phenomenology and Neuroscience. Aalborg University, Denmark, 2012. <http://www.mt-phd.aau.dk/phd-theses>
2. *Katrechko S.* Transcendentalism as the Special Type of Philosophizing and the Transcendental Paradigm of Philosophy // *Natur und Freiheit: Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. Pp. 1073—1082.
3. *Moseley P., Alderson-Daya B., Kumarc S., Fernyhough C.* Musical hallucinations, musical imagery, and earworms: A new phenomenological survey // *Consciousness and Cognition*, 2018. № 65. Pp. 83—94.
4. *Moss J., Whalley P. A., Elsmore I.* Phenomenological psychology & descriptive experience sampling: a new approach to exploring music festival experience // *Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events*, 2019. <https://doi.org/10.1080/19407963.2019.1702627>
5. *Szyszkowska M. A.* Musical Phenomenology: Artistic Traditions and Everyday Experience // *Avant*, 2018. № 9 (2). Pp. 141—155.
6. *Лукьянова О.* К проблеме феноменологии звука // *Артикульт*. 2015. №2 (18). С. 77—85.

Humanity as the transcendental subject of science: Bulgakov vs Kant

УДК 123.1; ББК 87.1 + 87.2 + 87.7

Danilkina N.
Kaliningrad, Russia

Abstract. The talk focuses on Sergei Bulgakov's argument against Kant's transcendental subject. In Bulgakov's metaphysics, the knowing subject is Sophic. This means that she possesses the ontic quality of living organic unity. Kant's transcendental subject is claimed lifeless and devoid of being. It is abstract, fictional and "dissected" according to the pragmatic interests of critical philosophers. Further research discovers a metatheoretical level of Bulgakov's dissent with Kant. By rejecting the transcendental subject of critical philosophy, Bulgakov repudiates philosophy as a science. This can be regarded as a response to the Aufklärer and his followers, who attempted to discard "non-scientific" metaphysics.

Keywords: metaphysics, Russian religious thought, Sophia, Sophiology, transcendental subject, humanity, worldview, metaphilosophy, philosophy of science

Kant's critical philosophy was one of the main sources for the projects of "scientific" philosophy developed by neo-Kantians in the late 19th — early 20th century, which were concerned with a method and position of philosophy in scientific domain. Sergei Bulgakov did not support such metamorphoses. The so-called "scientific" attitude in philosophy, he maintained, came with a mechanical view of nature. Kant and especially the "new forms" of Kantianism, in his opinion, promoted this type of attitude. Critical philosophy deliberately confined itself with a conception of nature, in which natural connections were understood solely in terms of physical casual relationships [1].

One of Bulgakov's major counterarguments addresses the concept of transcendental subject. The central idea of Kant's epistemology, Bulgakov writes, is the universal validity (Allgemeingültigkeit) of knowledge. The universally valid knowledge is possible and understandable provided that there is the universal transcendental subject. However, Kant's transcendental subject of knowledge does not live. It does not pertain to the living and embodied I, but to a skeleton of the epistemic forms used by scientists and critical philosophers according to their purposes.

The universal ground of scientific research, Bulgakov elaborates, cannot be merely formal, since the universe is not void. Accordingly, the knower cannot be a mere idea or a method (as she may be conceived in Neo-Kantianism). She must have being in herself. Bulgakov's own vision of the subject is framed by a Sophiological idea. The unified transcendental subject, he notes, has different names in the

history of thought — the World’s Soul, Pleroma, Divine Sophia, Natura Naturans, etc., but it is generally understood as the organism of living ideas. The Sophic transcendental subject is the whole humanity (человечество), the metaphysical unity of all human beings that have been ever born and will be born. Human beings with their senses are the “organs” of the living and embodied subject of all humanity. The Sophic unity of subject embracing all human beings explains, in Bulgakov’s view, why there are no subjects of knowledge that are fully isolated from each other like transcendent epistemological worlds.

From the perspective of Kant’s critical philosophy, the idea of the whole humanity, which is described through the mystical intuition of Sophia, lies beyond human capacity of understanding. Knowledge of such totalities is not authorised even on the borders of the epistemic domain [3]. The specifics of the existence of the unity can be neither approved nor disproved by reason.

In effect, the present analysis reveals a meta-theoretical level of the disagreement in question, which can be interpreted as a collision of worldviews underlying the thinkers’ doctrines. The variety of worldviews was a hotly debated issue in the first half of the 20th century. Faith (Glaube), not knowledge was claimed then the nucleus of every worldview [2].

References:

1. Булгаков С. Философия хозяйства [Philosophy of Economy]. Upper Saddle River: Gregg International Publishers Ltd., 1971 [1912].
2. Jaspers K. Philosophie: I. Philosophische Weltorientierung. Berlin: Springer, 1932.
3. Kant I. Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science: With Selections from the Critique of Pure Reason, transl. and ed. Gary Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Проблема эстетического в трансцендентальной философии Иммануила Канта

УДК 1/14 (091), 111.82; ББК 87.2+87.1

Маслова А.В.
Москва, Россия

Аннотация. Доклад посвящен трансцендентальному методу И. Канта в области эстетики, работа которого была продемонстрирована в третьей Критике. Проблема эстетиче-

ского суждения лежит в граничащей области между рациональными и иррациональными когнитивными способностями. На этой границе как раз и зарождается эстетическое суждение. Процесс создания суждения и понимания происходит из совместной внутренней работы коллективного бессознательного и индивидуальных способностей суждения. Таким образом, через призму психологии сознания мы можем по-новому понять эстетику И. Канта.

Ключевые слова: *Эстетика, сознание, коллективное бессознательное, трансцендентальный метод, интуиция.*

Доклад посвящен анализу третьей критики И. Канта с точки зрения психоанализа К. Г. Юнга и последних открытий в психологии. О преодолении рации в эстетическом пространстве, которое открыл И. Кант в своей работе «Критика способности суждения» пойдет речь в докладе.

В стихии эстетического происходит преодоление границ рации, открытие *intuitio*, где поступок, эстетический акт понимания произведения, суждение сливаются в единое событие, которое К. Г. Юнг назовет выходом к коллективному бессознательному, что является с одной стороны, аналогией с моментом суждения по Канту, и одновременно, интуитивным когнитивным процессом. Причем рациональное обозначает не только когнитивную деятельность, но напрямую связанный с рацией, практический разум, реализуемый посредством феномена благоволения.

Кант строит метаэстетическую теорию, детализируя мельчайшие акты сознания под микроскопом критической рефлексии. Он исходит из стремления понять закономерность процесса эстетического суждения, поместить его творческую силу в рамки рациональной телеологии, подчинив ее воле. Однако способность суждения тут же сама заявляет о себе, разрывая оковы разумной воли, прорываясь к свободе в свободной игре воображения. Именно поэтому нельзя передать или обучить «способности схватывать быстро исчезающую игру воображения и придавать ей единство в понятии...» [Кант, 1994, с. 158].

Эта область чистой свободы, где наивность не является недостатком знаний, напротив, чем меньше знаний, тем прозрачнее и чище суждение. Однако мы не можем дать определение без выявления интеллектуального зазора в эстетическом суждении, что вызывает постоянную неудовлетворенность определений. «Способность суждения своим априорным принципом в суждении о природе по ее возможным частным законам дает ее сверхчувственному субстрату (как в нас, так и вне нас) определяемость посредством интеллектуальной способности» [Кант, 1994, с. 37]. Таким образом, способность суждения занимает пограничное состояние между интеллектом и иррациональным внутренним трансцендентальными ноуменами в сознании.

Особое внимание заслуживает *sensus communis aestheticus* и способность беспонятийной передачи внутреннего чувства, трансформирующегося в суждение, что приводит к феномену общего чувства. В коллективной деятельности сознаний возникает подобие когерентности в квантовом мире и коллективного бессознательного, связывающее все человечество посредством единых архетипических символов.

Продуктивная способность воображения в трансцендентальной эстетике в качестве гениальной объединяющей силы становится главной способностью в реализации процесса воплощения субъективного чувства в произведение искусства, которое было бы понято многими.

Гармоническое действие воображения и рассудка в их свободе предполагает внутренний парадокс человеческой природы. Сочетание несочетаемого в акте творчества можно сравнить со средневековым порывом души одновременно вовне и внутрь самой себя, который одновременно есть вера и разум, феномен и ноумен.

Положение времени и способ отношения к истории в трансцендентальной парадигме И. Канта*

УДК 123.1; ББК 87.1 + 87.2 + 87.7

Ерошенко А. А.
Москва, Россия

Аннотация. В статье будет представлен неклассический взгляд на природу времени в соответствии с парадигмой Канта. Основываясь на критике, высказанной Анри Бергсоном, возможность понимания кантовского времени будет рассматриваться двумя способами: как метафизическое и проективное время, содержащееся в социальной философии Канта, и как эпистемологическое время, известное из серии «Критика».

Ключевые слова. *Трансцендентальная философия (трансцендентализм), философия времени, Кант, проективное время, Бергсон, эпистемологическое время.*

Положение времени в трансцендентальной парадигме Канта, как принято считать: уже более 100 лет, с момента невольного включения её критики

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

А. Бергсоном в актуальную полемику по кантовским исследованиям, сохраняет за собой некое пространство недосказанности, между тем, представляя необходимые условия для установления наиболее «негативного» прочтения этого положения как положения преуменьшенной и полностью зависимой априорной формы чувственности и не более того. Подтверждения такому взгляду, казалось бы, найти не столь трудно, ведь первые рассуждения о времени, присутствующие ещё в диссертации Канта на должность ординарного профессора, и сохраняющиеся вплоть до «серии критик», дают все основания согласиться с Бергсоном, но действительно отношение Канта только таково[4, с. 395]?

Перед тем как перейти, непосредственно, к самому «телу» кантовской трансцендентальной парадигмы и времени в ней, обратимся к ранее упомянутому взгляду Бергсона, его критика такова: помимо того, с чем он частично соглашается, 1) что метафизическая сущность времени сращивается с чистой созерцательной способностью субъекта, не образуя внесубъектной онтологической функции времени, 2) время как априорная форма чувственности описывается Кантом в терминах пространства, таким образом Кант создает свою трансцендентальную парадигму, подчиняя одну априорную форму другой[1, с. 89—90]. Тогда и само время принимает форму упорядоченности моментов, выстроенных в последовательность, что противоречит генеральной установке Бергсона на «Слитное время», существующее с субъектом. Можно сказать, Бергсон, на его же взгляд, выявляет внутреннюю противоречивость «классического», эпистемологического взгляда Канта на время. На наш взгляд, дело обстоит не вполне так, Бергсон упускает различие двух «призм рассмотрения» времени: времени как метафизической сущности и времени как чистой созерцательной формы, буквально, сращивая их окончательно, подчиняя призме эпистемологического, лишая учение Канта возможности ответить на вопросы о двух взглядах на время по-отдельности.

Если мы установили возможность различения двух «призм рассмотрения» кантовского времени, невольно встаёт вопрос о поиске каждого из взглядов в корпусе текстов самого Канта. Обнаружение эпистемологического взгляда, как было показано выше, не представляет большой трудности, но где искать проявление метафизической сущности времени? Мы предполагаем, что такая возможность может исходить из трудов по «практической философии» Канта, а именно: из трактата «К вечному миру»[3]. Время здесь предстает перед нами принципиально иначе, Кант о нем говорится онтологически, само же оно направлено и телеологично, его направление — это человечество в состоянии преобладания разума, политической объединенности, моральных инвариант. При таком развернутом из метафизического, планом времени возникает и способ отношения к истории, опосредованный влиянием степени осуществлённости цели движения самой истории. Для просвещенческой парадигмы в целом, и Канта в частности, такой способ отношения к истории чрезвычайно проекти-

вен, он подразумевает высокую степень близости истории монолитности и человека, в неё помещенного, рефлексивного и чувствительного к ней.

В завершении хотелось бы отметить необходимость рассмотрения творчества самого Канта в контексте проективной модели времени. «Критика», к которой Кант обращается содержательно и именуя так свои труды — это именно такая рефлексивная связь субъекта с историей и посредством истории со своей эпохой, претворяющей теоретический разрыв с прошлым, обособляя «бесшечно» наступившее просвещенческое настоящее [2, С.14].

Литература:

1. Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т.—Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон, перевод И. Блауберг, Москва: Московский клуб, 1992. С. 45—155.
2. Вуд А. «Вечный мир» после двух столетий // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 1997. С. 3—15.
3. Кант И. К вечному миру / И. Кант, Научное-е изд., Москва: Риполь Классик, 2019. 434 с.
4. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Сочинения: в. 1964. (6). С. 390—414.

Кантовское разграничение трансцендентальных и рассудочных понятий как ключ к пониманию взаимосвязи морали и вкуса *

УДК 1/14 (091), 78.01; ББК 87.2 + 85.31

Мясникова Т. А.
Москва, Россия

Аннотация: В докладе рассматривается проблема соотношения морали и вкуса через призму кантовского трансцендентализма. Гипотеза автора заключается в том, что различие между трансцендентальными и рассудочными понятиями в кантовской теоретической философии позволяет говорить о возможности практической взаимосвязи этики и эстетики в рамках философской антропологии.

Ключевые слова: кантовский трансцендентализм, мораль, вкус, эстетика, рассудочные понятия, трансцендентальные понятия.

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

В докладе рассматривается проблема соотношения морали и вкуса сквозь призму кантовского трансцендентализма. Исследуя суждение вкуса, Кант выявляет его антиномичность, разрешение которой до сих пор является предметом дискуссий. С одной стороны, суждение вкуса не основывается на понятиях, но в таком случае люди не могли бы вести бесконечные споры об этом предмете. Из этого следует, что основание в понятии все-таки должно быть. Кант приходит к выводу, что адекватного, то есть определенного понятия суждению вкуса мы не способны дать, однако это не исключает существования неопределенной идеи сверхчувственного в нас, которую можно назвать неопределенным понятием о сверхчувственном субстрате явлений [№2, с. 253].

Гипотеза данного исследования заключается в том, что несмотря на то, что эстетика, как наука о прекрасном, и этика, как наука о нравственно должном, базируются на разных априорных принципах, в антропологическом учении И. Канта прекрасное не только содержит в себе стремление к нравственному идеалу, но и определенным образом является одним из способов его практического воплощения [№1, с. 108]. Как указывает современный немецкий кантовед В. Ойлер, кантовское притязание на создание всеобъемлющей и универсальной метафизической системы, так или иначе, предполагает единство практической и теоретической философии [№3, с. 277]. Именно разграничение трансцендентальных и рассудочных понятий в кантовской теоретической философии позволяет говорить о возможности практической взаимосвязи этики и эстетики в рамках философской антропологии.

Литература:

1. Акиндинова Т. А. Красота как символ нравственности. // Актуальность Канта: Сб. статей. / Отв. ред. Д. Н. Разеев. — СПб.: изд-во С.-Пб. гос. ун-та, 2005.
2. Кант И. Критика способности суждения. // Сочинение на немецком и русском языках. — М.: Наука, 2001. Т. 4.
3. Ойлер В. Функция и значение «критики способности суждения» в кантовской системе философии. // Иммануил Кант: наследие и проект. Научное издание [Текст] / Под ред. В. С. Степина, Н. В. Мотрошиловой. — М.: «Канон+». РООИ «Реабилитация», 2007. — 624 с.

Анализ «Черного квадрата» К. Малевича в контексте феноменологического метода восприятия прекрасного Ж.-Л. Мариона*

УДК: 111 ББК: 87.85

Подобуева Е. В.
Москва, Россия

Абстракт. Данная работа посвящена попытке проанализировать супрематическую картину К. Малевича «Черный квадрат» в контексте феноменологического метода Ж.-Л. Мариона и его теории о насыщенных феноменах. Основным тезисом данной работы является предположение, что отдельные абстрактные картины могут быть отнесены не только к феноменам идола и, но и к феноменам иконы.

Ключевые слова: феноменология, Казимир Малевич, Жан-Люк Марион, насыщенные феномены, супрематизм.

Проблема взаимодействия феноменологии и искусства, в особенности искусства абстрактного, представляется обширным полем для дискуссии. Как замечает М. Маяцкий: «Встреча феноменологии с абстрактным искусством представлялась априори обреченной, и прежде всего со стороны художников, бойкотировавших академическую мысль» [5, с. 42]. Э. Гуссерль, традиционно считающийся отцом феноменологии, имел довольно противоречивые взаимоотношения с данным абстракционизмом. К примеру, он считал все искусство миметичным [там же, с. 56], против чего как раз и протестовало большинство сторонников абстрактного искусства. И тем не менее, вновь обращаясь к Маяцкому, мы можем подметить, что у абстрактного искусства и феноменологии довольно много общих точек соприкосновения. Наиболее важными из них представляются: фигурирующие часто и в феноменологии, и в абстрактном искусстве тезисы об обучении зрению и критики естественной установки [там же, с. 53]. Целью настоящей работы является попытка показать то, как могут взаимодействовать искусство беспредметного и феноменологическая эстетика на примере супрематического творчества К. Малевича, а именно его «Черного квадрата» и феноменологии Ж.-Л. Мариона.

Марион полагает, что феномен может работать и в области не-объектного, не-сущего. Он выделяет 3 вида феноменов: «феномены, лишённые созерцания или бледные созерцанием» (формальные языки, математические идеализации),

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Трансцендентальный подход в философии: история и современность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

обычные феномены и насыщенные феномены [3, с. 97—98]. К сфере феноменов, «работающих» в области не-сущего относятся как раз насыщенные феномены, т.к. они «ускользают от предметного конституирования в силу избытка созерцания» [там же, с. 98]. В рамках данной работы мы рассмотрим два типа насыщенных феноменов: идола и иконы, предприняв попытку показать, что находясь в философском пространстве Малевича его «Черный квадрат», который, на первый взгляд относится к феноменом «идола», может выполнять функции феномена «иконы». Данный тезис мы аргументируем тем фактом, что Малевич допускает и утверждает возможность познания Бога посредством эстетического акта интуиции [2, с. 28—30], который в том числе может осуществляться через живописное полотно, которое, согласно Мариону возможно только в случае, если перед нами феномен «иконы». Для Малевича в «Черном квадрате» как некоем перво-сущем и абсолютном уже заключены все смыслы, он завершен и совершенен [1, с. 197—200], а воспринять его можно исключительно в акте интуиции. Однако, тезис Мариона о раскрытии в живописном беспредметном полотне невидимого через смещение с видимым [4, с. 3—18] представляется очень удачным и точным. Идея насыщенных феноменов дает возможность для расширения поля феноменологических исследований до области эстетики. Кроме того, подобные интенции показывают то, что область феноменов может лежать в не-сущем, давая тем самым простор для трансценденталистских интерпретаций феноменологии.

Литература:

- Малевич К.* Мир как беспредметность, или Вечный покой// Малевич К. Собрание сочинение Т. 3 Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. С приложением писем К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918—1924). Ком. и Сост. А. С. Шатских, «Письма К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918—1924)» . — М.: Гилея, 2000. — с. 69—326
1. Малевич К. Черный квадрат. «От кубизма и футуризма к супрематизму»/ Казимир Малевич. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — С. 15—40
 2. *Марион Ж.-Л.* Насыщенный феномен / пер. В.В. Земсковой и Г.Б. Юдина под ред. А.В. Ямпольской и С.А. Шолоховой// в кн.: (Пост)Феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проспект, 2014. — с. 63—99
 3. *Марион Ж.-Л.* Перекрестья видимого. М.: Прогресс-Традиция, 2010. — 111 с.
 4. *Маяцкий М.* Гуссерль, феноменология и абстрактное искусство (6 (63), 2007). С. 41—62

**Пространство и время как «априорные истины»
в философских исканиях Д.Н. Цертелера***

УДК 1/14 (091), 78.01; ББК 87.2 + 85.31

Савинцев В. И.
Калининград, Россия

Аннотация. В докладе предпринята попытка рассмотрения эволюции взглядов Д.Н. Цертелера на пространство и время: от волюнтаризма к трансцендентализму. Показано, что в ранний период творчества философ был близок онтологическим и гносеологическим идеалам А. Шопенгауэра. Пространство, время и движение выводились автором из «закона причинности», который, в свою очередь, обеспечивает связь субъекта с внешним миром.

В поздней гносеологической концепции Цертелера акцент переносится с объекта на субъект. Здесь время и пространство рассматриваются уже как «врожденные идеи», «априорные истины», выступающие интеллектуальной основой всякого опыта.

Ключевые слова: *время, пространство, закон причинности, врожденная идея, «априорная истина».*⁴

Изучение трансцендентализма невозможно без обращения к мыслительным традициям прошлого. Русская философия в лице В.С. Соловьева и его окружения представляет достаточно интересный материал для исследования априорных оснований интеллектуальной деятельности. Одним из представителей этого направления был юрист, историк и философ князь Д.Н. Цертелев [1, с. 861—862]. Проблеме осмысления пространства и времени как познавательным формам он посвятил две работы: «Философия Шопенгауэра: теория познания и метафизика» («Второй отдел» — изложение собственных взглядов на проблему) [2] и вышедшая через 14 лет статья «Пространство в время как формы явлений», которая представляет собой концептуально переработанную версию первого материала.

В начале творческого пути Цертелев отклонил все еще популярный в среде русских философов-идеалистов кантовский подход, где время и пространство — априорные формы чувственности. Также мыслителем был отклонен и подход материалистов, полагавших, что пространство и время — атрибуты материи. За основу своей начальной концепции Цертелев принимает волюнтаризм А. Шопенгауэра, согласно которому окружающий мир — это представляемый объект, с которым связано и которому противостоит созерцающее сознание

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00302А.

субъекта. Основанием для исчерпывающего знания о мире является «закон причинности». В первом тексте Цертелев четко обозначает пространство и время *проявлениями* закона причинности и утверждает, что представления о пространственном расположении объектов, их движении, временном изменении мы получаем не от чувственных способностей души, поскольку изначально совершенных когнитивных априорных структур, о которых писали идеалисты, мы не имеем. Источник пространственно-временных представлений — *природный мир*. С точки зрения Цертелева, необходимо последовательно проанализировать то, как нам даются предметы в опыте и иллюзии идеализма, материализма и их вариаций исчезнут. Так, если говорить о времени, то, даже при условии, что мы знаем о прошлом и будущем, объекты нам даются в настоящем. Русский философ воспроизводит реляционистский аргумент о том, что то, что мы воспринимаем как наше настоящее, для самого объекта является уже его прошлым (солнечный свет). Ограниченным образом мы постигаем и пространство, которое само по себе не можем представить, и движение, которое также представляется исключительно с помощью пространства и времени.

При всей заманчивости и некоторой убедительности шопенгауэровских идеи Цертелева о том, что, благодаря «закону причинности» внешний мир постоянно, подобно современному спутнику, корректирует наше представление об объектах, философия должна искать устойчивые основания явлений. Таковые можно найти лишь в субъекте познания. Во второй статье Цертелев, обратившись к традициям философии трансцендентализма, отмечает, что основаниями пространственных и временных представлений выступают уже «врожденные идеи». «Идеи пространства и времени, — пишет он, — не могли быть заимствованы из опыта, так как они предполагаются уже данными в каждом опыте» [3, с. 245]. И далее: «Если иногда из самых очевидных априорных истин, служащих основанием для всего нашего мышления, вытекают кажущиеся противоречия и несообразности, то все-таки проще усомниться в точности того логического процесса, который приводит к такому заключению, нежели в тех аксиомах, которые служат основанием всякого мышления» [3, с. 246]. К сожалению, развернутого учения о способностях субъекта Д.Н. Цертелев в указанном материале не дает. Однако его поздний философский взгляд оказывается близким творческим исканиям В.С. Соловьева, Н.Я. Грота и С.Н. Трубецкого.

Литература

1. Алексеев П.В. Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды. М.: Академический проект, 1999.
2. Цертелев Д.Н. Философия Шопенгауэра: теория познания и метафизика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 288 с.
3. Цертелев Д.Н. Пространство и время как формы явлений // Вопросы философии и психологии М., № 23(3), 1894. С. 235—247.

Раздел 11
Информация.
Приложения (Appendixes)

Section 11
Appendixes; Reference materials; Information

Annotations (Abstracts; in English)

Authors (in Russian)

Authors (in English)

Content (in English)

Annotations (English)

Artemenko N.A. Transformation of the concept of the world in early Heidegger

Abstract: We will turn to the thematisation of the transformation of the concept of the world, focusing on Heidegger's early courses and partly on his project of fundamental ontology. We will pay special attention to several topics of early Heidegger, namely: 1) the concepts of the world in the lectures of 1919/1920 "Main problems of phenomenology"; 2) in addition, we will consider several key aspects of the manuscript of M. Heidegger "Phenomenological interpretations of Aristotle", (Natorp-Bericht)/ 1922; 3) we will turn to the lectures of 1921/1922 "Phenomenological interpretations of Aristotle. Introduction to phenomenological research", since they mark the beginning of Heidegger's "dialogue" with Aristotle and at the same time an attempt to formulate his own philosophical concept more precisely.

Keywords: M. Heidegger, Selbstwelt, Mitwelt, Umwelt, Aristotle, hermeneutics of facticity.

Balanovskiy V.V. Unconscious as a sufficient reason: Kant on dark representations

Abstract: The author by the analyzing "Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy" substantiates the hypothesis that Kant's deliberations on dark or obscure representations are an attempt to comply with the law of sufficient reason. Kant took such a move in order to preserve his system from intuitivism.

Keywords: dark or obscure representations, unconscious, law of sufficient reason

Belousov M.A. Husserl vs Galileo: the naturalism critique overturned

Abstract: In Philosophy as Rigorous Science Husserl describes naturalism as one of the main dangers threatening European culture. The article substantiates the thesis that the Husserlian criticism of Galileo in Crisis is an inverted criticism of naturalism, and its heuristic value for the phenomenological genealogy of natural science is demonstrated.

Keywords: naturalism, phenomenology, Husserl, Galileo, idealization

Belov V.N. Philosophy of the religion of Cohen and Natorp: controversy and disagreement

Abstract: The article provides a comparative analysis of the approach to the phenomenon of religion of the two main representatives of the Marburg school of neo-Kantianism. It is proved that the definition of religion, its place in the cultural life of man and mankind became a stumbling block and caused the most heated debate and disagreement between Cohen and Natorp.

Keywords: philosophy of religion, religion of reason, religious feeling, Cohen, Natorp.

Berdas S.V. The problem of application the phenomenological method in existential-phenomenological psychology

Abstract: In this theses, I will consider the problem of the implementation of the phenomenological method in existential-phenomenological psychology. I will propose a scale for the implementation of this method: from complex application (i.e., as part of a project of Wissenschaftslehre) to selective one. I will emphasize that, on the whole, existential-phenomenological psychology occupies an intermediate position between philosophy and psychology, which calls into question the position of its subject-methodological foundations and competencies.

Keywords. Phenomenological method, psychology, knowledge, fundamentalism, Husserl.

Bitekhtina L.D. Anthropological sketches: gift and vocation (Based on “Kantian Variations” by M.K.Mamardashvili)

Abstract: The ancient Greeks considered the love of wisdom associated with the moral improvement of man to be true philosophy. Aristotle introduced a different line of philosophy as science and love of knowledge. Thomas Aquinas solved the problem of the ratio of extra-religious knowledge to faith. Philosophy has embarked on a principled path of complete autonomy from religious justification. Kant brought philosophy back to moral and ethical problems by carrying out agnoseological twist of his time.

Keyword: Gift, calling, self-knowledge, effort, faith, knowledge, thinking, space

Bolotov I.V. Two histories of Reason in I. Kant.

Abstract: The proposed theses are devoted to the discussion of history in I. Kant. This question is posed in the perspective of the unity of Kantian philosophy from famous Critiques to Anthropology. Author presents an attempt to reveal the internal logic of the Kantian project, which despite the a priori status claimed by him, leads to thematization of historicity in two different directions. These two paths of the “history of reason” are in the focus author’s attention.

Keywords: I. Kant, history of reason, Anthropology from a pragmatic point of view, philosophy of history

Cibotaru V.L. Universal grammar project from a phenomenological point of view.

Abstract. In this study, I will examine the possible contribution of phenomenology, more precisely, of Husserlian phenomenology, to the research project of a universal grammar, specific to modern Chomskyan linguistics.

The main idea of this study is that this dialogue between Husserl’s phenomenology on grammar and modern linguistics can lead to us to state the complementarity of phenomenology and linguistics for the study of universal grammar. In particular, Husserl’s

later phenomenology presents the prospect of genetic research on the origin of the meaning of grammatical categories, such as, for example, the subject, which we do not find in Chomskyan linguistics.

Keywords Husserl, Chomsky, phenomenology, grammar, linguistics

Danilkina N. A Collision of worldviews: Sergei Bulgakov's criticism of Kant's transcendental subject

Abstract: The talk focuses on Sergei Bulgakov's argument against Kant's transcendental subject. In Bulgakov's metaphysics, the knowing subject is Sophic. This means that she possesses the ontic quality of living organic unity. Kant's transcendental subject is claimed lifeless and devoid of being. It is abstract, fictional and "dissected" according to the pragmatic interests of critical philosophers. Further research discovers a metatheoretical level of Bulgakov's dissent with Kant. By rejecting the transcendental subject of critical philosophy, Bulgakov repudiates philosophy as a science. This can be regarded as a response to the Aufklärer and his followers, who attempted to discard "non-scientific" metaphysics.

Keywords: metaphysics, Russian religious thought, Sophia, Sophiology, transcendental subject, humanity, worldview, metaphilosophy, philosophy of science

Dokuchaev I. I. Phenomenology as a rigorous science and the problem of demarcation of philosophy and science

Abstract: The concept of science in phenomenology is considered in two ways: science appears as a strict science, based on the discretion of the essence (philosophy), and as a science of random facts. Thus, philosophy takes precedence over science. In analytical philosophy, science is seen as an experimental and falsifiable cognitive practice, and philosophy is seen as unfalsifiable. Thus, science takes precedence over philosophy. However, both of these traditions base their statements on various argumentative bases, so it is not possible to identify the advantage of one or another point of view.

Keywords Phenomenology, science, falsifiability, philosophy, Husserl.

Drozetskaya E.V. The Problem of Correlation between the Phenomenological and the Aesthetic Attitude in E. Husserl's Works

Abstract: It was E. Husserl who raised an issue of correlation between the phenomenological and the aesthetic attitude and examined the role of imagination (phantasy) in a phenomenological method. In this paper I try to find out whether the aesthetic attitude has anything in common with the phenomenological one and if it is so in what aspects they keep the difference.

Keywords: phenomenological attitude, phenomenological method, aesthetic attitude, imagination, phantasy, Bildobjekt, Bildsujet, neutrality modification

Dvorkin I.S. Cohen, Heidegger, and the Scientific Revolution of Modern Times

Abstract: In our report, we will try to consider in detail the reception of the scientific revolution of Modern Times by Herman Cohen. The key problem is incompatibility of Galileo's physics with Aristotle's metaphysics. Herman Cohen accepts this challenge. His new theory of subjectivity, new logic, a new understanding of time and the temporality of being are elements of his philosophical system. From the same starting point, however, Heidegger's philosophy moves in the opposite direction.

Keywords: New Age scientific revolution, Copernican Revolution, Metaphysics, logic of origins, temporality, Machenschaft, philosophy of dialogue

Evstigneev M. D. What does it mean for mathematics to give real definitions?

Abstract: In this talk, I will provide a reconstruction of Kant's theory of definition. Kant claims that mathematics gives real definitions. That means that these definitions show the possibility of the thing. I will provide an analysis of Kant's notion of possibility and demonstrate the meaning of Kant's theory of magnitudes for his theory of mathematical definitions.

Keywords: Philosophy of mathematics, theory of definitions, Kant, theory of magnitudes

Eroshenko A. A. The position of time and the way of relating to history in the transcendental paradigm of Immanuel Kant

Abstract: The paper will provide a non-classical view on the nature of time according to Kant's paradigm. Based on the criticism presented by Henri Bergson, the possibility of understanding the Kantian Time will be considered in two ways: as the Metaphysical and Projective Time contained in Kant's social philosophy, and the Epistemological Time, known from the "Critic" series.

Keywords: transcendental philosophy (transcendentalism), philosophy of time, Kant, Projective Time, Bergson, Epistemological Time.

Fairhurst J. 'Ethics is Transcendental' (Tractatus Logico-Philosophicus, 6.421)

Abstract: The aim in this paper is to study Wittgenstein's claim in the Tractatus that "Ethics is Transcendental" (TLP 6.421). It will be shown in the article that ethics in Tractatus is transcendental insofar as it is internal to or constitutive of a certain mystical view: valuing the world in an absolute sense under the aspect of eternity.

Keywords: Wittgenstein, ethics, Tractatus, logic.

Filatov V. P. Folk psychology as a form of knowledge

Abstract: Folk psychology is considered as a non-scientific theory of the mind which used in our everyday interpretations some other's behavior by attributing beliefs and desires to them. There are two main theory on how our folk psychology is implemented, the "theory-theory" and "simulation theory". The epistemological status of this type of knowledge is examined: to what extent does science justify folk psychology.

Keywords: folk psychology, mentalizing, theory of mind, theory of simulation.

Forgione L. Kant and the pre-reflective self-consciousness

Abstract: The aim of this paper is to focus on certain characterizations of "I think" and the "transcendental apperception" in an attempt to verify a connection with certain characterizations of the so-called pre-reflective self-consciousness introduced by the phenomenological literature. According to this account, every self-ascription of any property implies a more fundamental form of self-consciousness, i.e., a kind of immediate familiarity with oneself. This pre-reflective self-consciousness is a non-relational, non-identificational form of self-consciousness and concerns an immediate acquaintance of the subject with itself.

Keywords: Kant; I think; transcendental apperception; self-consciousness; pre-reflective self-consciousness

Frolov, A. V. Patkul, A. B. The World as the Source of the Possible

Abstract: The aim of our presentation is to reconstruct the ways of thematization of the possible in Kant, Husserl, and Heidegger. In our research, we detect the strong correlation between the domain of possibilities and the actual experience of the world in these thinkers. Therefore, we put and discuss the following question: Can the world be understood as the source of the possibilities. As a result, we conclude that there are some contexts which allow interpreting the phenomenon of the world as the source of possibilities, both real and existential ones.

Keywords: world, the possible, the real, Kant, Husserl, Heidegger.

Frolova E. A. The phenomenon of legal consciousness in the theory of Kistyakovsky

Abstract: The article shows that B.A. Kistyakovsky, as a supporter of neo-Kantian philosophy, attributed the law to cultural values. Unlike scientific truth and morality, which are absolute, law has a conditional character, its prescriptions change depending on the specific conditions of time and place, whereby a legal phenomenon is a formal value. As such, law — the social regulator — affects human behavior to the greatest degree and creates stability in society and the state.

Keywords: philosophy of law, neo-Kantianism, Kistyakovsky, law, moral

Gromyko Yu.V., Gromyko N.V. Knowledge on consciousness and modern theatrical contexts of its possibilities

Abstract: Theater is one of the most important ways to obtain the knowledge about consciousness today. The kind of theater is assumed where the main character is consciousness itself; this is one of the strongest demands of modern spectators needing spiritual regeneration. This kind of theatrical art development will be called the Theater for spiritual regeneration. One of the stages practicing this type of theater is “Okolo” (“Near the house of Stanislavski”). The publication describes the method of “Okolo” which lets to obtain new knowledge on consciousness.

Key words: consciousness, Theater for spiritual regeneration, knowledge about consciousness, theatrical contexts

Hanna R. Sensibility First: How to Interpret Kant’s Theoretical and Practical Philosophy

Abstract: In the practical realm just as in the theoretical realm, everything comes down to human sensibility as an equally empirical and non-empirical primitive starting point that constitutively motivates, intentionally pervades, and intentionally structures our innately-specified yet also “human, all-too-human” capacities for theoretical and practical rationality, all the way up. Kantian non-conceptualism says that according to Kant, the faculty of human intuition or Anschauung, that is, human inner and outer sense perception, together with the faculty of imagination or Einbildungskraft, jointly constitute this sensible starting point for objective cognition and theoretical reason; and Kantian non-intellectualism says that according to Kant, human affect, desire, and moral emotion — in a word, the human heart — jointly constitute this sensible starting point for free agency and practical reason. If I’m correct about all this, then the result is a sharply non-classical and unorthodox, hence “shocking;” nevertheless fully unified and textually defensible Sensibility First approach

to Kant's Proto-Critical philosophy (i.e., from 1768 to 1772), Critical philosophy (i.e., from 1781 to 1787) and Post-Critical philosophy (i.e., from the late 1780s to the late 1790s) that encompasses the theoretical philosophy and the practical philosophy alike.

Keywords: Kant, Kant's Critical philosophy, sensibility, Kantian non-conceptualism, Kantian non-intellectualism, Kant's theoretical philosophy, Kant's practical philosophy

Hogan D. Kant and the Character of Mathematical Inference

Annotation. The paper addresses Kant's seemingly inconsistent characterizations of mathematical inference. Recognition of Kant's application of a notion of analysis to intuitions, as well as to concepts, resolves apparent inconsistencies in his descriptions of mathematical inference. The findings lead to a deeper understanding of Kant's relation to eighteenth century theories of inference.

Keywords: I.Kant; G.W.Leibniz; C.A.Crusius; logical inference; mathematical inference; analysis; analytic-synthetic distinction; intuition; 18th century logic.

Ivanov A.E. Marxist criticism of neo-Kantianism

Abstract: The article shows the conflict between idealism and materialism over their differences in understanding the issues of cognition, a human being and law. The author shows the Marxist point of view in this dispute, basing on the works of Hegel, Marx and Engels and a number of Soviet lawyers.

Keywords: Marxism, neo-Kantianism, law, criticism.

Kalinnikov L. A. I. Kant about transcendental idealism and the critical transcendentalism

Abstract: I.Kant was anxious with the appearance of a new kind of philosophy — a transcendental idealism. The examples of it can be the system of I.G. Fichte, the philosophy of G.K. Lichtenberg. The system of F. Shelling. The transcendental subject of the idealism is the object for itself and it is the logical circle. Only the formal logics but not the substantial transcendental logics of Kant can be used by its. As a matter of fact the transcendental idealism is identical with the transcendent one.

Keywords: Kant's transcendentalism, transcendental idealism, transcendentalism, idea of philosophical limit, principle of philosophical and scientific relativity, anthropologism, principle of world unity, social nature of man, criticism and doctrine.

Katrechko S. L. (I) The Kantian Project of Transcendental Philosophy

Abstract: For the explication of the main 'idea of transcendental philosophy' [A1] I distinguish two *transcendental shifts*: methodological and metaphysical ones, which in their totality predetermine the essence of Kant's transcendentalism. The methodological shift represents a shift from the studying of objects to the analysis of our a priori mode of cognition, or the studying of transcendental conditions of the experience (*descriptive metaphysics*). The *metaphysical* shift is associated with Kant's splitting of the "thing" into the *thing-in-itself* and *object of experience (appearance)*, or the transition to the analysis of the appearance (*metaphysics of appearance*).

Keywords: transcendental philosophy (transcendentalism), transcendental shift, descriptive metaphysics, metaphysics of appearance (experience).

Katrechko S. L. (2) Is it possible to know things in themselves (Kant, Husserl, Gibson)?

Abstract. Two modes of transcendentalism can be distinguished: the Kantian and the Husserlian concepts of cognition. They respond differently to the question of the knowability of the things: if Kant denies such knowledge (things in themselves are unknowable), then Husserl insists on it (see maxim “Back to the things themselves!”). This difference is due to the different understanding of the concept ‘thing’: if for Kant a thing is a substantial something (ens), then for Husserl a thing is a system of differences. Gibson’s ecological approach to perception conceptually goes back to the Husserl concept of thing/cognition.

Keywords. I. Kant, E.Husserl, thing in itself, “Back to the things themselves”, J.Gibson’s ecological approach to perception.

Kozarezova O. O. The antinomism of the trinitarian theology of Fr. Paul Florensky and the transcendental dialectic of I. Kant.

Abstract: The article discusses the reception of some theses of the philosophy of I. Kant in the work of Fr. Pavel Florensky. Antinomism is the basic principle of the dialectic of Fr. Pavel Florensky. His main idea that “truth is an antinomy” was reflected in his concept of the Trinity God. The initial principle of his religious philosophy is the dogma of the trinity, which emphasizes the personal character of the Trihypostatic God. This initial principle, according to Florensky, requires a completely new understanding of dialectics: the assertion that God is one in three Persons, according to Fr. Pavel Florensky, there is a “embodied contradiction” for our reason, where the consubstantial Persons of the Divine Trinity indicate both their real unity and the equally real difference between the three Trinity Hypostases. It is impossible to resolve this antinomy of unity and multitude in a rational way — the removal of this contradiction is possible only by faith. Thus, according to Fr. Pavel Florensky, a positive resolution of the antinomy of singularity and trinity can only be dogmatic.

Keywords: antinomism, knowledge, faith, knowledge of God, Truth, triune God.

Klementiev B. S. Ethics of Herman Cohen: from a priori moral to ethical socialism

Abstract:The article discusses the main ideas of the ethical concept of H. Cohen. Particular attention is paid to the connection of the ethics of the Marburg Neo-Kantian with social reality in the framework of the so-called ethical socialism.

Keywords: ethics, neo-Kantianism, ethical socialism.

Kolka Constance Phenomenological method and its application in grammar

Abstract: The German grammar shows an interaction between subjective meaning and objective fact in its time and syntax aspects. Due to its embracing, non-linear syntax and its ,non-temporally’ defined time system the German language is focused on perspectivity.“

Keywords: German grammar; perspectivity; intersubjectivity

Komarov S.V. The ontological interpretation of the postulates empirical thinking.

Abstract: The ontological interpretation of Kant’s postulates of empirical thinking is considered. Kant’s experience is understood as an exit from the inner to the outer sense, in which the postulates of empirical thinking present the very being of the subject of experience. In here-being, being as such is revealed. Understanding the ontological meaning of Kant’s experience is an argument against the accusation of Kant’s philosophy of “correlationism” on the part of the latest ontologies.

Keywords: transcendental turn, phenomenon, being, axioms of contemplation, anticipation of perception, analogies of experience, postulates of empirical thinking, idealism, speculative realism.

Konacheva S.A. Autonomous and theonomous death: interpretation of the human finitude in the transcendental theology of Karl Rahner.

Abstract: The paper is devoted to the rethinking of traditional theistic concepts of death in the Karl Rahner's transcendental theology: a critique of the doctrine of the immortal soul as a constant essence of man, an attempt to develop a positive attitude to death. We also compare Ranner's interpretation of death with Heidegger's analysis of Dasein's being as "being to death".

Keywords: transcendental tomism, theonomic death, autonomous death, freedom

Kornilaev L. Yu. Transformation of Natorp's Transcendentalism in His Late Philosophy.

Abstract: In my presentation I will concentrate on the analysis of P. Natorp's late philosophy, I'll try to reconstruct ontological transformations within his philosophy, and also connect his late metaphysical ideas with early ideas developed in the spirit of Marburg Neo-Kantianism.

Keywords: P. Natorp, ontology, epistemology, transcendental method, metaphysics.

Kozhokaru N.I. Kant's categorical imperative in medical deontology

Abstract: The author considers the moral and practical aspects of the applicability of the basic tenets of Kant's categorical imperative in medical deontology. Kant's works are the epistemological basis of bioethics, at the same time, the correspondence of the doctor's actions to the basic principles of the Categorical imperative is far from always unambiguously correct and depends on the specific situation. The theses cite almost polar opposite examples in their conclusions, indicating the ambiguity and inconsistency of such seemingly clear maxims of Kant's categorical imperative — when used in medical practice.

Keywords: categorical imperative, medical deontology, immunize "from the herd", universal moral principles

Krioukov A. N. Nature as "physis", life as "Lebenswelt". Klaus Held about phenomenological problematic of Kant's experience principles.

Abstract: My talk will be a critical assessment with a book of Klaus Held «Phänomenologie der natürlichen Lebenswelt». The investigation method is dual: on the one hand the historical philosophical research of the Klaus Held book will be undertaken, on the other hand I am going to analyze some his theses about Aristotle, Pre-Socratics and Kant. The main concepts will be analyzed are: appearance, Lebenswelt, physis by Pre-Socratics and Kant. The acceptability of phenomenological method in applicability to analyze Ancient thought and Kant's heritage will be undertaken too.

Keywords: phenomenology, life world, Lebenswelt, nature, Klaus Held, Kant

Kuznetsova N. I. How is knowledge possible in terms of the theory of social relay races?

Abstract: It is argued that knowledge is a phenomenon of the social memory of human activity. In the process of evolution of various forms of broadcasting the most important

experience, social memory cells were formed in the form of two records, behind which there were corresponding operations. The first operation recorded the very distinction between the subject of direct experience and provides a reference, the second — what can be done with this subject, ensuring its representation.

Keywords: social relay theory, social memory, reference, representation

Kulikov S. B. Ethos of science and its criticism based on ideas by Husserl and Wittgenstein

Abstract: This report addresses a subject closely related to the prospects of developing a transcendental-phenomenological line of philosophical research towards its possible intersection with some offshoots of the analytical philosophy of language

Keywords: ethics of science, consciousness, Husserl, Wittgenstein, Merton

Kuskova S. M. Transcendental approach to social studies

Abstract: According to Kant, the result of cognition of an object is determined by the internal organization of the cognizing subject. How is knowledge of social systems possible? To answer this question, it is necessary to identify the structure of consciousness that provides the consideration of any entity as a set of parts. The sciences of complex systems, such as cybernetics and synergetic, are based on the fundamental systemic nature of the transcendental subject. The knowledge of society depends on the fact that it is not an empirical, but a universal subject that implements it. The subject projects his inner social structure on a cognizable phenomenon.

Keywords: Transcendental approach, a priori forms, social cognition, formal properties, social consciousness.

Lebedeva A.V. Aesthetics of A.V. Veidemann

Abstract: The article is devoted to the analysis of the aesthetic category in the understanding of a little-known Russian philosopher, follower of the Marburg school of neo-Kantianism Alexander Veidemann (1879 — 1943). According to the philosopher, aesthetics is the final part of the philosophical system and is also associated with the philosophy of religion.

Keywords: logic, ethics, aesthetics, Russian neo-Kantianism, A. Veidemann.

Lepilova A. I. The Way to Freedom through Beauty: Schiller against Kant.

Abstract: The idea of freedom was a central issue for Friedrich Schiller. A thorough reading of Kant's "Critiques" allowed him to formulate his thesis about beauty as freedom in appearance. Freedom for a human is possible only through harmonic unity of reason and sensibility. The way to this freedom can only be found in an aesthetic state also known as perception of beauty. Moral freedom can also be achieved with the help of beauty: one can be regarded as free only while acting according to duty from inclination. This leads us to the conclusion that duty should be fulfilled with grace, not with restriction.

Keywords. Schiller, Kant, freedom, beauty, grace/

Litvin T. V. The transcendental method in modern discussions about the scientific status of theology

Abstract: The paper focused on the methodology in the study of scientific status

of theology, based on modern philosophical approaches. Although modern theology is a continuation of the traditional debate about the theological explanation of the problems of cosmology, live nature and matter — all those scientific issues that arose in modern European natural science due to reflection on the creation question — in recent decades it has been increasingly open to dialogue as with various philosophical approaches, and with purely scientific methods of studying nature and man, based on quantitative methods.

Keywords: theology, transcendentalism, phenomenology, E. Husserl, I. Kant, L. Ten-gleyi, phenomenological metaphysics.

Loginov A.V. “How knowledge is possible” in M. Scheler’s philosophy

Abstract: Problems of the theory of knowledge are considered both in Scheler’s early works and in later works. Scheler was a proponent of the autonomy of philosophical knowledge from religious and scientific, and believed that phenomenology is not a scientific method, but a kind of cognitive attitude that is applicable to the study of various philosophical problems. In the later period, he defended the autonomy of various types of knowledge, justifiably criticized positivist sociology.

Key words: Phenomenology, phenomenological attitude, theory of knowledge, sociology of knowledge, philosophical anthropology

Loginovskaya Y.V. From Kant to Popper: developing ideas about human in the context of the problem of identity

Abstract: The paper investigates the influence of Kantian ideas on the views of Karl Popper on the problem of identity. The essential aspects of cognition and self-education for the development of a mature personality are identified. They are necessary for a man to become a “legislator of nature and ethics”. The constitutive properties of the “Self” in the Popper’s concept of self-conscious mind are revealed.

Keywords: cognition, identity, freedom, responsibility, maturity, “thing-in-itself”

Loshakov R. A. The proof of third analogy of experience in Kant’s *Critics of Pure Reason*: between the experience possible and possibility of experience.

Abstract: The paper demonstrates that proof of third analogy of experience given by Kant in his *Critics of Pure Reason* cannot be developed as an continuous analytical process. First of all, there is not any analytical shift from different moments of time to its simultaneity in one perception. Equally, it is impossible to overcome the interval that there is between rational concept of interaction and real interaction of bodies in space and time.

Keywords: analogy of experience, diachrony, simultaneity, interaction

Lyzlov A.V. Language as a Condition for the Possibility of Cognition in the J.G. Hamann’s Philosophy

Abstract: Language is the main theme of the J.G. Hamann’s philosophy. The relation, which Kant tries to describe as the relation of “wordless” sensuality and mind, Hamann interprets as the relation of “receptivity of language and spontaneity of concepts”. The Hamann’s approach gives reach perspectives for investigation of epistemological issues.

Keywords: Hamann, Kant, language, sensuality, mind, receptivity, spontaneity.

Mahlin V. L. “Reversed background”: socio-ontological transformation of transcendentalism in the philosophy of the end of Modern times

Abstract: The text in an attempt to describe and briefly analyze one of the most radical and influential event in the history of the philosophy of the 20th century, namely a radical turn from gnoseology” to “ontology”, in other words, from the Neo-Kantian transcendentalism in the theory of knowledge to the concrete historical facticity of the “world of life. This event, in its own concrete historicity, began in the unique moment of the Western and Russian history, during and after the First World War, and is not over even now, after the end of the New Times in the previous century

Keywords: a paradigm shift, ontology, the New Times, a relation, the world of life, the Other”.

Maslova A. V. Incomprehensible language of time

Abstract: The report is devoted to Kant’s transcendental method in the aesthetic’s space, which is shown in the third Critic. Problem of aesthetic’s judgment lied on the between rational and non-rational cognitive abilities, where an aesthetic’s judgment happens. Process of generation of judgment and understanding is occurred a crossing of cognitive abilities including collective unconsciousness. So, we research Kant’s aesthetic through the prism of psychology of consciousness.

Keywords: aesthetics, consciousness, collective unconsciousness, transcendental method, intuition.

Medova A. A. transcendental method in musical investigations

Abstract. The report discusses the specificity of the transcendental method applying to the study of music. Music is a simultaneously objective and subjective phenomenon because of a ‘musicality’ is a characteristic of real sounds but only in personal experience sounds become music. The transcendental method is productive to study music given its aiming to research the sphere that nor objective neither subjective [2]. The transcendental method is adequate as well to investigations of music due to two reasons. First, it opens access to immediate auditory data experience of which is the source of music. The second, it grasps the constitutive acts which ‘create’ the phenomenon of music.

Keywords: transcendental philosophy (transcendentalism), phenomenology of music, metaphysics of appearance (experience), immediate auditory data.

Miroshnichenko M. D. “Science of the Other”: Can Cardiophenomenology Dissolve the Hard Problem of Consciousness?

Abstract: The presentation is dedicated to the critical analysis of Natalie Depraz’s project of cardiophenomenology which she presents as “dissolution” of the hard problem. Instead of the brain-centered model of cognition emphasizing intellectual activity she develops the heart-centered model based on emotional/affective cognition. With this she elaborates what she and her colleagues call “psycho-phenomenology” used as the variant of second person methodology in the cognitive experimental design. Empathy and preverbal bodily communication lay the basis for higher cognitive capabilities and, for Depraz, should be studied as the preconscious sources of human consciousness distributed among the multiple somatic levels. In my presentation I assess the methodological relevance of cardiophenomenological research for cognitive science and try to answer whether Depraz’s project dissolves the hard problem.

Keywords: cardiophenomenology, second person methodology, empathy, hard problem of consciousness

Mikhaylov I. F. Kant and Social Ontologies

Abstract: The paper critically approaches Tony Lawson's concept of social ontologies. I analyze Lawson's interpretation of transcendental argument as inference from generalized features of our experience to the ultimate features of reality. I show that such an inference may be only by abduction and, therefore, probable. I oppose Lawson's approach with the concept of ontologies as arbitrarily elaborated conceptual schemes working as models, on which theories are interpreted.

Keywords: ontology, theory, natural sciences, social sciences, transcendental conclusion

Mikhaylov Y. K. The birth of phenomenology from the spirit of mathematics

Abstract: The paper is devoted to 1) the question of origin of the phenomenology from the Husserl's guiding problems of the foundations of mathematics, and 2) the applicability of phenomenological developments in philosophy and epistemology of mathematics. Historical and conceptual links of phenomenology and intuitionism are in focus.

Keywords: phenomenology, intuition, mathematics, set theory, epistemology

Mishagin P. A. Freedom as Free Causality in the Unity of the Transcendental and Practical Aspects

Abstract: The paper shows that in Kant's system of transcendental idealism, it is reported not about two freedoms, transcendental and practical, but about a single freedom manifesting itself in the speculative and practical areas of application of the pure reason.

Keywords: freedom, free causality, transcendental freedom, practical freedom, a holistic concept of freedom, the unity of transcendental and practical freedom

Mukhutdinov O. M. Constitution of the subject of knowledge in Kant's transcendental logic.

Abstract: The main problem of transcendental deduction is the problem of the constitution of the object of knowledge. The object of knowledge acts as a correlate of the transcendental unity of self-consciousness. The object of knowledge is understood as the pure form of the transcendental unity of the pure synthesis of time.

Keywords: the object of knowledge, the phenomenon, the thing-in-itself, transcendental logic, transcendental method, experience.

Myasnikova T. A. Kant's differentiation between transcendental and rational concepts as the key to understanding the correlation between morality and taste.

Abstract: The paper examines the problem of the correlation between morality and taste through the perspective of Kantian transcendentalism. The author's hypothesis is that the distinction between transcendental and rational concepts in Kantian theoretical philosophy allows us to talk about the possibility of practical relationship of ethics and aesthetics in the framework of philosophical anthropology.

Keywords: Kant's transcendentalism, morality, taste, aesthetics, reasoning concepts, transcendental concepts.

Nesteruk A. V. Scientific activity and structure of physical reality in a phenomenological perspective

Abstract: The transcendental delimiters on the possibility of knowledge in physics and cosmology are considered in this paper. It is demonstrated that the major and general factor is related to the requirement of explicability of the universe related to the transcendental conditions of access to the universe and ultimately related to human subjectivity. Reality appears in this approach as being constituted through the structural path of observations and theory.

Keywords: consciousness, discourse, objects, observes, phenomenalisation, phenomenology, physics, reality, the world

Nevvazhay I.D. Transcendental versus the principle of identity

Abstract: The descriptive metaphysics is a possible way of development of the transcendental philosophy, recognizing criticism of the key idea of classical metaphysics according to which the universal beginning has to be thought as self-identity being. Transformation of any object into a sign is the act of awareness of distinction between the observed and the observing. This transformation is manifestation of action of that beginning which we call transcendental.

Keywords: descriptive metaphysics, principle of identity, semiotics of transcendental

Ni Yicai Schelling and Husserl on the Concept of Passive Synthesis

Abstract: Both Schelling and Husserl reveal that any attempt to ground the objective cognition in the subjectivity would be traced back to the constitution problem of the original experience; They also share similar resolutions to this very problem: The constitution of the original experience is depicted as the passive synthesis, i.e., it is rightly the pre-conscious activity of the original I (*Ur-Ich*). However, different from Schelling's interpretation of the passive synthesis as a theory of quasi-consciousness willing (*Wollen*), Husserl relocates the passive synthesis as the transition from instinct to habituality. The constitution of the original experience as well as the activity of the original I uncovers the dynamic structure of Being, in that sense, the transcendental philosophy must become a transcendental ontology.

Keywords: Schelling, Husserl, Passive Synthesis, Original Experience, Willing, Habituality, Transcendental Ontology

Onof Christian On the Third Antinomy and the nature of Transcendental Idealism

Abstract: Kant's solution to the general cosmological problem of the Third Antinomy involves transferring the free will/determinism solution to a general setting. Kant makes two claims about transcendental idealism: the grounding of appearances in reality in-itself, and the dual-aspect of objects. These lead to a grounding claim of empirical causality in a non-natural causality, a claim that has a covert regulative status.

Keywords: transcendental idealism; third antinomy; regulative principle.

Palmquist Stephen Prolegomena to any future mathematics? Kant's influence on post-Kantian scientific revolutions

Abstract: Kant's 1783 Prolegomena identifies the proper path for the future of science. While his main concern is to show how metaphysics can be scientific by embracing a moral

foundation, Kant also distinguishes between sciences based on synthetic a priori precepts that reside in the human mind and those based on probabilistic reasoning as guided by the ideas of reason. This paved the way for post-Kantian scientific revolutions in mathematics as well as in physics and other sciences.

Keywords: Kant, Prolegomena, mathematics, transcendental deduction, scientific revolutions

Perepechena A. S. Hermann Cohen's Theory of Knowledge in the Assessment of Modern Researchers

Abstract: the relevance of this topic is expressed in the role of neo-Kantianism for the development of the modern stage in philosophy. The subject of this research is the analysis of Cohens principles of logic (the logical concepts in the theory of knowledge) and his hermeneutics in terms of thoughts of researchers like Werner Flach, Geert Edel, Pierfrancesco Fiorato, Poma, Wolfgang Marx, Stolfenberg etc. The object of consideration is the transcendental-idealistic philosophy of Cohen. The purpose of this research work is to establish the causes and dynamics of changes in problems in the modern theory of knowledge. The objectives of the study are to identify the relationship between the ideas set forth in the two main epistemological works of Cohen "The Logic of Pure knowledge" and "Kant's theory of experience" and to establish the relationship between the forms of knowledge and aspects (logic) of a priori knowledge.

Keywords: theory of knowledge, neo-Kantianism, Cohen, transcendental-idealistic philosophy

Podobueva E. V. Analysis of the "Black Square" by K. Malevich in the context of the phenomenological method of perception of the beautiful J.-L. Marion

Abstract: This work is devoted to an attempt to analyze the K. Malevich's Suprematist painting "Black Square". We will carry out the analysis in the context of the phenomenological method of J.-L. Marion and his concepts about saturated phenomena. The main thesis of this work is the assumption that individual abstract paintings can be not only the idol phenomena, but also the icon.

Keywords: phenomenology, Kazimir Malevich, Jean-Luc Marion, saturated phenomena, suprematism

Polyakov A. A. J. N. Tetens role in creation of the first edition of Critique of Pure Reason

Abstract. In our speech we want to make a point that understanding of Tetens' systematical approach to «*Erkenntnis* problem» may help us in better understanding of the «subjective deduction» part of the first deduction. We'll concentrate on parallel points in Kant's and Tetens' argumentation and show that link between their works doesn't seem very unnatural at all.

Keywords. deduction of the categories, first edition of critique of pure reason, Tetens, rational psychology and German idealism.

Popov D. N. Systematization of the directions of phenomenological philosophy of science

Abstract: Despite the fact that there are studies in phenomenology covering some aspects

of the philosophy of science and promising tendencies at the intersection of phenomenology and individual scientific areas, there is currently no systematic phenomenological approach to the problems of the philosophy of science. Let's try to highlight Husserl's ideas in the context of the problems of philosophy of science and their development in the modern phenomenological movement.

Keywords: Philosophy of science, phenomenology, reduction, life world, Husserl.

Popova V.S. A.I. Vvedensky on time in the context of the problem of free will

Abstract: The study of the problem of free will A.I. Vvedensky. The assumption of free will required Vvedensky to amend the Kantian approach: to introduce the assumption of the existence of time in itself. Vvedensky showed that free will is the result of faith, reinforced by the need for moral duty. Vvedensky's research experience demonstrates the need for transcendental epistemology in basic research on unobserved objects. Vvedensky's research can be updated in the context of addressing the problem of free will in modern neurophilosophy.

Keywords: time, free will, A.I. Vvedensky, transcendental epistemology

Przhilenskiy V. I. Methodical induction as a means of constructing reality in the philosophy of science of Edmund Husserl

Abstract: The report discusses the original version of philosophical and scientific constructivism proposed by Edmund Husserl in the "Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology". The analysis of this version in the context of the use of the constructivist installation in modern research in the field of history and philosophy of science is given. Heuristic possibilities of the concept of methodological induction in the project of rational reconstruction of the history of science are examined in detail.

Keywords: methodical induction, transcendentalism constructivism, construction of reality, philosophy of science, phenomenology

Pietras A. What does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? On the essence of the transcendental method.

Abstract: The aim of my speech is to explore the question what does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? I claim that this issue is crucial in order to understand the very essence of, projected by Kant and developed in post-Kantian German philosophy, transcendental method. I will argue that according to my interpretation, which I consider as an effect of interpretation of the evolution of German transcendental philosophy, Kant is neither representationalist nor constructivist and his methodological approach is strictly related to what can be called relational ontology of human mind.

Keywords: transcendental method, transcendental idealism, empirical realism, representationalism, constructivism, relational ontology of mind

Rovbo, M. E. von Hartmann on the "fall" of transcendental subject in I. Kant's philosophy

Abstract:The report reconstructs E. Hartmann's argumentation, according to which Kant has destroyed the transcendental subject and led criticism to absolute illusionism, in which not only the objects of the external world, but also self becomes an illusion, and an act of representation loses its foundation.

Keywords: transcendental subject, criticism, absolute illusionism, transcendental object, noumenon, substance, unity of consciousness.

Samokhvalova V. K. From rhetorical questions to epistemological problems: about becoming Leibniz's epistemology.

Abstract: The universality of the principles of reason, which the foundations of logic, mathematics and ethics characterize in our minds, is affirmed. It is demonstrated as the discussion of the normative principles of the strict philosophical syllable, through the recognition of the need to establish clarity of the original meanings of words, Leibniz leads to the formulation of the most important epistemological problem — to the question of the relation of induction and deduction.

Keywords: the truth, mind, feelings, universals, deduction, induction.

Savintsev V. I. Space and time as “a priori truths” in the philosophical work of D. Tsertelev.

Abstract. The report attempts to review the evolution of D. Tsertelev from voluntarism to transcendentalism. It's stated that in the early period of creativity the philosopher was associated with the ontological and epistemological ideals of A. Schopenhauer. Space, time, movement were deduced by the author from the “law of causality”, which, in turn, provides the connection of the subject with reality. In the late epistemological concept of D. Tsertelev, the emphasis is transferred from the object to the subject. Here time and space are considered as “innate ideas”, “a priori truths”, which are the intellectual basis of all experience.

Keywords: time, space, the law of causality, innate idea, “a priori truth.”

Schastlivtseva E. A. Transzendental scheme of space and time of philosophy of Kant

Abstract. The article reveals that the objective unity of consciousness, or the transcendental unity of apperception (active subject), as the concept of an object, should be distinguished from the subjective unity of consciousness as pure forms of the passive subject. A passive subject is a space with all, but interconnected, diverse subjects. The transcendental synthesis of the power of imagination consists in the actions of the passive subject, which, as we may say, is the inner meaning (time).

Keywords: transzendental scheme, space, time, Kant, passive subject, active subject.

Schnell A. Reflections on transcendental phenomenology today

Abstract. What is transcendental phenomenology? Transcendental idealism in Kant, Fichte, and Husserl. The main points of” transcendental construction “by O. Fink and the transcendental matrix of sense formation by M. Rishir.

Keyword. Transcendental phenomenology, transcendental construction, transcendental sense formation, Husserl, Fink, Risher.

Shiyan A.A. (1) Husserl's transcendental phenomenology as descriptive metaphysics

Abstract: The text deals with Husserl's transcendental phenomenology from the point of view of the Kantian project of descriptive metaphysics. Husserl's philosophy is considered to this end as a theory of knowledge, a study of thinking about the world and as a description of our experience in relation to the world.

Keywords: Descriptive metaphysics, transcendental phenomenology, consciousness, cognition, experience.

Shiyan A.A. (2) Understanding cognition and knowledge in early twentieth-century transcendentalism

Abstract: The text deals with the understanding of knowledge and cognition in the transcendentalism of the early twentieth century, primarily in phenomenology and in neo-Kantianism. Almost all the philosophical trends of this time, following Kant, understood knowledge as an ideal objective domain with the status of universality and necessity, which was justified by the objective process of knowledge and the principles of knowledge. The text also pays special attention to the different understanding of the object of knowledge and consciousness in different philosophical schools of the early twentieth century.

Keywords: transcendentalism, theory of cognition, neo-Kantianism, phenomenology, knowledge, consciousness.

Sotnikov V. R. Categories of modality: Kant vs. Hegel

Abstract: In Kantian philosophy categories of modality represent the specific relationship of a particular sensual intuition to the structures of subjective thinking. Such an approach is based on a clear-cut division between forms of thinking and the matter of sensation. Contrary to it, Hegel treats modality in the context of speculative thinking and the absolute threatening the whole transcendentalism project by rejecting such unresolved dualities. This particular work deals with the formulation of the modal relationship problem every solution of which has its' peculiar metaphysical implications.

Keywords: Kant, Hegel, categories

Storcheus N V. Russian Neo-Kantian anthropology critique by representatives of the religious direction of russian philosophical and pedagogical anthropology **Abstract:** The article analyzes the views of S. I. Hessen and V. V. Zenkovsky in the part concerning the pedagogical concepts of the religious thinker and representative of Russian Baden neocantianism. The main claim to transcendentalism is that, in the opinion of V. V. Zenkovsky, this direction stops halfway, simply stating the irreducibility of a person's personality from his nature. "The truth and the extreme of" transcendentalism thinker sees also that the "epistemological subject" strongly separated from the empirical personality... the personality becomes a personality only through the introduction to authentic, serindipitous values, only reaches its flowering"

Keywords: S. I. Hessen, V. V. Zenkovsky, philosophical and pedagogical anthropology, education, Russian philosophy, religious philosophy, transcendentalism, neo-Kantianism.

Sverdlikov A. M. Aletheia and Absolute: comparison of critique of transcendentalism in the later Heidegger and in German Idealism

Abstract. I am going to compare the projects of critique of transcendentalism in the Hegel-Schelling idealism of 1801-1804 and in the later Heidegger's philosophy. Particularly, I am going to show that Heidegger's transition from the project of fundamental ontology to the problematics of Aletheia has a strong affinity to the transition from transcendental idealism of Kant and Fichte to the objective idealism of Schelling and Hegel. In this connection I will demonstrate that there is a relation between idealistic concept of Absolute and Heidegger's concept of Aletheia. My central thesis is that Heidegger's late philosophy can be read as a "phenomenological monism" which has a structural similarity to the ontological monism of Schelling and Hegel.

Keywords: Schelling; Hegel; Heidegger; transcendental philosophy; objective idealism; monism; substance; Absolute; Aletheia; subjective idealism; phenomenology; world.

Terentyeva T. A. Fact as objective reality and the concept of facticity in transcendental phenomenology

Abstract. This article is devoted to distinguish between the concepts of “facticity” and “fact” and the identification of differences between them. The analysis is based on Husserl’s text “Ideas I” and Rudolf Boehm’s article “Scheinbare Wirklichkeit”. The concepts of “reality” and “objective reality”, presented by Boehm in the article, are closely related to the previous pair of concepts and help to build a unified line of reasoning that leads to clarification of the meaning of the phenomenological project.

Keywords. factuality, fact, transcendental factuality, empirical fact, objective reality, reality.

Tetyuev L. I. Neo-Kantianism and the relevance of Kant’s critical method in modern philosophy

Abstract: Today we should talk about a new, reviving interest in both the transcendental philosophy of I. Kant and Kantianism itself in its Russian and German versions. In modern philosophy, pragmatic concepts of ethics developed in different years of K.-O. Apel, W. Kuhlmann and J. Habermas. The need to appeal to Kantian philosophy at present can be explained by the practical significance of the transcendental method of philosophizing and critical judgment.

Keywords: neo-Kantianism German and Russian, critical method, perception of Kant’s ideas in modern philosophy.

Vorobeva A.A. Influence of Kant’s transcendentalism on Graham Harman’s object-oriented ontology

Abstract. In connection with the problems of Kant’s transcendentalism, the author considers the features of Harman’s interpretation of Kant’s “thing-in-itself” and the role of this concept in the structure of the quadruple object. Here we Analyze similarities with various transcendental concepts, such as “sensory diversity and “transcendental object”.

Keywords: thing-in-itself, Kant, Graham Harman, Object-oriented ontology, speculative realism, transcendentalism

Zagidullin Z. K. Digitization of science and rethinking epistemology

Abstract: The presentation describes the phenomenon of digitalization of scientific knowledge, the specifics of the use of IT tools for technology and automation of intellectual activity of a scientist. It is about the change in the organization of scientific research (democratization and multiplication of participants of them), as well as the emergence of “digital twins” of the studied objects and phenomena that contain more than a real object. This problematizes traditional concepts of epistemology such as knowledge, model, paradigm. In response to this problematization, the report suggests using wave ontology and the conceptual apparatus of empirical epistemology based on the theory of social relay of the Russian philosopher M.A. Rozov.

Keywords: digitalization, science, knowledge, model, paradigm, digital twin, epistemology

Zaitsev I.N. Theological Objection To The Mythologization Of Science

Abstract: A theistic worldview is a necessary complement to the naturalistic one by making the transcendental gesture, just as ancient philosophy necessarily supplemented paganism. Without philosophy, ends did not meet in paganism (only philosophy showed how it is possible to transfer from the world of one god to the world of another). The world is crumbling. In the same way, the world crumbles in a naturalistic worldview: each science has its language of explanation of reality, which cannot be reduced to any other. As the worlds of Aphrodite and Hermes were, so now there are worlds of mechanics and economics. Theistic worldview does not help in the knowledge of the world, but supplements the naturalistic picture of the world, introducing integrity into it.

Keywords: myth, science, worldview, theology, integrity.

Zhukov V.N. Kantianism and neo-Kantianism in the Sociology of Law in Germany and Russia in the late XIX — early XX century

Abstract: The article discusses the features of the neo-Kantian Sociology of Law in Germany and Russia. The methodology of neo-Kantianism introduced a value component to the Sociology of Law, which led it away from the true strict science.

Keywords: sociology of law, Kantianism, neo-Kantianism.

НАШИ АВТОРЫ

Артемченко Наталья Андреевна — кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, главный редактор журнала «Horizon. Феноменологические исследования» (Санкт-Петербург), n.a.artemenko@gmail.com.

Балановский Валентин Валентинович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Калининград), v.v.balanovskiy@ya.ru.

Белов Владимир Николаевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (Москва), belovvni@rambler.ru.

Белусов Михаил Алексеевич — кандидат философских наук, доцент философско-социологического факультета Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ; доцент философского факультета Российского Государственного Гуманитарного Университета (Москва), mishabelous@gmail.com

Бердаус Светлана Владимировна — сотрудник, ИФПР СО РАН (Новосибирск), s.berdaus@yandex.ru.

Битехтина Любовь Дмитриевна — кандидат психологических наук, доктор философских наук, профессор, соруководитель модальности «Религиозно-ориентированная психотерапия» ОППЛ (Москва), L-bitehtina@yandex.ru.

Болотов Иван Владимирович — аспирант, НИУ ВШЭ (Москва), bolotov.ivan.vladimirovich@gmail.com

Воробьева Александра Андреевна — студентка, Государственный Академический университет Гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва), aleksanda.vorobeva@bk.ru

Громько Нина Вячеславовна — доктор философских наук, руководитель направления «Эпистемические технологии» Института опережающих исследований им. Е.Л.Шифферса, gromyko_nina@mail.ru.

Громько Юрий Вячеславович — доктор психологических наук, профессор, директор Института опережающих исследований им. Е.Л.Шифферса, nmu2005@yandex.ru.

Данилкина Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, (Калининград), natalia.danilkina@gmail.com

Дворкин Илья Саулович — руководитель образовательных программ Международного Центра университетского преподавания еврейской цивилизации. Еврейский университет в Иерусалиме, (Иерусалим, Израиль), idvorkin@mail.ru

Докучаев Илья Игоревич — доктор философских наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена., (Санкт-Петербург), Ilya_dokuchaev@mail.ru.

Дрожецкая Елена Владимировна — аспирант философского факультета Российского Государственного Гуманитарного Университета (РГГУ) (Москва), elevladr@gmail.com

Евстигнеев Максим Дмитриевич — студент НУЛ, Трансцендентальной философии, ФГН, НИУ ВШЭ (Москва), rasdonny@gmail.com

Ерошенко Антон Андреевич — студент-бакалавр, стажер-исследователь НУЛ Трансцендентальной философии ФГН ВШЭ (Москва), aeroshenko@hse.ru

Жуков Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, (Москва), pifagor2002@mail.ru

Загидуллин Жан Каримович — кандидат философских наук, Институт философии РАН, сектор теории познания; (Москва), autist2000@mail.ru.

Зайцев Игорь Николаевич — кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (Санкт-Петербург), zaitsevigor9@gmail.com.

Иванов А.Е. — магистр, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, (Москва), Iv.andrey96@mail.ru

Калинников Леонард Александрович — доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. (Калининград), leo.kalinnikov@gmail.com.

Катречко Сергей Леонидович — кандидат философских наук, доцент, зав.кафедрой философии и теологии Российского Православного Университета св. Иоанна Богослова (РПУ), доцент философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), президент фонда «Центр гуманитарных исследований» (Москва), skatrechko@gmail.com.

Клементьев Борис Семенович — кандидат философских наук, профессор, СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов), tetjewel@mail.ru

Кожокару Наталия Игоревна — ассистент кафедры логики и эпистемологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) (Москва), natashakozhokaru@gmail.com.

Козарезова Ольга Олеговна — кандидат философских наук, кафедра философии и теологии РПУ им. Св. Иоанна Богослова, кафедра культурологии МПГУ (Москва), Koz.helga@gmail.com.

Колька Констанс (Kolka Constance) — докторант, Гете-университет г. Франкфурта-на-Майне (Германия), skolka@web.de.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Москва), philos.perm@gmail.com.

Копачева Светлана Александровна — доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва), kopacheva@mail.ru.

Корнилаев Леонид Юрьевич — кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет имени И.Канта, Калининград (Россия), LKornilaev@kantiana.ru.

Крюков Алексей Николаевич — кандидат философских наук, профессор кафедры философии, Институт философии человека, РГПУ им. А.И. Герцена, СИ РАН (Санкт-Петербург), akrum@ya.ru.

Кузнецова Наталия Ивановна — доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии философского факультета Российского государственного университета (Москва), sar-sar@inbox.ru.

Куликов Сергей Борисович — доктор философских наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (Томск), kulikovsb@tspu.edu.ru.

Кускова Светлана Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Электростальского политехнического института (Электросталь), adiafora@tut.by

Лебедева Анастасия Владимировна — аспирант кафедры онтологии и теории познания РУДН (Москва), ionseva95@mail.ru

Лепилова Арина Игоревна — студентка ОП Философия НИУ ВШЭ, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории Трансцендентальной философии, исследование выполнено в рамках проекта НУЛ Трансцендентальной философии «Трансцендентальный подход в философии: история и современность» (Москва), lepilova.arina@gmail.com.

Литвин Татьяна Валерьевна — кандидат философских наук, доцент, декан факультета философии, богословия и религиоведения, Русская Христианская Гуманитарная Академия (Санкт-Петербург), littatiana@gmail.com.

Логинов Александр Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной философии философского факультета (РГГУ) (Москва), loginovav@mail.ru

Логиновская Юлия Владимировна магистрант философского факультета Научно-исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) (Томск), urucel@yandex.ru.

Лошаков Руслан Анатольевич — доктор философских наук (история философии), профессор Папского университета Иоанна-Павла Второго в Кракове, профессор Свято-Филаретовского Института (Москва), veronezel120@hotmail.se.

Лызлов Алексей Васильевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры современных проблем философии философского факультета (РГГУ) (Москва), a_lyzlov@mail.ru

Маслова Анастасия Владиленовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва), an_maslova@inbox.ru.

Махлин Виталий Львович — доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (МПГУ) (Москва), vitmahlin@mail.ru.

Мёдова Анастасия Анатольевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (СибГУ им. М.Ф. Решетнёва), профессор кафедры музыкально-художественного образования Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева) (Красноярск), amedova@list.ru.

Мирошниченко Максим Дмитриевич — кандидат философских наук, стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший преподаватель, кафедра биоэтики и международного медицинского права ЮНЕСКО международного факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова (РНИМУ) (Москва), jaberwokky@gmail.com.

Михайлов Игорь Феликсович — кандидат философских наук, Институт философии РАН (Москва), ifmikhailov@gmail.com.

Михайлов Ярослав Кириллович — студент, магистр НИУ ВШЭ (Москва), yakmikhaylov_2@edu.hse.ru.

Мишагин Павел Андреевич — старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Института социального инжиниринга Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (СибГУ им. М.Ф. Решетнёва) (Москва), mishagin@sibsau.ru.

Мухутдинов Олег Мухтарович — кандидат философских наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург), o.m.mukhutdinov@urfu.ru.

Мясникова Татьяна Андреевна — студент, НИУ ВШЭ Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии (Москва), tamyasnikova777@gmail.com.

Неважай Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов), igornevv@gmail.com

Нестерук Алексей Всеволодович — доктор философских наук, кандидат физико-математических наук, Университет Портсмута (Англия); СПб Гос. Морской Технический Университет, (Санкт-Петербург), alexei.nesteruk@port.ac.uk

Ни Якай (Ni, Yicai) — кандидат философских наук, Фуданьский университет (Шанхай, Китай), Пекинский университет (Пекин, Китай), niyicai@foxmail.com

Новикова Галина Викторовна — кандидат психологических наук, доцент, факультет педагогического образования МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва), novikg@rambler.ru.

Оноф Кристиан (Christian Onof) — доктор философии, доктор инженерных наук, почетный научный сотрудник, Колледж Биркбек, Лондонский университет, Имперский колледж Лондона (Лондон, Великобритания), c.onof@imperial.ac.uk.

Паткуль Андрей Борисович — кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии (Санкт-Петербург), a.patkul@spbu.ru

Палмквист Стив (Palmquist Stephen R.) — доктор философии, профессор Баптистского университета (Гонконг, Китай). stevepq@hkbu.edu.hk.

Перепечина Александра Сергеевна — аспирант, ассистент кафедры иностранных языков ФГСН РУДН (Москва), perepetchina-as@rudn.ru.

Подобуева Екатерина Владимировна — стажер-исследователь НИУ ВШЭ, Факультет гуманитарных наук, Школа философии, Научно-учебная лаборатория трансцендентальной философии (Москва), Katrin-arabesk@yandex.ru.

Поляков Артемий Александрович — студент второго курса бакалавриата факультета философии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (ВШЭ) (Москва), aarolyakov_2@edu.hse.ru

Попов Дмитрий Николаевич — кандидат философских наук, магистратура РГГУ (Москва), popovdник@gmail.com.

Попова Варвара Сергеевна — кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), varyud@mail.ru.

Пржиленский Владимир Игоревич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), vladprnow@mail.ru.

Петрас Алиция (Alicja Pietras) — доктор философии, Силезский университет в Катовице (Катовице, Польша), alicja.pietras@us.edu.pl.

Ровбо Маргарита Валерьевна — аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), ritarovbo@gmail.com.

Савинцев Вячеслав Игоревич — кандидат философских наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), vyacheslav-savincev@yandex.ru

Самохвалова Варвара Климентьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (ВАВТ) (Москва), bar-bar@mail.ru

Свердиков Антон Маркович — докторант Бергского университета (Вупперталь, Германия), anton.sverdlikov@gmail.com.

Сотников Василий Романович — стажер-исследователь, студент НУЛ трансцендентальной философии НИУ ВШЭ; (Москва), vtotnikov@edu.hse.ru.

Сторчеус Надежда Вячеславовна — кандидат философских наук, доцент Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань), iva68@yandex.ru

Счастливецва Елена Анатольевна — доктор философских наук, Вятский государственный университет (ВятГУ) (Киров), abcr@yandex.ru.

Терентьева Татьяна Александровна — закончила аспирантуру в УрФУ (Екатеринбург), tatyanaatraksel@gmail.com.

Тетюев Леонид Иванович — доктор философских наук, СГУ имени Н. Г. Чернышевского (Саратов), tetjuewl@mail.ru.

Филатов Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва), tortiptop@list.ru.

Форджионе Лука (Luca Forgione) — доктор философии (PhD), доцент философии языка Департамента гуманитарных наук, University of Basilicata, luca.forgione@gmail.com.

Фролов Александр Викторович — кандидат философских наук, философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва), alloff2008@yandex.ru.

Фролова Елизавета Александровна — доктор юридических наук, юридический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва), frolova.msu@mail.ru

Фэйрхерст Джорди (Jordi Fairhurst) — магистр философии, Университет Балеарских островов (Пальма, Испания), jordi.fairhurst@uib.es

Ханна Роберт (Robert Hanna) — доктор философии, независимый исследователь, директор Проекта современной кантовской философии, со-директор «Философии без границ» (США), bobhannahbob1@gmail.com

Хоган Десмонд (Hogan Desmond) — доцент философии, Принстонский университет (Принстон, США); deshogan@Princeton.edu

Чиботару Вероника Ливиевна — магистр философии, аспирант, Парижский университет Сорбонна (Париж, Франция), Бергский университет (Вупперталь, Германия), cibotaruveronica@gmail.com.

Шиян Анна Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории отечественной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (Москва), annasamoikina@tandex.ru.

Шнелль Александр (Alexander Schnell) — профессор теоретической философии и феноменологии, университет (Вупперталь, Германия), schnell@uni-wuppertal.de

Authors

Artemenko Natalya A. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], associate professor of the Department of cultural studies, philosophy of culture and aesthetics of the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University, editor-in-chief of “Horizon. Studies in Phenomenology” (St. Petersburg), n.a.artemenko@gmail.com.

Balanovskiy Valentin V. — PhD in Philosophy [Candidate of Philosophical Sciences], Senior Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), v.v.balanovskiy@ya.ru.

Belousov Mikhail A. — PhD in Philosophy [Candidate of Philosophical Sciences], Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Philosophy of Russian State University for the Humanities (SAUH) (Moscow), mishabelous@gmail.com.

Belov Vladimir N. — Doctor of philosophical sciences, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge of the Russian University of Peoples' Friendship (Moscow), belovvn@rambler.ru.

Bitekhtina Lyubov D. — Doctor of philosophical sciences. Sciences, professor, with the head of modality; «Religious-oriented psychotherapy»; OPPL (Moscow), l-bitekhtina@yandex.ru

Bolotov Ivan V. — PhD-student of Higher School of Economics, Moscow. bolotov.ivan.vladimirovich@gmail.com.

Cibotaru Veronika L. — master of philosophy, postgraduate student, Sorbonne University (Paris, France); University of Wuppertal (Wuppertal, Germany), cibotaruveronica@gmail.com.

Gromyko Yuri V. — DSc in Psychology, Professor, Director, Institute for Advanced Studies named after E. Schiffers (Moscow), nmu2005@yandex.ru.

Gromyko Nina V. — DSc in Philosophy, Head of Epistemic Technologies Group, Institute for Advanced Studies named after E. Schiffers (Moscow), gromyko_nina@mail.ru.

Danilkina Natalia V. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), natalia.danilkina@gmail.com

Dvorkin Ilya S. — Head of educational programs of the International Center for University Teaching of Jewish Civilization. Hebrew University of Jerusalem, (Jerusalem), idvorkin@mail.ru

Drozetskaya Elena V. — graduate student of the Division of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH) (Moscow), elevladr@gmail.com

Evtigneev Maksim D. — student, research-intern in Laboratory for Transcendental Philosophy, HSE (Moscow), racdonny@gmail.com.

Eroshenko Anton A. — Bachelor student, Research Assistant at the Laboratory of Transcendental Philosophy, HSE, Faculty of Humanities (Moscow), aeroshenko@hse.ru

Fairhurst Jordi — BA and MA in Philosophy, Universitat de les Illes Balears, Palma de Mallorca (Spain); jordi.fairhurst@uib.es

Filatov Vladimir P. — Doctor of Philosophy, professor, Russian State University for the Humanities (Moscow), toptiptop@list.ru.

Frolova Elizabeth A. — Doctor of law, faculty of Law, Lomonosov Moscow state University (Moscow), frolova.msu@mail.ru

Forgione Luca — Ph.D. in philosophy of language at the University of Naples *L'Orientale*. Associate professor of Philosophy and Theory of Languages at the University of Basilicata. Vice-provost for communication and coordinator of the graduate major degree course in *Philosophical Sciences*. luca.forgione@gmail.com

Frolov Alexander V. — PhD in Philosophy [The Candidate of Philosophical Sciences], Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy (Moscow), alloff2008@yandex.ru.

Hanna Robert — retired professor at University of Colorado (2014); Independent philosopher; Director, The Contemporary Kantian Philosophy Project; Co-Director, Philosophy Without Borders (USA), bobhannahbob1@gmail.com.

Hogan Desmond — Associate Professor of Philosophy, Princeton University (Princeton, USA), deshogan@Princeton.edu.

Ivanov Andrey E. — master's degree, Lomonosov Moscow state University (Moscow), Iv.andrey96@mail.ru

Kalinnikov Leonard A. — Doctor of Philosophy, Professor, Professor-consultant of the Baltic Federal University. I. Kant (Kaliningrad), leo.kalinnikov@gmail.com.

Katrechko Sergey L. — PhD in Philosophy (Logic) [The Candidate of Philosophical Sciences], Associative Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology of the Russian Orthodox University of St. John the Divine (ROU); Associative Professor of the Faculty of Philosophy, State Academic University for the Humanities (SAUH; Moscow), skatrecchko@gmail.com.

Klementev Boris S. — candidate of Philos. Sciences, Professor, Chernyshevsky state University, (Saratov), tetjuewl@mail.ru.

Kozarezova Olga O. the candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Theology of the St. John the Theologian's Moscow Orthodox Institute (Moscow), koz.helga@gmail.com

Kolka Constance — Doctor of philosophy, PhD candidate, Gete-University (Frankfurt-on-Maine, Germany), ckolka@web.de.

Komarov Sergey V. — P.PH.D in Philosophy [The Doctor of Philosophy], Professor of the Department za Philosophy of the Perm State National Research University, philos.perm@gmail.com

Konacheva Svetlana A. — Doctor of philosophical sciences, Head of Chair of modern problems of philosophy, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH; Moscow) konacheva@mail.ru

Kozhokaru Natalia I. — Assistant, Department of Logic and Epistemology, State Academic University for the Humanities (SAUH; Moscow), natashakozhokaru@gmail.com

Krioukov Alexei N. — Dr. Phil, Professor of Philosophy Department, Institute of Human Philosophy, The Herzen State Pedagogical University, Sociological Institute of FCTAS RAS (Saint-Petersburg), akrum@ya.ru.

Kulikov Sergey B. — Doctor of philosophical sciences, Associate Professor, Director of Science and Education Center for Humanities in Tomsk State Pedagogical University (Tomsk), kulikovsb@tspu.edu.ru.

Kuskova Svetlana M. — PhD in Philosophy (Logics), teacher in department of Humanities of Elektrostal Polytechnic Institute (Elektrostal), adiafora@tut.by

Kuznetsova Natalia I. — Doctor of philosophical sciences, professor of Chair of modern problems of philosophy, Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities (Moscow), cap-cap@inbox.ru.

Lebedeva Anastasia V. — post-graduate student of the Department of ontology and theory of knowledge, RUDN, (Moscow), ionceva95@mail.ru

Lepilova Arina I. (Moscow, Russia) — student of the National Research University “Higher School of Economics”, researcher of the Laboratory of Transcendental Philosophy (HSE) (Moscow), ailepilova@edu.hse.ru

Litvin Tatiana V. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Dean of Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg), littatiana@gmail.com

Lyzlov Alexej V. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], associate professor Philosophical Department RSUH (Moscow), a_lyzlov@mail.ru

Loshakov Ruslan A. — Doctor of Sciences in Philosophy (History of Philosophy), professor of Pontifical University of John Paul II (Krakow, Poland), professor of St. Philaret's Christian Orthodox Institute (Moscow), veroneze1120@hotmail.se

Loginov Alexander V. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Associated Professor at the Department of Russian Philosophy of philosophical faculty of Russian State University for the Humanities (Moscow), loginovav@mail.ru

Loginovskaya Yuliya V. — Graduate student of the National Research Tomsk State University (Tomsk), urucel@yandex.ru

Makhlin Vitaly L. — Doctor of philosophical sciences, professor. Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Moscow), vitmahlin@mail.ru

Myasnikova Tatyana A. — Trainee researcher in the Scientific and Training Laboratory Transcendental Philosophy, 3rd year student of School of Philosophy at the National Research University Higher School of Economics (Moscow), tamyasnikova777@gmail.com

Mikhailov Igor F. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Senior Researcher, Institute of Philosophy (Moscow), ifmikhailov@gmail.com

Mikhaylov Yaroslav K. — 2nd year student of the master’s program “Philosophical Anthropology”, National Research University Higher School of Economics (Moscow), yakmikhaylov_2@edu.hse.ru

Maslova Anastasia V. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], assistant professor of department of philosophy Moscow State Linguistic University (Moscow), an_maslova@inbox.ru

Medova Anastasia A. — DSc in Philosophy (Ontology) [The Doctor of Philosophical Sciences], Professor, the Department of Philosophy and Social Sciences of the Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Reshetnev University, Krasnoyarsk). Professor, the Department of Musical and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (KSPU, Krasnoyarsk), amedova@list.ru.

Miroshnichenko Maxim D. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], research assistant, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National research University Higher school of Economics (Moscow); senior lecturer, Department of bioethics and international medical law, UNESCO international faculty, Russian national research medical University Pirogov University (RNIMU) (Moscow), jaberwokky@gmail.com.

Mishagin Pavel A. — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Social Engineering, Siberian State University of Science and Technology (Reshetnev University) (Krasnoyarsk), mishagin@sibsau.ru.

Mukhutdinov Oleg M. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], associate professor of the chair of the history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and philosophy of culture, department of philosophy, Ural federal university (Yekaterinburg), o.m.mukhutdinov@urfu.ru

Nesteruk Alexei V. — DSc (Philosophy), PhD (Physics/Mathematics), Visiting Research Lecturer, University of Portsmouth, UK, Leading Research Scientist, St Petersburg State Marine Technical University (St Petersburg), alexei.nesteruk@port.ac.uk

Nevvazhay Igor D. — Doctor of philosophical sciences, professor of philosophy department of Saratov State Law Academy (Saratov), igornevv@gmail.com.

Ni Yicai — PhD in Philosophy, candidate in Philosophy at Institute of Foreign Philosophy, Peking University (Beijing, China), currently visiting fellow at Philosophisches Seminar, Universität Tübingen (Tübingen, Germany), niyicai@foxmail.com

Onof Christian — PhD in Mathematics and Engineering, PhD in philosophy, Birkbeck College, University College London, member of the editorial board of Kant Studies Online and co-founder of the journal Episteme, Area Editor for 18th Century German Philosophy at the Internet Encyclopedia of Philosophy (London, Great Britain), c.onof@imperial.ac.uk

Palmquist Stephen R. — Doctor in Philosophical theology, Prof., Department of Religion and Philosophy, Hong Kong Baptist University, stevepq@hkbu.edu.hk.

Patkul Andrei B. — PhD in Philosophy [The Candidate of Philosophical Sciences], St Petersburg State University, Institute of Philosophy (St Petersburg), a.patkul@spbu.ru

Perepechina Alexandra S. — post-graduate student, assistant of the Department of foreign languages of the Russian Academy of Sciences, (Moscow), perepechina-as@rudn.ru

Przhilenskiy Vladimir I. — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), vladprnow@mail.ru

Podobueva Ekaterina. V. — Research Assistant, 4-year undergraduate student, Faculty of Humanities, HSE, (Moscow), katrin-arabesk@yandex.ru

Polyakov Artemy A. — 2nd year undergraduate in Philosophy (History of Philosophy), National Research University Higher School of Economics (HSE; Moscow), aapolyakov_2@edu.hse.ru

Popov Dmitry N. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Yaroslavl State University of P.G. Demidova (Yaroslavl), popovdnik@gmail.com

Popova Varvara S. — PhD in Philosophy (Logic) [The Candidate of Philosophical Sciences], I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), Assistant Professor, varyud@mail.ru

Pietras Alicja — PhD in philosophy, MA in sociology, Assistant Professor, Faculty of Humanities, Institute of Philosophy, University of Silesia in Katowice, Poland, alicja.pietras@us.edu.pl, alicja.pietras@gmail.com

Rovbo Margarita V. — PhD student at the Department of Philosophy of Culture, Faculty of Philosophy and Social Sciences, (Minsk, Belarus), ritarovbo@gmail.com.

Samokhvalova Varvara Kl. — PhD in Philosophy (Philosophical Antropology) [The Candidate of Philosophical Sciences], Associate Professor, Department of Humanities and Social Sciences, Russian Foreign Trade Academy (VAVT; Moscow), bar-bar@mail.ru

Savintsev Vyacheslav I. — PhD in Philosophy [The Candidate of Philosophical Sciences], Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU; Kaliningrad), vyacheslav-savincev@yandex.ru

Schastlivtseva Elena A. — Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of philosophy Vyatka state University (Kirov), aber@yandex.ru.

Schnell Alexander — PhD in Philosophy, Professor, Bergische Universität Wuppertal (Deutschland), schnell@uni-wuppertal.de.

Shiyan Anna A. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Associated Professor at the Department of Russian Philosophy of philosophical faculty of Russian State University for the Humanities (Moscow), annasamoikina@tandex.ru.

Sotnikov Vasily R. — philosophy student of the National Research University “Higher School of Economics”. Researcher of the Laboratory of Transcendental Philosophy (HSE; Moscow), vtotnikov@edu.hse.ru

Storcheus Nadezhda V — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], associate Professor of philosophy, Ryazan state University named for S. A. Yessenin (Ryazan); iva68@yandex.ru

Sverdlikov Anton M. — PhD-Student in Philosophy of the Bergische Universität Wuppertal, (Wuppertal, Germany), anton.sverdlikov@gmail.com.

Terentyeva Tatyana A. — completed postgraduate studies at the Ural Federal University (Ekaterinburg), tatyanaatraksel@gmail.com.

Tetyuev Leonid I. — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov), tetjuewl@mail.ru.

Zagidullin Zhan K. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Affiliated Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow), autist2000@mail.ru

Zhukov Vyacheslav N. — Doctor of Philosophy, Doctor of law, faculty of law, Lomonosov Moscow state University (Moscow), pifagor2002@mail.ru

Zaitsev Igor N. — PhD in Philosophy [Candidate of philosophical sciences], Associate professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, zaitsevigor9@gmail.com.

Content (in English)

On Moscow Transcendental Seminars	9
Section 1. Kant's Project of Transcendental Philosophy	
Katrechko S. L. Kant's project of transcendental philosophy	13
Schnell A. Reflections on Transcendental phenomenology today	15
Kalinnikov A. A. I. Kant on transcendental idealism and critical transcendentalism	16
Pietras A. What does it mean to be empirical realist and transcendental idealist at the same time? On the essence of the transcendental method	18
Nevvazhay I.D. Transcendental versus principle of identity	19
Makhlin V. L. "Inverted premise": Socio-ontological transformation of transcendentalism in the philosophy of the late of the New Time	21
Shiyan A. A. Husserl's transcendental phenomenology as a descriptive metaphysics	24
Vorobyeva A. A. Influence of Kant's transcendentalism on the object-oriented ontology of Graham Harman	26
Section 2. Kant's Transcendentalism	
Hanna R. Sensibility First: How To Interpret Kant's Theoretical and Practical Philosophy	28
Komarov S.V. Ontological interpretation of the postulates of empirical thinking	30
Onof Ch. On the Third Antinomy and the nature of Transcendental Idealism	32
Loshakov R. A. The proof of the "third analogy of experience" in Kant's "Critique of Pure Reason": between possible experience and the possibility of experience	33
Mukhutdinov O. M. Constitution of the subject of knowledge in Kant's transcendental logic	35
Bolotov I.V. Two histories of Reason in I. Kant	37
Polyakov A. A. Role of I. N. Tetens in the Creation of the First Edition of Critique of Pure Reason	38
Sotnikov V. R. Modality categories: Kant vs. Hegel	40
Schastlivtseva E.A. Transcendental scheme of space and time in Kant's philosophy	41
Section 3. Transcendental Method and Science	
Katrechko S.L. Transcendental metaphysics and Kant's method as a methodology of modern scientific knowledge (introduction)	44
Palmquist S. Prolegomena to Any Future Mathematics? Kant's Influence on Post-Kantian Scientific Revolutions	45
Nesteruk A.V. Scientific activity and the structure of physical reality in the perspective of philosophical phenomenology	47

Przhilensky V. I. Methodological induction as a means of constructing reality in the philosophy of science of late Husserl	49
Hogan D. Kant and the Character of Mathematical Inference	51
Evstigneev M. D. What does it mean for mathematics to give real definitions of its concepts?	52
Mikhailov Y. K. Birth of phenomenology from the spirit of mathematics	54

Section 4. Transcendental Conception of the Subject (Consciousness)

Forgione L. Kant and the pre-reflective self-consciousness	57
Miroshnichenko M. D. “The Science of the Other”: is cardiophenomenology capable of solving the difficult problem of consciousness	60
Rowbo M.V. E. von Hartmann on the “fall” of the transcendental subject in the philosophy of I. Kant	62
Balanovsky V.V. The unconscious as a sufficient reason: Kant on dark representations	64
Gromyko N.V., Gromyko Yu.V. Knowledge of consciousness and modern theatrical contexts of its capabilities	66
Bitekhtina L. D. Anthropological sketches: a gift and a vocation (based on “Kantian variations” by M. K. Mamardashvili)	69
Loginovskaya Y.V. From Kant to Popper: the development of ideas about a person in the context of the problem of identity	70

Section 5. Phenomenological Method and Science

Popov D. N. Systematization of the directions of the phenomenological philosophy of science	74
Dokuchaev I. I. Phenomenology as a rigorous science and the problem of demarcation of philosophy and science	76
Belousov M.A. Husserl vs Galileo: an inverted criticism of naturalism	78
Berdaus S.V. The problem of substantiating knowledge in phenomenology from the point of view of modern epistemology	80
Cibotaru A. L. Universal grammar project from a phenomenological point of view	82
Kolka C. Husserls Strukturentwurf in Bezug auf die Grammatik des Deutschen	84

Section 6. Phenomenology and problems of the World

Kryukov A.N. Nature as a physis, life as a Lebenswelt (Klaus Held on the phenomenological problems of Kantian foundations)	86
Terentyeva T. A. Fact as objective reality and the concept of factuality in transcendental phenomenology	88
Patkul A. B., Frolov A. V. The world as a source of possible	90

Artemenko N.A. Transformation of the concept of peace in early Heidegger	92
Drozhetskaya E. V. The Problem of Correlation between the Phenomenological and the Aesthetic Attitude in E. Husserl's Works	94
Sverdlikov A. M. Aletheia and Absolute: A Comparison of the Critique of Transcendentalism in Late Heidegger and in German Idealism	96
Yicai N. Schelling and Husserl on the Concept of Passive Synthesis	98

Section 7. Transcendental Method and its Development in Neo-kantianism.

Belov V.N. Philosophy of Religion by G. Cohen and P. Natorp	100
Dvorkin I.S. Kogen, Heidegger and the scientific revolution of the New Age	102
Zhukov V. N. Kantianism and neo-Kantianism in the sociology of German and Russian law of the late XIX — early XX centuries	103
Frolova E.A The phenomenon of legal consciousness in the theory of B.A. Kistyakovsky	105
Tetyuev L. I. Neo-Kantianism and the relevance of the critical method of Kant in contemporary philosophy	106
Klementyev B.S. Ethics by German Cohen: from a priori moral to ethical socialism	108
Kornilayev L. Y. Transcendentalism transformation in the late philosophy of P. Natorp	110
Popova V.S.A.I. Vvedensky on time in connection with the problem of free will	112
Storcheus N.V. Criticism of anthropology of russian Neo-Kantianism by representatives of the religious direction of russian philosophical and pedagogical anthropology	114
Lebedeva A.V. A.V. Weidemann's aesthetics	116
Perepechina A. S. Hermann Cogen's Theory of Knowledge in the assessment of modern researchers	118
Ivanov A. E. Marxist criticism of neo-Kantianism — the legal aspect	120

Section 8. Transcendental Method and Epistemology: Scientific Knowledge and Conditions of its Possibility

Katrechko S. L. Is it possible to know things in themselves (Kant, Husserl, Gibson)?	122
Kuznetsova N.I. Knowledge in terms of the theory of social relay races?	124
Zagidullin Z. K. Prospects of Epistemology: "Scientific Knowledge and the Conditions of Its Possibility	126
Filatov V.P. Folk psychology as a kind of knowledge	129
Samokhvalova V.K. From rhetorical questions to epistemological problems: on the formation of epistemology G.V. Leibniz	130
Shiyan A.A. Understanding of knowledge and knowledge in the transcendentalism of the early twentieth century	132

Loginov A. V. “How is knowledge possible” in the philosophy of M. Scheler	135
Kulikov S. B. The ethos of science and its criticism based on the ideas of Husserl and Wittgenstein	137

Section 9. Transcendental Method and its Applications in Theology and Ethics

Konacheva S.A. Autonomous and theonomic death: interpretation of a limb in the transcendental theology of Karl Raner	139
Litvin T.V. Transcendental method in modern discussions about the scientific status of theology	141
Zaitsev I. N. Theological Objection To The Mythologization Of Science	142
Kozarezova O. O. Antinomism of the Trinity theology of Paul Florensky and the transcendental dialectic of I. Kant	145
Mishagin P.A. Freedom as a free causality in the unity of the transcendental and practical aspects	147
Lepilova A. I. The path to freedom through the beautiful: Schiller against Kant	150
Fairhurst J. ‘Ethics is Transcendental’ (Tractatus Logico-Philosophicus, 6.421)	152
Kozhokaru N. I. Kant’s categorical imperative in medical deontology	153

Section 10. Receptions of Transcendentalism. Applied Transcendental Studies

Mikhailov I.F. Kant and social ontologies	155
Kuskova S. M. The Transcendental approach to social cognition	157
Lyzlov A.V. Language as a condition for the possibility of cognition in the philosophy of I.G. Hamana	159
Danilkina N. Humanity as the transcendental subject of science: Bulgakov vs Kant	160
A. Medova. Transcendental method in musical research	163
Maslova A.V. The aesthetic problem in the transcendental philosophy of Immanuel Kant	164
Eroshenko A. A. “The position of time and the way of attitude to history in the transcendental paradigm of I. Kant”	166
Myasnikova T.A. “The Kantian distinction between transcendental and rational concepts as a key to understanding the relationship of morality and taste”	168
Podobueva E.V. Analysis of the “Black Square” by K. Malevich in the context of the phenomenological method of perceiving the beautiful J.-L. Marion	170
Savintsev V. I. Space and time as “a priori truths” in D.N. Tserteleva	172